

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

9-й год издания

№ 5

Май 1939 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Л. Мандельштам

СТАЛИНСКИЙ ЭТАП В МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ НАУКЕ О ГОСУДАРСТВЕ

Маркс и Энгельс, опираясь на открытые ими законы общественного развития, применив метод диалектического материализма к изучению общественных явлений, раскрыли тайну возникновения, развития и исчезновения государства, вскрыли его недлинную классовую природу и его роль в классовой борьбе. Они блестяще показали, что машина буржуазного государства должна быть разрушена, сломлена в пролетарской революции и что рабочий класс на его месте утверждает свою диктатуру, создает свое новое, пролетарское государство. Наконец, Маркс и Энгельс дали общую формулу об отмирании пролетарского государства.

Величайшая историческая заслуга Ленина и Сталина состоит в том, что они не только стояли и сохранили в борьбе с врагами социализма во всей чистоте учение Маркса и Энгельса о государстве, но практически претворили его в жизнь, осуществляя как вожди рабочего класса руководство победоносной социалистической революцией в СССР. Опираясь на опыт пролетарской революции и социалистического строительства в пределах гигантской страны, они двинули это учение вперед. Ленин открыл и обосновал советскую власть как государственную форму диктатуры пролетариата. Ленин и Сталин по-новому разработали вопрос о государстве и демократии вообще и о советском государстве и социалистической демократии в особенности, о

роли и задачах государства в строительстве социализма, о мерах укрепления государства переходного периода от капитализма к коммунизму.

Бессмертная заслуга товарища Сталина заключается в дальнейшей марксистской разработке вопроса о государстве, в том, что он выполнил то, чего не успел завершить Ленин. Товарищ Сталин разработал вопрос о фазах и функциях государства переходного периода от капитализма к коммунизму, о роли социалистического государства в условиях капиталистического окружения и по-новому поставил вопрос о путях отмирания социалистического государства на высшей фазе коммунизма.

Трудами товарища Сталина марксистско-ленинское учение о государстве обогащено и поднято на новую, высшую ступень.

1

Исследуя вопрос о государстве в условиях общества, расколотого на антагонистические классы, марксизм-ленинизм учит, что всякое государство есть организация господствующего класса, «орган классового господства, орган угнетения одного класса другим»¹. Этот тезис является центральным пунктом в марксистско-ленинском учении о государстве.

Именно в свете этого положения раз-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 373.

облачается вся лежь различных буржуазных «учений» о государстве, пытающихся скрыть подлинную классовую, эксплуататорскую сущность буржуазного государства и приписать ему надклассовый характер. Общими фразами о «всеобщих интересах», о «народном благе» и тому подобными бессодержательными словечками буржуазные ученые пытаются представить дело таким образом, будто угнетательская государственная машина бескорыстно служит интересам всего общества в целом, служит в одинаковой степени как эксплуататорам, так и эксплуатируемым. Не трудно понять, что здесь ученые слуги буржуазии выполняют только социальный заказ своих господ — завуалировать классово угнетательскую природу государства, дать философское освящение насилию и «обосновать» незыблемость эксплуататорского строя.

Пролетарская революция никогда не могла бы победить и закрепить свою победу, если бы Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин не вооружили рабочий класс строго научным, выдержавшим все испытания учением о государстве.

«...вопрос о государстве, — говорил Ленин, — есть один из самых сложных, трудных и едва ли не более всего запутанных буржуазными учеными, писателями и философами»¹.

Нам нет необходимости подробно останавливаться здесь на рассмотрении различных псевдонаучных и просто фантастических построений, при помощи которых эксплуататорские классы в зависимости от исторических условий своего времени теоретически «объясняли» происхождение своей полигической власти, своего государства. Уже в третьем тысячелетии до нашей эры египетские властители — фараоны — объявили себя сыновьями бога, которым должны беспрекословно подчиняться все подданные.

Как известно, теологические объяснения происхождения государственной власти, как правило, получили официальное хождение в рабовладельческом и крепостническом обществах. С развитием промышленного капитализма эти фантастические богословские построения уступают место различным буржуазным учениям. Представитель революционной мелкой буржуазии Жан-Жак Руссо объяснял происхождение государства, исходя из идеи общественного договора.

По мнению мелкобуржуазного теоретика Е. Дюринга, причину возникновения государства надо искать в факте насилия, путем которого одна часть общества поработывает другую. Из этой же предпосылки, по существу, исходил и буржуазный юрист Л. Гумплович, утверждавший, что государ-

ство возникло путем насилия, причем победители образовали правящий класс, а побежденные и поработанные — класс рабочих и служащих.

В основном такова же и точка зрения ренегата Каутского, который также видел причину возникновения государства в факте насилия, в войне. Но Каутскому, выходит, что та организация принуждения, которую победитель налагает на побежденного, и становится государством.

Теория насилия несмотря на всю свою внешнюю, кажущуюся революционность и действительности насквозь фальшива и реакционна. Марксизм не отрицает факта насилия, но выводит его из материальных причин общественного развития. Насилие, взятое вне этой связи, как самодовлеющий фактор, превращается в пустышку, приводит прямой дорогой к идеализму.

Раскрыть подлинную сущность государства и его классовое назначение можно только на базе марксистского материализма, применив метод диалектического материализма к изучению государства, или, другими словами, подойдя к его изучению исторически, т. е. рассматривая государство в стадиях его зарождения, развития и исчезновения.

В своей знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс дал глубочайший исторический анализ возникновения и развития государства, а также общую формулу его отмирания. Государство существовало не извечно: когда человеческое общество не было еще расколото на классы, не было и государства. «Были общества, — пишет Энгельс, — которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти»².

В истории человеческого общества был длительный период, растянувшийся на многие тысячелетия, когда люди жили в условиях так называемого родового строя. «Родовое устройство выросло из общества, не знавшего никаких внутренних противоречий, — пишет Энгельс. — ...Оно не обладало никакими другими средствами принуждения, кроме общественного мнения»³. Но родовой быт соответствовал тому периоду, когда человеческое общество еще стояло на весьма низкой материальной и культурной ступени своего развития.

Однако разделение труда и рост его производительности, а также развитие обмена привели к возникновению частной собственности на средства производства, полюбили устой первобытного коммунистического общества, разрушили общественные

² Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 175. Партиздат. 1932.

³ Там же, стр. 170.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 362.

связи родового строя и открыли эпоху классового общества. Появилась эксплуатация человека человеком. Общество раскололось на эксплуататоров и эксплуатируемых, на свободных и рабов. Это было первое крупное историческое разделение общества на антагонистические классы. «А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидному, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, прошедшая из общества, но ставшая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»¹.

Здесь Энгельсом совершенно ясно сформулирована основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и значении государства, которая, по словам Ленина, заключается в том, что «государство есть продукт и проявление не примиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены»².

Ленин указывает, что именно по этому важнейшему и коренному пункту идет фальсификация и извращение революционного марксизма. В частности мелкобуржуазные филателисты трактуют государство как организацию «порядка» и вопреки ясному смыслу учения Маркса и Энгельса понимают под «порядком» гармоническое примирение антагонистических классов, в то время как на языке революционного марксизма создание «порядка» означает только узаконение и упрочение господства одного класса над другим, а «умерять столкновение» классов значит не примирять их, а отнимать у угнетенных классов средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Центральный тезис в марксистском учении о государстве сформулирован Энгельсом в следующих словах: «Так как государство возникало из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникало в самых столкновениях этих классов, то оно, по общему правилу, является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»³.

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 171—172.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 372.

³ Ф. Энгельс «Происхождение семьи,

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» дает блестящий образец марксистско-исторического анализа происхождения государства. На широком фактическом материале он показывает, как в связи с изменениями условий материальной жизни людей складываются и изменяются формы семьи, происходит разложение родового быта, появляется частная собственность, возникает экономическое и социальное неравенство между людьми, образуются классы, а с ними и государство. Энгельс подробно анализирует процесс разложения родового строя у древних греков, римлян и германцев и показывает, как на развалинах родового строя в зависимости от различных исторических условий складывается и вырастает государство. В наиболее своей чистой и классической форме этот процесс образования государства совершался в Афинах, ибо Афинское государство возникло непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, в результате экономической дифференциации, развившейся внутри самого родового общества.

Но и в древнем Риме, как и у германских победителей Римской империи, государство никак не представляет собой силы, извне навязанной обществу: оно везде возникает на известной ступени развития как продукт общества, как продукт не примиримости его классовых противоречий. А это и есть главное в марксистском учении о происхождении государства.

Вся история человеческого общества со времени раскола его на классы полностью подтверждает это положение марксизма-ленинизма. История дает нам обильный фактический материал о том, как возникали, развивались и падали государственные образования, она иллюстрирует смену государственных форм и показывает их переходящий, исторический характер. Но какие бы исторические формы ни принимало государство в классовом, антагонистическом обществе, сущность его неизменно оставалась одной и той же: оно оставалось органом господствующего класса, органом подавления одного класса другим, орудием эксплуатации угнетенного класса. «Так, античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, как феодальное государство — орган дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство — орудие эксплуатации наемного труда капиталом»⁴. В своей лекции о государстве, прочитанной в 1919 году в

частной собственности и государства», стр. 173—174.

⁴ Там же.

Свердловском университете, Ленин говорил: «Форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим — где другая, но по существу власть остается в руках капитала: есть ли цензовое право или другое, есть ли республика демократическая, и даже чем она демократичнее, тем грубее, циничнее это господство капитализма»¹.

Марксизм-ленинизм закончил с лицемерной буржуазной легендой о надклассовом характере государственной власти, с мифом о том, что государство эксплуататоров является выразителем всеобщей воли народа.

Эксплуаторское государство есть политическая надстройка классового общества, выросшая из его непримиримых экономических противоречий и поставившая себя над ним как особая сила для подавления. Закрепляя порядки, угонные эксплуататорским классам, государство опирается на специальный разветвленный аппарат, состоящий из армии, полиции, чиновничества, судов и тюрем. Этот эксплуататорский государственный аппарат еще более совершенствуется в эпоху промышленного и в особенности финансового капитала. Утвердившись у власти и захватив в свои руки феодально-монархическую государственную машину, буржуазия еще более усовершенствовала систему организованного государственного насилия путем централизации государственной власти и создания мощного чиновно-бюрократического и военного аппарата. Государство, как говорит Маркс, превратилось в «национальное орудие войны капитала против труда».

Как исторически складывалось это централизованное паразитическое государство буржуазии, Маркс блестяще показал на анализе опыта революции 1848—1851 годов в своей гениальной работе «18-ое Брюмера Луи Бонапарта».

Только пролетариат, в силу экономических условий своего существования, в борьбе за разрушение основ капиталистической эксплуатации и буржуазного общества, может осуществить свержение господства буржуазии путем насильственной революции. Уже в «Коммунистическом Манифесте» (1847 год) Маркс и Энгельс дают блестящее описание общих фаз развития пролетариата, показывают, как более или менее скрытые формы классовой борьбы внутри буржуазного общества превращаются в открытую революцию и пролетариат, насильственно испровергая буржуазию, закладывает основы своего политического господства.

Какие же задачи ставит пролетарская революция перед рабочим классом в отношении буржуазного государства? На этот вопрос Маркс дал ответ в своем «18-ом Брюмера Луи Бонапарта». Здесь он впервые сформулировал свой знаменитый тезис о том, что пролетарская революция должна поставить перед собой задачу не улучшения, а разрушения, слома государственной машины буржуазии.

Правильность этого теоретического вывода марксизма история полностью подтвердила еще при жизни Маркса. Героический опыт Парижской коммуны доказал, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей, а должен ее сломать.

Таким образом, буржуазная государственная машина не отмирает, а уничтожается в пролетарской революции. Если все прежние революции в той или иной степени только совершенствовали государственную машину, то задача пролетариата заключается в том, чтобы разбить, сломать ее. В этом главное, основное в марксистско-ленинском учении о государстве.

Не приходится удивляться, что именно этот кардинальный пункт также является предметом извращения со стороны буржуазных и социал-предательских фальсификаторов науки. В частности ренегат Каутский положил немало труда для того, чтобы «доказать», что Маркс якобы выступал только против «буржуазно-милитаристской формы» государственного аппарата, а не против его буржуазно-демократической формы и что поэтому пролетариат может использовать в деле своего освобождения исторически унаследованную им буржуазно-демократическую форму государства, а, следовательно, обойтись и без слома буржуазной государственной машины.

С этих же позиций отрицания необходимости слома государственной машины буржуазии боролся с революционным марксизмом и ряд других видных теоретиков II интернационала: Гляйфердинг, Кунов и другие. Эти агенты буржуазии в рабочем движении пытались уговорить рабочих, что в условиях всеобщего избирательного права, парламентского режима, — словом, в обстановке буржуазной демократии рабочий класс якобы даже заинтересован в сохранении буржуазного государства и может идти к социализму без насильственных действий, мирным путем.

Эти, как и другие антимарксистские и враждебные пролетариату «теории», были до конца разоблачены Лениным и Сталиным.

Бесспорно, буржуазная демократия, несмотря на всю свою классовую ограничен-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 375.

ность и отрицательные стороны, представляет собой исторически прогрессивное явление, по сравнению, например, с феодально-абсолютистским режимом, и должна быть в современных условиях широко использована в борьбе против фашизма. Но пролетариату, для того чтобы осуществлять свою историческую миссию, нужна своя, социалистическая государственность — диктатура пролетариата.

В своей гениальной работе «Государство и революция» Ленин показал, что правильность марксистского положения о сломе буржуазной государственной машины подтверждается всем ходом исторического развития; что эпоха империализма «показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах» и что «всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушение» государственной машины»¹.

2

Между капитализмом и коммунизмом лежит переходный период, когда рабочий класс, захвативший революционным путем власть, создает свое государство. «...государство этого периода, — говорит Маркс в «Критике Готской программы», — не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»².

Величайшая историческая заслуга Ленина и Сталина состоит в том, что они не только отстаивали во всей чистоте учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, но и как подлинно великие революционные мыслители двинули его вперед, теоретически обобщив опыт новой исторической обстановки.

Говоря о диктатуре пролетариата под углом зрения вопроса о союзниках рабочего класса, Ленин определяет диктатуру пролетариата как особую форму классового союза между пролетариатом, являющимся руководителем и авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся, в целях полного подавления сопротивления буржуазии и окончательной победы социализма.

Товарищ Сталин дает глубочайший анализ исторических задач, стоящих перед диктатурой рабочего класса, до конца рас-

крывает формы и методы классовой борьбы в переходный период от капитализма к коммунизму и дает классическую, носящую программный характер характеристику трех основных сторон диктатуры пролетариата:

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплуататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплуатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства»³.

Отсюда уже ясно, что государство в переходный период от капитализма к коммунизму может быть только государством диктатуры пролетариата, которое концентрирует всю полноту политической власти рабочего класса для осуществления великих задач, поставленных историей перед диктатурой пролетариата.

Разрабатывая учение Маркса о диктатуре пролетариата, Ленин открыл и теоретически обосновал советскую власть как государственную форму диктатуры рабочего класса. На основе глубокого анализа исторического опыта двух революций в России Ленин с нечеловеческой полнотой доказал, что не парламентская демократическая республика, а республика советов рабочих и крестьянских депутатов является наилучшей политической формой диктатуры пролетариата.

Эти гениальные идеи были вначале сформулированы Лениным в его исторических апрельских тезисах (1917 год), а затем подробно развиты летом того же года в его работе «Государство и революция».

Внепримечательно всяким оппортунистическим заклинаниям история шла по пути, предначертанному гениальным Лениным. Великая Октябрьская социалистическая революция превратила пролетариат в господствующий класс. Рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством вразрез разбил военно-бюрократическую буржуазную государственную машину и создал государство диктатуры пролетариата — Республику советов.

«Советская власть, — учит товарищ Сталин, — является новой формой

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 391.

² Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 419. Партиздат. 1937.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 112—113.

государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приуроченным не к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплуатации, к задачам диктатуры пролетариата»¹.

С победой Октябрьской социалистической революции осуществлялось на практике гениальное предвидение Ленина, сформулированное им еще в разгар первой мировой империалистической войны: «Теперь надо смотреть не назад, а вперед, к замене буржуазной демократии пролетарской»². Советы выполнили роль могильщика буржуазной государственной машины в нашей стране и открыли новую эпоху социалистической демократии.

«Советский строй, — учит ленинизм, — есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время он означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического, типа демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата»³.

Сталинская эпоха ознаменована дальнейшим ростом мощи диктатуры рабочего класса, ярким расцветом социалистического демократизма, окончательным укреплением экономических и политических позиций СССР — единого союзного социалистического государства. Великие победы социализма в СССР законодательно закрепила Сталинская Конституция.

3

Историческая заслуга в деле дальнейшей разработки марксистско-ленинского учения о государстве принадлежит великому теоретику и вождю коммунизма — товарищу Сталину. Опираясь на богатейший опыт советского государственного строительства, накопленный за два десятилетия в СССР, и исходя, как и Ленин, из глубочайшего существа революционного марксизма, товарищ Сталин всесторонне разработал вопрос о государстве переходного периода от капитализма к коммунизму, раскрыл пути и формы дальнейшего развития социалистического государства и окончательно разрешил вопрос о судьбе государства на высшей фазе коммунизма в условиях капиталистического окружения.

Маркс и Энгельс, подвизавшиеся в эпоху домонополистического капитализма, естественно, не могли ставить еще перед собой

задачу разрешения проблемы развития и отмирания государства в период перехода от капитализма к коммунизму во всем его многогранном, конкретном своеобразии. История еще не давала материала для постановки вопроса о путях развития конкретного социалистического государства в той или иной стране. Поэтому основоположники научного социализма исследуют вопрос о развитии социалистического государства вообще как общую и абстрактную проблему.

В более позднюю историческую эпоху — в эпоху империализма и пролетарских революций — великий Ленин поднял на высшую ступень марксистское учение о государстве, разработав вопрос о диктатуре пролетариата и ее советской государственной форме. Гениальная работа Ленина «Государство и революция» посвящена главным образом защите учения революционного марксизма о государстве от извращений буржуазных фальсификаторов и в первую голову Каутского. В послесловии к первому изданию этой книги, которая была написана в августе 1917 года, Ленин пишет, что он уже составил план продолжения работы над книгой, где он думает изложить «Опыт революций 1905 и 1917 годов». Во второй части «Государства и революции» Ленин предполагал на основе использования опыта существования советского государства еще дальше двинуть вперед марксистское учение о государстве. К сожалению, Ленин так и не успел выполнить эту исключительной важности сложную задачу.

То, чего не успел сделать Ленин, выполнил великий Сталин. Гениальный представитель творческого марксизма товарищ Сталин сделал ценнейший теоретический вклад в марксистско-ленинскую науку и поднял на новую, высшую ступень учение о государстве.

Победа пролетариата в социалистической революции не может быть закреплена без мощного аппарата государственной власти. Марксизм квалифицирует анархические вымыслы о том, что всякое государство есть «абсолютное зло», что государство ненужно рабочему классу и т. п., как прямую измену пролетариату. Известно, что враг социализма Бухарин еще в 1916 году, стоя на позициях отрицания государства в переходный период от капитализма к социализму, пропагандировал анархические бредни о «взрыве государства», о якобы «принципиальной враждебности» рабочего класса ко всякому государству вообще. Эта антимарксистская, контрреволюционная бухаринская «теория» была разоблачена Лениным и Сталиным.

Государство необходимо пролетариату для экспроприации буржуазии, для подавления

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 32.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 361.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 26.

сопротивления свергнутых классов, для организации военной защиты и внутренней безопасности социалистического строя, для государственного руководства трудящимися со стороны рабочего класса, для упрочения связей с пролетариатом и трудящимися капиталистических стран, для дальнейшего социалистического строительства, полного уничтожения классов и создания всех предпосылок для перехода к высшей фазе коммунизма.

Марксизм-ленинизм всегда учил, что государство является не вечной, а исторической категорией. Когда социалистическое государство до конца исчерпает свои исторические задачи, оно «заснет» и отпадет окончательно.

Марксизм-ленинизм обуславливает сложный и длительный процесс отмирания социалистического и коммунистического государства рядом социально-экономических предпосылок. Проанализировав основную, общую линию этого процесса в книге «Государство и революция», Ленин пишет в 1917 году: «...мы и в праве говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития в высшей фазе коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материалу для решения таких вопросов нет»¹.

Одним уничтожающим, гениальным замечанием Ленин опрокинул претенциозное, вражеское извращение Бухарина, которое последний выдавал за якобы «марксистскую схему отмирания государства». По бухаринской схеме вышло так, что «внешне принудительные нормировки начнут отмирать: сначала отомрет армия и флот, как орудие наиболее острого внешнего принуждения; потом система карательных и репрессивных органов; далее — принудительный характер труда и проч...» На полях, около этого места, Ленин делает мудрое прощительное замечание: «Не наоборот-ли: сначала «далее», затем «потом» и наконец «сначала»?»².

Как далеко прелюдывал Ленин ход исторических событий, видно из его замечательных высказываний, сделанных им в «Военной программе пролетарской революции» еще в 1916 году. Исходя из своей новой, законченной теории социалистической революции, теории о возможности победы социализма в отдельных странах, Ленин предсказал неизбежность стремлений буржуазных государств к военному разгрому социалистической страны. «В этих случаях война с нашей стороны, — писал

Ленин, — была бы законной и справедливой. Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии»³.

В связи с этим Ленин особо подчеркнул, что до тех пор пока пролетариат не обезоружит буржуазию, он не сможет сложить оружия.

Внутренняя связь этих ленинских идей с лаконичным замечанием Ленина по поводу антимарксистской бухаринской схемы отмирания государства очевидна. Эти же ленинские идеи получили дальнейшее развитие в работах товарища Сталина, который дал новую постановку и решение проблемы о путях развития и отмирания социалистического государства.

Теоретические работы товарища Сталина развеяли в прах троцкистско-бухаринские измышления, направленные к подрыву мощи диктатуры пролетариата и социалистического государства. Товарищ Сталин гениально развернул марксистско-ленинское учение об уничтожении классов, о построении бесклассового общества и отмирании государства в период коммунизма. «Уничтожение классов, — учит товарищ Сталин, — достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее успления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро еще будет уничтожено»⁴.

Под руководством товарища Сталина социализм уже в основном построен в нашей стране и СССР вступил в новую полосу развития — завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к высшей фазе коммунизма.

В своем историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин дал глубочайший анализ развития форм и функций социалистического государства, охватывающий весь опыт советского государственного строительства в нашей стране. Товарищ Сталин показал, что со времени Великой Октябрьской революции советское социалистическое государство прошло в своем развитии две главные фазы.

«Первая фаза, — говорит товарищ Сталин, — это период от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов. Основная задача этого периода состояла в подавлении сопротивления свергнутых классов, в организации обороны страны от нападения интервентов, в

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 436.

² Ленинский сборник XI, стр. 400.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 325.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 509.

восстановлении промышленности и сельского хозяйства, в подготовке условий для ликвидации капиталистических элементов»¹. В соответствии с основной задачей этого периода наше государство осуществляло две основные функции: первая — подавление свергнутых классов внутри страны и вторая — оборона страны от нападения извне. Этим наше государство, указывает товарищ Сталин, внешним образом напоминало предыдущие государства. Но за этим внешним покровом нельзя не видеть принципиальной разницы, всей пропасти, лежащей между эксплуататорскими и социалистическими государствами, обусловленной их глубоко различной классовой природой.

Но почему именно эти две функции: подавление свергнутых классов и военная оборона страны — составляли основную задачу этого периода? К чему конкретно сводились эти функции подавления, осуществляемые государством первой фазы? Уже «на другой день» после победы пролетариата перед социалистическим государством встала задача — подавить, сломить сопротивление свергнутых, экспропрированных социалистической революцией помещиков и капиталистов, ликвидировать их попытки, направленные к реставрации капитализма в нашей стране.

«А буржуазия имеет свои основания, — говорит товарищ Сталин, — делать попытки к реставрации, ибо она после своего свержения надолго еще остается сильнее свергнувшего ее пролетариата»².

Диктатура пролетариата означает не прекращение классовой борьбы, а, наоборот, ее продолжение в новых, еще более острых формах. Ленин указывал на «две основные задачи (и, соответственно, две новые формы) классовой борьбы при диктатуре пролетариата:

1) подавление сопротивления эксплуататоров (и всякого рецидива, возврата к капитализму и к капиталистическим традициям).

2) систематическое руководящее воздействие (тоже = борьба, но особого рода, преодоление известного, правла, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев»³.

Свергнутые эксплуататоры бросаются в бой за возвращение своих привилегий, за возвращение отнятого у них «рая», «с уде-

сятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат»⁴.

Как показал исторический опыт классовой борьбы в СССР, свергнутые классы мобилизовали и пустили в ход все средства борьбы с советской властью и социалистической революцией. Методы явного и скрытого саботажа, террористические акты и организация диверсий, широкая система вредительства, подготовка и руководство контрреволюционными восстаниями, бесчисленные антисоветские заговоры, шпионаж, провокация и просто бандитизм — все эти формы, начиная от антисоветской агитации и кончая открытыми вооруженными контрреволюционными актами и выступлениями, — все было пущено в ход свергнутыми классами в целях восстановления власти капитала.

Всей этой внутренней контрреволюционной борьбе свергнутых эксплуататорских классов оказывали прямую поддержку капиталистические государства.

Разве не ясно, что, только последовательно осуществляя функцию беспощадного подавления свергнутых классов, можно сломить и парализовать их контрреволюционное сопротивление и борьбу за восстановление своего утраченного господства? Эту функцию подавления, как известно, с успехом осуществляло государство диктатуры пролетариата первой фазы, которое разрушило контрреволюционные планы свергнутых классов и подготовило все условия, необходимые для ликвидации капиталистических элементов.

Но одной только функции подавления было бы недостаточно для того, чтобы обеспечить и закрепить победу социалистической революции в СССР. Уже с первых дней установления диктатуры пролетариата в нашей стране помещики, капиталисты, белогвардейские генералы вступили в сговор с иностранной буржуазией для организации военной интервенции Антанты против Страны советов. Для того чтобы защитить страну от иностранного нашествия, нужно было поднять рабочих и крестьян «на отечественную войну» против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины. Советская республика и ее Красная армия разбивают одного за другим ставленников Антанты — Колчака, Юденича, Деникина. Краснова, Врангеля, вышибают из Украины и Белоруссии еще одного ставленника Антанты — Пилеудского и, таким образом, отбивают иностранную военную интервенцию, изгоняют вон ее войска из пределов Советской страны»⁵.

¹ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 56. Госполитиздат. 1939.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 26.

³ Ленинский сборник III, стр. 494.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 355.

⁵ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 236.

Для того чтобы дать отпор иностранному нашествию на Советскую страну, социалистическое государство должно было осуществить в полном объеме свою вторую основную функцию — оборону страны от нападения извне.

«Вторая фаза — это период от ликвидации капиталистических элементов города и деревни до полной победы социалистической системы хозяйства и принятия новой Конституции»¹.

Характеризуя основную задачу этого периода, товарищ Сталин указывает на ее следующие четыре важнейшие стороны: а) организацию социалистического хозяйства по всей стране, б) ликвидацию последних остатков капиталистических элементов, в) организацию культурной революции и г) организацию вполне современной армии для обороны страны.

Но организовать социалистическое хозяйство — это значит окончательно ликвидировать капиталистическую систему хозяйства как в городе, так и в деревне, уничтожить эксплуатацию человека человеком и утвердить социалистическую собственность на орудия и средства производства и социалистическую систему хозяйства как экономическую основу общественного устройства. Мы знаем, что эта историческая задача под руководством товарища Сталина уже полностью осуществлена в нашей стране.

Подводя итоги первой пятилетки, товарищ Сталин в своем докладе на январском Пленуме ЦК и ЦКК партии в 1933 году указал, что социалистическая система хозяйства ликвидировала капиталистические элементы в области промышленности и ликвидировала кулачество как класс в области сельского хозяйства и стала единственной системой хозяйства в промышленности и господствующей силой в сельском хозяйстве².

А сообразно с этим не могли не измениться и функции советского социалистического государства. В связи с изменением классовой структуры советского общества, с окончательным уничтожением эксплуататорских классов, у советского государства «отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собствен-

сти от воров и расхитителей народного добра»³.

Это означает, что наш социалистический правопорядок неизбежно стоит на страже социалистической собственности, что всякий поднявший свою грязную лапу на социалистическую собственность ставит себя под удар советского правосудия.

«Очевидно функции государства по охране и укреплению общественной, социалистической собственности, как фундамента нашего строя, могут отмереть только тогда, когда у нас каждый человек будет работать по способностям и получать по потребностям, когда воровство и хищения потеряют всякий смысл. А если и тогда будет еще существовать капиталистическое окружение, то сохранятся и эти функции государства, но только они будут направлены своим острием уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»⁴.

В связи с фактом наличия капиталистического окружения Советское государство полностью сохранило функцию военной защиты страны от нападений извне, при этом, как указывал товарищ Сталин, наша армия, карательные органы и разведка «своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»⁵.

Анализируя сущность социалистического государства первой фазы, товарищ Сталин указал, что наряду с двумя основными функциями нашему государству была свойственна также еще новая, третья функция, которая в тот период не получила серьезного развития, — это хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа государственных органов. Эта функция не только сохранилась у социалистического государства второй фазы, но и получила свое полное развитие.

Товарищ Сталин отметил, что организация культурной революции была одной из важнейших сторон основной задачи этого периода. Несомненно, что только социалистическая революция открывает все возможности и создает все условия для широкого привлечения всех масс трудящихся к культурной жизни, превращает подлинно культурные ценности в достояние всего народа. А социализм, говорил Ленин, начинается там, где к культуре приобщаются миллионы. Но культура — это также фронт классовой борьбы, ибо рабочий класс

³ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57.

⁴ М. Калинин. Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 11.

⁵ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57.

¹ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57.

² См. «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 305.

создает свою социалистическую культуру в ожесточенной борьбе с чуждыми ему влияниями.

«Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР,—учит товарищ Сталин,— есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме»¹. Советский строй обеспечивает трудящимся всех национальностей право на образование, он поднимает и приобщает широчайшие слои народа к общественной, политической и государственной жизни страны, открывает перед ними необозримые перспективы всестороннего культурного развития.

«С точки зрения культурного развития народа,— говорил товарищ Сталин в своем докладе на XVIII съезде партии,— отчетный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобщего-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции,— такова общая картина культурного подъема народа»².

При этом товарищ Сталин подчеркнул, что именно «...рождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране»³.

Нашей интеллигенции принадлежит почетное и ответственное место в деле построения бесклассового, коммунистического общества. Осуществляя дальнейшее развертывание культурной революции, мы все более приближаемся к разрешению исторической задачи уничтожения противоположности между трудом умственным и трудом физическим, для чего, конечно, недостаточно одной или двух пятилеток.

Главное теперь заключается в коммунистическом, в идейном, марксистско-ленинском воспитании советской интеллигенции, в воспитании коммунистического, сознательного отношения к труду, в воспитании всех тех необходимых личных качеств, которыми должен обладать каждый подлинный советский патриот.

Все это понимает на новую высоту всю работу по коммунистическому воспитанию трудящихся.

«Теперь основная задача нашего государства,— говорил товарищ Сталин,— вну-

три страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе»⁴.

Подводя итоги, товарищ Сталин приходит к выводу, что «мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»⁵.

Таким образом, товарищ Сталин открывает новую главу в марксистско-ленинской науке о государстве — учение о фазах социалистического государства. Это новое сталинское учение, теоретически обобщающее пройденный путь социалистического государства, освещает исторические перспективы его дальнейшего развития и дает исчерпывающую программу нашей практической работы по укреплению мощи социалистического государства.

Сталинское учение о фазах и функциях социалистического государства органически связано с проблемой его отмирания. Исследуя вопрос о развитии форм и функций социалистического государства, товарищ Сталин рассмотрел вопрос об его отмирании на конкретной исторической основе и тем самым осветил всю проблему с новой стороны.

Как известно, общая классическая формула марксизма об отмирании государства переходного периода от капитализма к коммунизму говорит о том, что процесс «засыпания», или отмирания, государства будет происходить одновременно с уничтожением классов, а вместе с отменой классов произойдет и отмена государства⁶, или, другими словами, полное отмирание государства произойдет лишь при полном коммунизме, когда оно становится ненужным.

В этом же духе Энгельс дает классическую формулу отмирания государства в своем знаменитом «Анти-Дюринге»⁷.

Но истина всегда конкретна, она зависит от условий места и времени. Товарищ Сталин, раскрывая под новым углом зрения проблему развития социалистического государства, разъяснил, что эта формула Энгельса является правильной при условии, если вести изучение процесса отмирания государства, отвлекаясь от международного фактора, т. е. только в плоскости внутреннего развития страны, или же если исходить из предположения, что социализм уже одержал победу в основных, решающих странах.

А из этого предположения основоположники научного социализма в середине XIX

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 426.

² И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 33.

³ Там же, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 58.

⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 410.

⁷ См. Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 202. Партиздат. 1933.

столетия переходил потому, что, «изучая до-империалистический капитализм, Энгельс и Маркс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной, отдельно взятой, стране, что она может победить лишь при одновременном ударе во всех или в большинстве цивилизованных стран»¹.

Исходя из теории марксизма, Ленин на основании данных об империалистическом капитализме, изложенных в его замечательной книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», «...дал новую теоретическую установку, в силу которой одновременная победа социализма во всех странах считается н е в о з м о ж н о й, а победа социализма в одной, отдельно взятой, капиталистической стране признается в о з м о ж н о й»².

Товарищ Сталин отстаивал ленинскую теорию социалистической революции в борьбе со всеми и всякими врагами социализма, он дал ей новую всестороннюю разработку и показал, что первая и вторая фазы коммунизма могут быть осуществлены в нашей стране и в условиях капиталистического окружения. Исходя из этого, товарищ Сталин разрешил важнейший теоретический вопрос о путях развития социалистического государства в условиях капиталистического окружения.

Теоретические высказывания товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) новым светом озаряют всю эту сложную проблему. «...нельзя распространять общую формулу Энгельса, — учит товарищ Сталин, — о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне, которая не может ввиду этого отвлекаться от международной обстановки и которая должна иметь в своем распоряжении и хорошо обученную армию, и хорошо организованные карательные органы, и крепкую разведку, следовательно, должна иметь свое достаточно сильное государство»³.

До тех пор, пока не уничтожена опасность военных нападений извне, пока не ликвидировано капиталистическое окружение, до тех пор, пока оно не будет замкнуто окружением социалистическим, —

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 341.

² Там же, стр. 163.

³ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 53—54.

социалистическое государство будет сохраняться также и в период коммунизма.

При этом товарищ Сталин подчеркнул, что на второй фазе дальнейшее развитие нашего государства не останавливается. Социалистическое государство будет и впредь видоизменяться в соответствии с внутренней и международной обстановкой. «Мы идем дальше, — сказал товарищ Сталин, — вперед, к коммунизму»⁴.

Таково сталинское решение проблемы социалистического государства.

Товарищ Сталин прямо указал, что на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений учения марксизма о государстве у нас возникла недооценка роли и значения буржуазных государств и их разведывательных органов, а также недооценка роли и значения нашего социалистического государства и его органов, необходимых для защиты страны социализма от нападения извне.

Сталинское учение о социалистическом государстве, ликвидировав теоретическую недостаточность некоторых общих положений учения марксизма о государстве, тем самым окончательно покончило с недооценкой механизма капиталистических государств и подняло на новую высоту всю работу социалистического государства, его военных, карательных и разведывательных органов.

Это гениальное учение товарища Сталина вооружает советский народ, его большевистскую партию и социалистическое правительство мощным теоретическим оружием борьбы за дальнейшее укрепление советского социалистического государства.

Только злейшие враги социалистического народа могут в целях ослабления мощи государства диктатуры рабочего класса ставить вопрос об отмирании нашего социалистического государства в современных условиях.

Социалистическое государство рабочих и крестьян достигло такого могущества и силы, которым могут позавидовать самые великие державы капиталистического мира.

Советское социалистическое государство пользуется величайшим доверием и любовью со стороны всех трудящихся СССР, всех угнетенных и эксплуатируемых, всего передового и прогрессивного человечества.

Дальнейшее всемерное укрепление организованности и мощи социалистического государства, этого решающего оружия борьбы за коммунизм, — такова важнейшая задача советского народа.

⁴ Там же, стр. 58.

БОРЬБА ЛЕНИНА С „ЛЕГАЛЬНЫМ МАРКСИЗМОМ“

1

Революционная марксистская социал-демократическая рабочая партия в России создавалась в борьбе в первую очередь с народничеством, ибо, только разбив ошибочные и вредные для дела революции взгляды народников, можно было расчистить почву для создания такой партии.

Ленинская работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 год), в которой он побоевому, с позиций революционного марксизма разоблачил мелкобуржуазные, реакционные взгляды народников, идейно разгромила народничество и обеспечила дальнейшее распространение марксизма в России.

Марксизм начал широко распространяться и связываться с массовым рабочим движением.

Марксизмом начали интересоваться, он становился модой. К нему стали приспосабливаться и либеральные элементы, которые критиковали народничество с буржуазных позиций и стремились использовать рабочее движение в интересах буржуазии. Таковы были «легальные марксисты»: П. Струве, М. Туган-Барановский, А. Скворцов, С. Булгаков, А. Потресов и другие. Эти люди прикрывали свою буржуазную сущность марксизмом, фальсифицировали марксизм в угоду буржуазии, вытравливая его революционное существо.

«Как всегда бывает в истории, к большому общественному движению обычно примазываются временные «попутчики». Такими «попутчиками» были и так называемые «легальные марксисты»... Они печатали свои статьи в легальных, то-есть разрешенных царским правительством, газетах и журналах. Поэтому их и стали называть «легальными марксистами».

Они по-своему вели борьбу с народничеством. Но эту борьбу и знамя они пы-

тались использовать для того, чтобы рабочее движение подчинить и приспособить к интересам буржуазного общества, к интересам буржуазии», — отмечается в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (стр. 22).

Давая оценку этим временным попутчикам марксизма, выхолащивающим его революционное содержание, Ленин указывал, что струвизм — это был марксизм, приемлемый для буржуазной демократии. «Легальные марксисты» являлись представителями буржуазной интеллигенции, обслуживающей растущий промышленный капитализм.

В условиях бурного роста капитализма, в 90-х годах, вызванного в первую очередь усиленным железнодорожным строительством, росло влияние буржуазии в России. Царское правительство должно было считаться с возросшей экономической мощью промышленной буржуазии; в ее интересах были установлены таможенный тариф 1891 года и высокие пошлины, ограждавшие русскую промышленность от иностранной конкуренции, введена золотая валюта. Но настоянию капиталистической буржуазии, было создано для содействия промышленникам министерство финансов во главе с Витте.

Новой буржуазной интеллигенции было выгоднее выступать под знаменем фальсифицированного марксизма чем под своим собственным знаменем либерализма. Под этим последним выступали в то время земские либералы — разорявшиеся помещики, которые с большим трудом переходили на путь капиталистического земледелия и враждебно относились к развитию промышленного капитализма.

Ленин еще в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» отгораживался от «легальных марксистов». Когда в октябре 1894 года в Петербурге вышла книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», подвергавшая критике взгляды народничества с буржуазных позиций, Ленин резко выступил против струвистского извращения марксизма. Своему реферату, направленному против книги Струве, Ленин дал характерное название — «Отражение марксизма в буржуазной литературе».

Резкая критика Лениным буржуазных взглядов Струве не прошла даром для последнего. В сожженном цензурой сборнике была напечатана статья Струве «Ответ критикам», в которой он несколько исправил свою открытую буржуазную позицию, занятую в книжке «Критические заметки».

Так как на том этапе главной задачей был окончательный разгром народничества, то нужно было объединить силы в борьбе против этого общего врага. Поэтому был

заключен союз с «легальными марксистами» для борьбы против народников и решено было осуществить совместное издание сборника материалов с характеристикой хозяйственного развития России.

Ленин поставил условием совместного выступления полную свободу критики струвистов со стороны революционных марксистов.

На этой основе в 1895 году был заключен временный политический союз революционных марксистов с попутчиками марксизма — «легальными марксистами». Ленин позже, в 1902 году, в книге «Что делать?» писал: «...соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором»¹.

2

Подробную, обстоятельную критику «легального марксизма» Ленин дал в своей работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Струве в предисловии к «Критическим заметкам» писал: «Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определенным в литературе взглядам, он (автор) несколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксней он не заражен»².

Струве не считал себя последовательным марксистом. И это, конечно, видно из каждой строчки его книги. Ленин, критикуя Струве с позиций последовательного революционного марксизма, писал: «Задача настоящей статьи — критика книги г. Струве с точки зрения человека, «примыкающего» по всем (а не по «некоторым» только) «основным вопросам к совершенно определенным в литературе взглядам»³.

Так как книга Струве была направлена против народников, то, прежде чем разоблачить буржуазные извращения во взглядах Струве, Ленин даст систематическую оценку взглядов народничества и критику

их с позиций революционного марксизма. Далее, Ленин показывает, что Струве критикует народников с позиций вульгарного «экономического материализма», который он (Струве) противопоставляет диалектическому и историческому материализму Маркса. Критикуя субъективизм народников, Струве выступает в качестве объективиста. Для Струве марксизм — это «просто объективная теория, исследующая то, что было, есть и будет»⁴. Струве считал, что в объяснении общественных явлений необходима лишь констатация фактов, без какой-либо связи с задачами рабочего класса. Не случайно Струве в «Критических заметках» писал, что объективист может не быть социалистом: «Можно быть марксистом, не будучи социалистом»⁵. Ленин характеризовал такую позицию Струве как антимарксистскую, как буржуазно-профессорский объективизм. Революционный марксизм означает, что при анализе общественно-экономических отношений и политических течений надо исходить из позиций рабочего класса — самого передового класса современности. Научный объективизм, а таким является последовательный марксизм, означает правильное отражение общественной жизни, исследование экономического развития буржуазного общества в связи с классовой борьбой пролетариата.

«Марксизм, — писал Ленин, — видит своей критерий в формулировке и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов»⁶.

В отличие от буржуазного объективизма с его отрицанием классовой борьбы, который проповедывал Струве, Ленин указывал, что для революционного марксизма объективизм включает защиту классовых интересов пролетариата и партийность. Марксизм, будучи идеологией рабочего класса, обязательно включает в себя партийность. И Ленин подчеркнул это, разоблачая буржуазного объективиста Струве: «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁷.

Первую главу своей книги «Критические заметки» Струве назвал «К характеристике социологических идей народничества». Сущность народничества Струве рассматривал как теорию «самобытного экономического развития России», которая

⁴ П. Струве «Критические заметки», стр. 68.

⁵ Там же, стр. 69.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 270.

⁷ Там же, стр. 276.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 374.

² См. В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 225.

³ Там же, стр. 226.

имеет якобы два основных источника: первый — определенное учение о роли личности в историческом процессе, и второй — непосредственное убеждение в сценическом национальном характере и духе народа, в особенных его исторических судьбах.

Ленин считает, что эта характеристика народничества, данная Струве, абстрактна, идеалистична и поэтому неверна. Марксист обязан давать классовую характеристику народничеству.

«Сущность народничества, — писал Ленин, — представление интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа... «Источник» народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России»¹.

Народники 70-х годов являлись идеологами крестьянства. Но от старой доктрины ранних народников, с их наивной верой в «социалистичность» общины, в 90-х годах остались одни лохмотья. Народники 90-х годов, выступавшие, по сути дела, как выразители интересов кулачества, мечтали о компромиссах с самодержавием. Вместо отделения от либералов, которое пытались проводить народники 70-х годов, у народников 90-х годов произошло торопательное сближение с ними.

«Легальные марксисты» типа Струве не считали нужным давать классовую оценку народничества. Струве заявлял, что спор марксистов с народниками — якобы продолжение разногласий, которые имелись в середине XIX столетия между славянофилами и западниками. Ленин показывал, что у Струве и в данном вопросе тот же отход от классовых позиций, тот же буржуазный объективизм. Конечно, народники повинны в славянофильстве и даже в квадном патриотизме самого низкого разбора, но «с такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться»².

Сущность народничества лежит глубже — не в учении о самобытности и славянофильстве, а в представительстве интересов и идей мелкого производителя.

Ленин, защищая диалектический материализм, со всей силой обрушился на буржуазно-профессорский объективизм Струве, который «не разбирает, какие классы складывались при этом, какие классы являлись носителями процесса, заслоня собой другие, подчиненные им слои населения; одним словом, объективизм автора

не доходит тут до материализма — в вышеупомянутом значении этих терминов»³.

Так например Струве в своих «Критических заметках», осуждая субъективную теорию народников о критически мыслящих личностях, постоянно занимал буржуазную фаталистическую позицию, которая тесно связана с буржуазным объективизмом. Для Струве общественное развитие является фатальным следствием роста экономических сил капитализма, классовая борьба никакого отношения к этому якобы не имеет. Класс, личность для Струве — это только пеня на поверхности волны, они бессильны бороться с непреодолимыми экономическими тенденциями. Это, конечно, не марксизм, а его буржуазное извращение. Марксизм учит, что в основе общественного развития в капиталистическом обществе лежит классовая борьба пролетариата против буржуазии. Совершенно естественно, что развитие общества определяется материальными условиями существования общества, изменением способа производства материальных благ, борьбой классов за роль и место в области производства и распределения материальных благ. И выдающиеся личности, герои, могут играть большую, серьезную роль в жизни общества постольку, поскольку они правильно понимают условия развития общества и понимают, как изменить их к лучшему, в интересах передового класса.

Разоблачая субъективизм народников и фатализм Струве, Ленин доказал, что только марксизм, показывая закономерность общественного развития, дает единственное научное объяснение роли личности в истории.

«Детерминизм* не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»⁴, — писал Ленин.

Не соглашаясь с народнической идеей о якобы всемогуществе интеллигенции, «о бессословности интеллигенции в экономическом развитии», Струве замалчивал вопрос о буржуазности русской интеллигенции.

Критикуя Струве, Ленин подчеркивал, что и в этом вопросе сказывается все тот же профессорский буржуазный объективизм: «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности — и у нас против стародворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде

³ Там же, стр. 296.

⁴ Там же, стр. 292.

* Детерминизм — учение об обусловленности развития природы и общества.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 271—272.

² Там же, стр. 279.

буржуазия выступала против отживших словесных рамок и других средневековых учреждений во имя всего «народа», классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно все х... Поэтому русская «бессловесная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу», но поскольку она заступает общие буржуазные интересы»¹.

Струве писал, что, согласно взглядам Михайловского, «не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить... исходным пунктом... обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп»². Для Струве существуют «непреодолимые исторические тенденции», которых не может нарушить классовая борьба пролетариата.

Ленин, процитировав это место из «Критических заметок», со всей резкостью обрушился на буржуазный объективизм Струве. «Это — язык объективиста, а не марксиста (материалиста), — писал Ленин. — Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как неполное уяснение этой разницы принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сблизиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость»³.

Струве приводил абстрактные рассуждения без анализа конкретно исторических

условий. «Личность, — писал он, — тут является... формальным понятием, содержание которого дается исследованием социальной группы»⁴, и вслед за этой туманной фразой Струве следовало: «Экономический материализм подчиняет идею факту, сознание и долженствование — бытию»⁵.

Это означало, по Струве, что идеалы научного социализма не имеют никаких шансов на существование, что идея социальной революции должна быть отброшена и подчинена капиталистическому бытию.

Это не марксизм, указывает Ленин, а также буржуазное его извращение, как об этом неоднократно уже говорилось.

«Марксизм исходит из того же идеала, но сликает его не с «современной наукой и современными нравственными идеями», а с существующими классовыми противоречиями, и формулирует его поэтому не как требование «науки», а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести таким образом идеалы к фактам, эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление»⁶.

Буржуазный объективист Струве, всячески восхваляя капитализм, писал о том, что капитализм — это «культура», «прогресс», «богатство». Струве рассматривал капитализм с буржуазных позиций и не хотел вскрывать и показывать антагонистические классы и классовые противоположности. Революционные марксисты в отличие от струвистов дают классовую характеристику капитализму и вскрывают его противоречия. Марксисты доказывают, что в условиях буржуазного строя все эти «культуры», «прогрессы» являются капиталистическими: они связаны с институтом частной собственности и направлены против рабочего класса.

Буржуазный объективист созерцает и защищает капитализм и становится на позиции эксплуататоров, а революционный марксист становится на позиции антагониста капиталистов — на позиции рабочего класса.

Струве, возражая субъективистам-народникам, приводил в «Критических заметках» взгляды идеалиста-кантианца Зим-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 293.

² П. Струве «Критические заметки», стр. 11.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 275—276.

⁴ П. Струве «Критические заметки», стр. 40.

⁵ Там же.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 289.

меля, который в своей книге «О социальной дифференциации» установил прямую зависимость между развитием индивидуальности и дифференциации той группы, в которую входит индивидуум. Это означало, по Зиммелю, что при капитализме, где большая дифференциация, возможен полный расцвет индивидуума. Защищая взгляды Зиммеля и отвечая народнику Михайловскому, который заявлял, что когда масса не дифференцирована, деревня едина и личность гармонически целостна, Струве писал: «Для того, чтобы личность могла быть дифференцирована, она должна находиться в дифференцированной среде»¹. Это значило, по Струве, что только при капитализме личность может быть дифференцирована и может гармонически развиваться.

Ленин указывал, что и Михайловский и Струве придерживаются абстрактной схемы: и у того и у другого отсутствует классовая характеристика причин дифференциации в обществе.

«Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, — писал Ленин, — потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его»².

Струве, повторяя ошибку Михайловского, отходил от изображений и выяснений «конкретного процесса в область туманных и голословных догм»³.

Ленин приводит такой пример: переход от мануфактуры к крупной индустрии можно назвать меньшей «дифференциацией», ибо детальное разделение труда между специализировавшимися рабочими в основном прекратилось, а между тем условия развития индивидуальности гораздо благоприятнее при фабричном производстве чем при мануфактуре. Гармонически развиваться личность может только при социализме, когда средства производства являются общественной собственностью и эксплуататорские классы ликвидированы.

Струве в «Критических заметках» подчеркивал, что философское обоснование марксизма не дано, что надо пересматривать марксизм с точки зрения фактов. Пересмотр марксизма сказался

у Струве и в оценке государства.

В «Критических заметках» Струве писал, что современное, т. е. буржуазное, государство есть не аппарат насилия господствующего класса, а организация порядка. Струве уже в 1894 году всячески защищал буржуазное государство, которое, по его заявлению, будучи надклассовым, всегда должно существовать.

Ленин, разоблачая и в этом важном вопросе извращения Струве, писал: «...по отношению к современному государству рассуждение г-на Струве еще более несостоятельно. Говорить о нем, что оно «прежде всего (sic!?) организация порядка» — значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса»⁴.

Революционные марксисты рассматривали социализм как необходимый результат борьбы рабочего класса против буржуазии. Для Струве социализм — это просто этическая точка зрения марксистов. Так как, по заявлению Струве, социализм — это идея, то его невозможно обосновать и осуществить.

Значит, для «легального марксиста» Струве нет классовой борьбы рабочего класса, невозможно насильственное свержение буржуазного господства и невозможен социализм. Возможен только капитализм, который всячески восхвалялся и обслуживался буржуазными демократами, фальсифицировавшими для этой цели учение Маркса.

3

Ленин заявлял, что все отличие народников от марксистов в характере критики русского капитализма. Либеральные народники 90-х годов критиковали крупный капитализм с позиций мелкого буржуа. Для помощи и поддержки мелкого производства народники обращались к государству с призывом задержать рост капитализма. В этом реакционность либерального народничества.

«Легальные марксисты» все свое внимание уделяли доказательству прогрессивности капитализма, пели ему хвалебные гимны, совершенно игнорируя вопрос о классовых противоречиях внутри растущего капитализма.

Для Струве крупнокапиталистическое производство — фабрика, завод — совершенно оторвано от мелкого хозяйства, оно не является продолжением мелкого производства. Революционные марксисты в отличие от струвистов заявляли, что «фабрика» является «только завершением развития товарной организации всего обще-

¹ П. Струве «Критические заметки», стр. 39.

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 285.

³ Там же, стр. 286.

⁴ Там же, стр. 291.

ственного, следовательно, и крестьянского хозяйства»¹. Народники были против крупного капитализма, во имя защиты интересов мелких товаропроизводителей, а «законные марксисты» выступали защитниками полнокровного крупного капитализма, видя только его прогрессивную роль. Струве так и писал: «Культурный прогресс России тесно связан... с развитием капитализма»².

Революционные марксисты, в отличие от струвистов, показывали, что фабрики и заводы появились на костях разоряющегося мелкого товаропроизводителя. Единицы вышли в капиталисты, а десятки тысяч кустарей, мелких хозяев разорились. И тот «прогресс», о котором так много писал Струве,—это прогресс не вообще, а прогресс буржуазный, капиталистический, несущий разорение и нищету массам трудящихся.

«Законный марксист» Струве заявлял, что в русской деревне 90-х годов хозяйство было якобы натуральным и капитализм для нее являлся делом будущего. Струве не желал замечать, что в тогдашней деревне тоже был капитализм, на нижней его ступени, и видел только «техническую нерациональность» всего крестьянского хозяйства. Всячески прикрашивая крупный капитализм, Струве писал: «Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм — вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства»³.

Струве защищал крупный капитализм против мелкого, умалчивая об эксплуататорской сущности капитализма вообще, отказываясь признать, что именно капитализм отнимает хлеб насущный у крестьянства. «А что разоряет крестьянина именно капитализм, это — краеугольное положение совсем не народничества, а марксизма»⁴,—писал Ленин.

Рассуждая вообще о прогрессивности капитализма в земледелии, не желая замечать, что хищнический, ростовщический капитал уже господствует, эксплуатируя деревню, Струве, так же как и народники, но с буржуазно-капиталистических позиций сознательно игнорировал классовую борьбу в деревне.

В то время как народники 90-х годов считали, что государство должно принять ряд экономических мер для помощи общине и кустарным промыслам, «законные марксисты» в лице Струве и других пред-

лагали царизму проводить такую политику, которая пошла бы на пользу крупному промышленному капиталу.

Так например А. Скворцов в книге «Экономические этюды» (1893 год) предлагал государству разрушить общину, так как она, по его заявлению, мешала вести хозяйство в век пара и электричества, когда экономическая жизнь движется «семи-мильными шагами локомотива». Ленин по этому поводу писал: «Его (Скворцова. — М. М.) практические предложения в «Экономических этюдах» ничем не отличаются от обыкновенных буржуазных предложений»⁵.

В книге «Критические заметки» Струве также предлагал царскому правительству содействовать росту кулацкого капиталистического хозяйства в деревне как наиболее «рационального». Он писал: «...если государство по каким-либо соображениям желает укреплять не крупное, а мелкое землевладение, то при данных экономических условиях, оно может достигнуть этой цели не тем, что будет гоняться за несуществующим экономическим равенством в среде крестьянства, а только — путем поддержания его жизнеспособных элементов, путем создания из них экономически крепкого крестьянства»⁶.

Струве призывал царизм усилить протекционистскую политику, так как высокие пошлины ограждают русскую промышленность от иностранной конкуренции и содействуют внутреннему накоплению русских капиталистов. Критикуя эту буржуазную позицию Струве, Ленин указал: русские марксисты считают, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос буржуазной политики, причем в России с особенной силой сказывается именно реакционность протекционизма, на котором настаивали струвисты.

Струве защищал буржуазные взгляды английского попа Мальтуса, который заявлял, что народ нищает, потому что слишком велик прирост населения. Защищая взгляды Мальтуса, Струве выдвинул положение: «Энергия размножения в общем стоит в прямой зависимости от земельного простора и земельного надела»⁷.

Мальтузианством пропитана вся книга Струве «Критические заметки». Он заявлял, что имевшиеся в России 90-х годов перенаселение и безработица являлись результатом не роста капитализма и разорения крестьянских хозяйств, а результатом увеличения рождаемости.

Разоблачая Струве, Ленин показал, что перенаселение в деревне является резуль-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 346.

² П. Струве «Критические заметки», стр. 254.

³ Там же, стр. 224 (см. Ленин. Соч. Т. I, стр. 343).

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 347.

⁵ Там же, стр. 336.

⁶ П. Струве «Критические заметки», стр. 240.

⁷ Там же, стр. 193.

татом господства капитала, а не отсутствием соответствия между размножением и средствами существования населения.

Струве повторял народнические взгляды, что внутренним рынком нельзя поглотить всех товаров и поэтому нужно завоевать внешние рынки. Он соглашался в этом вопросе с народниками Н—оном, Воронцовым и др. «Эта теория, — писал Струве, — верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц»¹.

Ленин писал по этому поводу: «Маркс доказал во II-ом томе, что вполне мыслимо капиталистическое производство без внешних рынков, с растущим накоплением богатства и без всяких «3-х лиц»².

Являясь защитником капитализма, Струве был солидарен с завоевательной политикой Парижа.

Общим выводом книги Струве «Критические заметки» было заявление: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»³.

Это был логический вывод из всей системы буржуазных взглядов Петра Струве.

4

Книга Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» нанесла решительный удар «легальному марксизму». Струве, в течение 1895—1896 годов соблюдавший известную лояльность, уже к началу 1897 года начал все откровенней эволюционировать к либерализму, хотя и в это время еще не решился целиком сбросить марксистскую одежду.

В январе 1897 года в журнале «Вопросы философии и психологии» появилась статья Струве «Свобода и историческая необходимость», в которой он прямо выступает с защитой идеалистических взглядов Канта, утверждая, что объективный мир «вещей в себе» непознаваем, что сознание, идеалистический мир, существует независимо от объективного мира.

Нужно отметить, что попытку подменить Маркса Кантом Струве делал еще в 1894 году в «Критических заметках». Струве писал, что его философские взгляды в зна-

чительной степени опираются на труд неокантрианца Рияля⁴.

При помощи кантрианства, его непознаваемой «вещи в себе», его дуализма, Струве и К^о стремились доказать, что социализм для нас непознаваем и его невозможно осуществить.

Диалектический материализм — мировоззрение пролетариата. В борьбе материализма и идеализма нельзя не видеть борьбу партий: философия партийная, указывал Ленин. Неокантрианство — эта «модная» в то время буржуазная наука — явилось идеологическим оружием буржуазии против революционного пролетариата. Кантрианство должно было доказать всем врагам революционного пролетариата, что можно примирить антагонистические классы. Не случайно отец международного ревизионизма Э. Бернштейн в книге «Проблемы социализма» в 1898 году провозглашал необходимость соединения марксизма с кантрианством, всячески поносил марксову диалектику. Центрист Каутский в письме к Плеханову 22 мая 1898 года писал: «Я думаю, что экономическая и историческая точка зрения Маркса и Энгельса в крайнем случае совместима с неокантрианством... Если бы Бернштейн полинял только в этом направлении, меня бы это ни малейшим образом не беспокоило»⁵.

Последовательный марксист, Ленин, в отличие от Каутского, объявил войну кантрианству и неокантрианству. 27 июня 1898 года Ленин писал из ссылки Потресову: «...на счет «с ног сшибательных открытий» русских учеников и их неокантрианства я прихожу все в большее и большее возмущение»⁶.

Струве в статье «Свобода и историческая необходимость» (1897 год) выступил против материалистического понимания истории: нельзя, мол, изучать закономерность общественного развития, так как материалистическое понимание истории «всего относится к области опыта»⁷.

В сентябре 1897 года Струве поместил статью о цюрихском конгрессе по охране труда, в которой писал, что он (Струве) встретился на конгрессе с представителями международной социал-демократии и в результате этой встречи и решений конгресса пришел к выводу, что капиталистический строй не надо свертать, а надо его ипотать; теория социальных «катастроф», теория свержения капитализма сейчас

⁴ См. Струве «Критические заметки», стр. 34—35.

⁵ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сборник V, стр. 264.

⁶ Ленинский сборник IV, стр. 32.

⁷ Петр Струве «На разные темы», стр. 492.

¹ П. Струве «Критические заметки», стр. 251.

² В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 356.

³ П. Струве «Критические заметки», стр. 288.

нереальна, главное — добиваться реформ у буржуазии, писал он.

В 1899 году в немецком «Архиве» Брауна Струве выступил со статьей «Марксова теория социального развития», в которой он целиком отказывается от всех революционных положений учения Маркса и защищает «теорию» вращающегося капитализма в социализм, утверждая, что «социализм» можно осуществить мирным путем, «без скачков», при капитализме. Струве выступает против основного положения Маркса — о противоречии между растущими производительными силами и старыми производственными отношениями, о том, что при капитализме эти противоречия проявляются как противоположность между пролетариатом и буржуазией.

Борясь против революционной теории Маркса, указывающей на необходимость насильственного свержения капитализма и установления диктатуры рабочего класса, Струве выдвинул положение о том, что коренных противоречий при капитализме нет; имеется только «мирное» и легко разрешимое противоречие — противоречие между правом и хозяйством.

Струве, как и ревизионисты на Западе, выступил против положения Маркса о том, что в условиях капитализма положение рабочих неуклонно ухудшится. Струве, Туган-Барановский и другие «легальные марксисты» выступили против положения марксизма о том, что в недрах капитализма растет возмущение рабочего класса, что он организуется и спланируется в борьбе с капитализмом для того, чтобы добиваться его уничтожения и завоевания себе господства. Борясь против марксовой теории обещания, они старались доказать, что возмущения рабочего класса при капитализме исключены, так как положение рабочих по мере роста капитализма якобы неуклонно улучшается и поэтому невозможна революционная борьба рабочих. «Легальным марксистам» все это нужно было для того, чтобы доказать невозможность социальных «катастроф» — социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

В ряде статей, написанных Лениным в сибирской ссылке в 1898 — 1899 годах, им отмечен откровенный отход Струве и К^о от марксизма к идеализму, к либерализму.

Туган-Барановский в книге «Промышленные кризисы в Англии» (1894 год) и в ряде последующих статей пытался доказать, что в условиях развитого капитализма можно уничтожить анархию производства.

«Легальные марксисты» выступали против марксовой теории кризисов и теории неизбежности краха капитализма.

Ленин, разоблачая Туган-Барановского и других «критиков» марксизма, показал, что они не признают основного положения Маркса о том, что «...капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны, — пролетаризирование народных масс... Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму...»¹.

«Легальные марксисты» выступали против марксовой теории трудовой стоимости и прибавочной стоимости. В статье «Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса», напечатанной в «Научном обозрении» (№ 5 за 1899 год), Туган-Барановский подверг буржуазной критике марксову теорию стоимости и прибавочной стоимости. По Туган-Барановскому, прибавочную стоимость могут создавать не только рабочие, но и скот и машины. Он писал, что теория прибавочной стоимости Маркса «потребуется еще более глубоких изменений».

По поводу этого выступления Туган-Барановского Ленин в письме к Потресову писал: «Прочел статью Туган-Барановского в № 5 «Научного обозрения»... чорт знает что за глупый и претенциозный вздор». Ленин отбил все атаки «легальных марксистов» на экономическое учение Маркса и в том числе на теорию прибавочной стоимости, которая, как писал Ленин, «есть краеугольный камень экономической теории Маркса»².

5

Ленин отлично знал, что «легальные марксисты» — это буржуазные демократы, которые прикрывались марксизмом, выходящая его революционное существо. Это было отмечено Лениным еще в 1894 году в книге против «Критических заметок» Струве. Но Ленин считал, что если заключен договор о совместной деятельности, надо в рамках этого договора держаться. Находясь в ссылке, Ленин с возмущением читал статьи «легальных марксистов» против марксизма.

В журнале «Начало» в 1899 году появилась статья Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», затем, в 1900 году, вышел ревизионист-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 400—401.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 351.

ский двухтомник Булгакова «Капитализм в сельском хозяйстве». Как и ревизионисты на Западе: Давид, Герц и др., — Булгаков пытался доказать жизнеспособность мелкого хозяйства, утверждая, что при капитализме в земледелии с чрезвычайной силой проявляются децентрализующие тенденции. Выступая против марксовой теории о концентрации производства в земледелии и разорения мелких производителей, Булгаков и другие «критики» Маркса преследовали задачу — доказать невозможность социалистической революции. Они пытались утверждать, что если мелкое крестьянское хозяйство не вытесняется крупным, то не удастся установить союз рабочего класса с крестьянством против буржуазии.

Ленин, негодуя по поводу ревизионистских вылазок Булгакова, писал Потресову из ссылки 27 апреля 1899 года: «Начну с того, что меня теперь наиболее интересует и волнует — со статей Булгакова в 1, 2 и 3 книжке «Начала»... Если на Вас статья Булгакова произвела «отталкивающее» впечатление и «жалкое», то меня она привела прямо-таки в исступление... Будь у человека сколько-нибудь чувство партийности, сознание ответственности перед всеми Genossen, и перед всей их программой и практической деятельностью, — он бы не решился так наезднически «насканивать»... Он чувствует себя, очевидно, свободным от всяких товарищеских обязанностей и ответственности... но ведь такой журнал, как «Начало», все-же не альманах, допускающий марксизм собственно из моды à la «Мир Божий», «Научное Обозрение» и пр., а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех «посторонних» вообще»¹.

Журнал «Новое слово» — первый легальный журнал марксистов, в котором наряду с «легальными марксистами» принимали участие Ленин (Вл. Ильин), Плеханов (Каменский), Засулич (В. Иванов), Потресов, Мартов (Егоров). Редакция журнала «Новое слово» (выходившего с апреля по конец 1897 года) была целиком в руках «легальных марксистов».

Уже с первых номеров «Нового слова» Струве и другие «легальные марксисты» начали довольно откровенно проявлять свое буржуазное существо. В двух статьях о повести А. Чехова «Мужики» Струве описывает деревню как дикую, азиатскую, говоря, что деревня — это «ужасающая картина человеческой зоологии, или даже деревенского озверения»². Давая такую характеристику тогдашней деревни, Струве

всечески восхваляет капитализм в городе. Струве не желал видеть, что проникновение капитализма в деревню приводит к классовому расслоению и что в деревне образуются сельская буржуазия и сельский пролетариат. В том же, майском номере «Нового слова» за 1897 год помещена заметка «Памяти Н. А. Варгунина». Этот крупный капиталист-эксплуататор изображался как спаситель рабочих своей фабрики. О нем писали, что он честно послужил делу, «на которое русскому рабочему вовсе не «наплевать», — делу образования и духовного развития трудящегося человека»³. В этом же номере Булгаков в статье «Закон и свобода человеческих действий» солидаризируется с кантрианской статьей Струве «Свобода и историческая необходимость». Булгаков, как и Струве, с помощью неокантрианства пытался доказать, что социализм — это только идея, относящаяся к этической области. В начале 1898 года журнал «Новое слово» был закрыт царскими властями, и, конечно, причиной явились не статьи Струве, Булгакова и других, а статьи революционных марксистов — Ленина и Плеханова.

В 1899 году начал выходить журнал «Начало», являвшийся продолжением «Нового слова». Редакторами «Начала» были Струве и Туган-Барановский. После майского номера журнал «Начало» был запрещен также из-за статей революционных марксистов. Затем до 1901 года выходил журнал «Жизнь», в котором была напечатана направленная против Булгакова статья Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве».

Раскол революционных марксистов с «легальными марксистами» наметился в конце 1897 года. В начале 1899 года, когда «легальные марксисты» все откровенней выступали против марксизма, этот раскол стал реальным фактом. Ленин в статье «Некритическая критика» в 1900 году отмечал, что уже к концу 90-х годов ясно образовались два направления в марксизме: «Разногласие между теми марксистами, которые стоят за так назыв. «новую критическую струю», и теми, которые стоят за так назыв. «ортодоксию», состоит в том, что те и другие в разных направлениях хотят претворять и развивать марксизм: одни хотят оставаться последовательными марксистами, развивая основные положения марксизма согласно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран и разрабатывая дальше теорию диалектического материализма и политико-экономического учения Маркса; другие отвергают некоторые более или менее существенные стороны

¹ Ленинский сборник IV, стр. 20—21.

² Петр Струве «На разные темы», стр. 125.

³ Там же, стр. 144.

учения Маркса, становятся, напр., в философии не на сторону диалектического материализма, а на сторону неокантианства, в политической экономии — на сторону тех, кто приписывает некоторые учения Маркса «тенденциозности» и т. п. Первые обвиняют за это вторых в эклектизме и, по моему мнению, обвиняют совершенно основательно. Вторые называют первых «ортодоксальными»¹.

Ленин тогда же писал, что чем скорее новое «критическое» направление полностью себя выявит как буржуазное, тем лучше для революционных социал-демократов. Позже Ленин отмечал, что «Г. Струве играл в марксизм в 1894—1898 годах»².

Разрыв с «легальными марксистами» произошел в 1899 году, и, конечно, не потому, что струвисты являлись буржуазными демократами. Это для Ленина было очевидно еще в 1894 году, когда заключался «союз» с «легальными марксистами» при условии, что социалистам предоставлялась полная возможность раскрывать рабочему классу враждебность его интересов интересам буржуазии. Разрыв был сейчас необходим потому, что «бернштейнство» и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опояывая марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим»³.

Оформлен был полностью разрыв на цеховском совещании (апрель, 1900 год), состоявшемся после окончания срока ссылки Ленина. На этом совещании наряду с революционными марксистами присутствовали Струве и Туган-Барановский. Ленин сделал сообщение о плане издания общерусской социал-демократической газеты. Этот орган революционных социал-демократов должен был политически обличать самодержавие и откликаться на все

случаи произвола и гнета, к каким бы слоям или классам это ни относилось. Для привлечения матерчатых о жизни оппозиционных либеральных слоев общества Ленин считал тогда возможным использовать сотрудничество Струве и Туган-Барановского. Но когда последние потребовали равноправия в редакции, Ленин окончательно им в этом отказал.

Вскоре после разрыва революционных марксистов со струвистами последние стали совершенно откровенными либералами.

Струве в статье «Против ортодоксальной нетерпимости» (1901 год), когда он окончательно сбросил марксистские одежды и подготовил издание либерального органа «Освобождение», писал, что он никогда не был ортодоксальным марксистом: «Антинароднический характер моей первой литературной попытки в значительной мере скрадывал от литературных противников мою неортодоксальность, а ортодоксальных марксистов с нею до известной степени примирял... В это время, когда выходило «Новое Слово», мне казалось преждевременным резко выдвигать и развивать критические сомнения, тем более, что они во мне самом еще не утвердились в достаточной мере. Когда народничество—силой вещей и аргументов—оказалось разбитым и в сущности упраздненным, положение дела изменилось... Впрочем, этот пересмотр начался еще во время моего союза с ортодоксией, не нарушая тогда этого союза. Я уже указал на критический характер моей книги, вышедшей в 1894 году. В ней была намечена и, если можно так выразиться, предугазана в значительной мере моя критическая эволюция»⁴.

Ленин своей критикой Струве и струвистов толкал их к самоопределению как либералов, без всяких маскарардов под марксизм.

6

В 1907 году в предисловии к сборнику «За 12 лет» Ленин писал: «В 1895 году, за несколько лет до «бернштейнпады» на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России, — я указывал на то, что г. Струве марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгоролтяться»⁵.

Находясь в сибирской ссылке, Ленин был крайне возмущен тем, что Струве, Булгаков и другие «легальные марксисты» распоясались и выступили с защитой идеализма, против марксизма, а Плеханов, имея легальную возможность выступать, молчал.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. III, стр. 499.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 140.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 374—375.

⁴ Петр Струве «На разные темы», стр. 301.

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 60.

Ленин писал Потресову 2 ноября 1898 года: «...меня крайне удивляет, почему это автор «Очерков по истории материализма» не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии, как будто бы она уже вошла в состав воззрений русских учеников. Уж наверное для философских-то статей нашлось бы место не в одном из наших журналов, да и книга могла бы пройти свободно»¹.

Ленин расхваливал статьи Плеханова против Бернштейна и Конрада Шмидта, но недоумевал, почему Плеханов не выступает против неокантианства Струве и других «наездников». Плеханов до 1901 года замалчивал буржуазно-идеалистические извращения Струве и выступил только тогда, когда буржуазное существо Струве стало для всех очевидным. Выступая против бернштейнианства на Западе, Плеханов примиренчески отнесся к русским «критикам», к их попыткам соединить марксизм с кантианством и т. п. Еще в 1894 году в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов снисходительно писал, что заявление Струве: «Признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму» — есть благородное увлечение западника, направленное против славянофилов—народников. Плеханов взял под свое покровительство Струве.

Когда Ленин во время первой поездки за границу, в 1895 году, показал Аксельроду и Плеханову книгу, написанную против Струве, — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве», — Плеханов и Аксельрод заявили Ленину, что они несогласны с этой книгой. Плеханов сказал: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом»².

В статьях против либерала Струве Плеханов в 1901 году писал, что он относился к тем людям, которые надеялись, что буржуазные взгляды Струве побеждены марксизмом. «Пишущий эти строки, — писал Плеханов, — принадлежал к числу ожидавших»³.

Отношение Плеханова к Струве, замалчивание его извращений полностью соответствовали тактике Плеханова — некачать во что бы то ни стало союза и поддержки либералов.

Есть ли связь между струвизмом и за-

падноевропейским ревизионизмом? Безусловно, эта связь имеется. Сам Струве полностью признать этого не хотел. В статье «Против ортодоксальной нетерпимости» (1901 год) он писал, что он не бернштейнианец, что он только сочувствует Бернштейну и выступил, мол, раньше Бернштейна с критикой марксизма (Бернштейн выступил с развернутой ревизией Маркса в книгах «Проблемы социализма» в 1898 году и «Предпосылки социализма», вышедшей в январе 1899 года).

Конечно, во многом струвисты предвосхитили ревизионистов Запада. И это Ленин отметил: «История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран»⁴. Но верно и то, что Струве в борьбе против революционного марксизма многое взял у идеологов буржуазии (Зембарт, Brentano), а также у западноевропейских реформистов.

Не случайно в своей статье о Цюрихском конгрессе по охране труда в 1897 году Струве писал, что из встреч с лидерами международной социал-демократии он вывел заключение о том, что надо не свергать, а штопать капиталистическое общество. Общее в «легальном марксизме» и в западноевропейском ревизионизме — это борьба против основ марксизма, против учения о диктатуре пролетариата, революционной политики и тактики рабочего класса и стремление использовать рабочее движение в интересах буржуазии. Отличие «легального марксизма» от западноевропейского ревизионизма заключалось в том, что западноевропейский ревизионизм возник внутри германской социал-демократии, в рабочем движении, а «легальный марксизм» был отражением марксизма в буржуазной литературе.

«Легальные марксисты» — это буржуазные демократы, пытавшиеся сделать учение Маркса «мирным», приспособить его к капитализму. В борьбе против революционного марксизма и революционного рабочего движения западноевропейские ревизионисты и «легальные марксисты» преследовали одну общую задачу. Плеханов правильно писал в 1901 году в статьях против Струве: «Психология западно-европейских «критиков» Маркса отличается от русских «критиков» лишь в той мере, в какой западная буржуазия старше русской. Но существенного различия здесь нет, не было и быть не может: та же погудка, хотя немного и на другой лад»⁵.

Следует отметить особую разновидность «легального марксизма», проявившуюся в

¹ Ленинский сборник IV, стр. 8—9.

² Перелыска К. Аксельрода и Г. Плеханова. Т. I. Приложение.

³ Сборник «Против философского ревизионизма», стр. 210.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 178.

⁵ Сборник «Против философского ревизионизма», стр. 337.

Закавказье. Группа «Месаме-даси» (3-я группа), зародившаяся в Грузии в 1893 году (И. Жордания и др.), состояла из «легальных марксистов». Так же как и струвисты в России, они извращали марксизм, пели хвалебные гимны капитализму и отрицали революционную классовую борьбу пролетариата. Внутри «Месаме-даси» в 1898 году образовалось революционное меньшинство (И. Сталин, А. Цулукидзе, Л. Кецохели), которое повело борьбу против реформизма, защищая революционный марксизм и проводя его в жизнь.

Первое проявление оппортунизма в рядах русской социал-демократии — «экономизм», русская бернштейниада — имело своим идейным истоком также и фальсифицированный марксизм «легальных марксистов». «Поворот к «критике», — писал Ленин, — сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму»¹. Струве и другие «легальные марксисты» через ревизию марксизма дошли до прямого либерализма, а затем — до открытой контрреволюции.

Ленин, отмечая международный характер борьбы со струвизмом, позже писал: «Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посред-

ством мягкости», удушить посредством об'ятий»².

Борьба Ленина с «легальным марксизмом» была необходимым условием для того, чтобы отстоять самостоятельность рабочего движения в России и обеспечить условия для создания марксистской партии рабочего класса. Борьба Ленина с «легальным марксизмом» — это защита и обогащение революционного марксизма, разоблачение всех нападок буржуазных «критиков» на марксизм.

Под ударами сокрушительной ленинской критики был идейно разгромлен «легальный марксизм» в России; струвисты сбросили свои марксистские одежды и к началу XX столетия самоопределились как самые настоящие либералы.

Борьба Ленина против «легальных марксистов» — образец глубокой принципиальности в защите и обосновании марксистской теории и политики. Ленин в 1907 году писал: «...старая и во многих отношениях устарелая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически-политическую ценность непримиримой теоретической полемики»³.

Разгромив струвистов в России, на ответственной участке мировой борьбы рабочего класса, Ленин нанес сокрушительный удар всему фронту международного оппортунизма.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 375.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 251.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 58.

Е. Рубинштейн

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ КОММУНИЗМА

(О произведении К. Маркса „Критика Готской программы“¹)

1

Написанная Марксом в 1875 году «Критика Готской программы» является одним из его замечательнейших произведений, в котором Маркс подвел итог всему своему революционному учению.

«Критика Готской программы» была написана Марксом незадолго до Готского съезда, на котором произошло объединение германской социал-демократической партии во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом и лассальянцев.

События 1870—1871 годов — франко-прусская война и Парижская коммуна — открыли новый период истории; период национально-освободительных войн и буржуазно-демократических движений в Западной Европе, период победы и утверждения капитализма в передовых странах был завершен.

К этому времени закончился «период подготовки и рождения марксизма, как

единственной, выдержавшей испытания истории, доктрины социализма»¹; марксизм одержал полную победу в борьбе против всех сектантских, мелкобуржуазных реакционных групп, в борьбе против всех видов домарксовского социализма.

Новый период был периодом образования и роста массовых пролетарских социалистических партий, началось «громкое распространение социализма вширь» и быстрый рост массовых организаций пролетариата.

В Германии в начале 70-х годов вопреки всем преследованиям со стороны правительства Бисмарка росли массовые рабочие организации, среди рабочих все шире распространялись социалистические идеи.

К этому времени гегемония в международном рабочем движении временно перешла к германскому рабочему классу. Это было обусловлено не только быстрым раз-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 545.

витнем промышленности в Германии и связанным с этим обострением классовой борьбы в стране, но и тем, что Марке вооружил германский пролетариат передовой революционной теорией. Марке сумел «теоретически переработать результаты всей истории английского и французского практического и теоретического развития, вскрыть всю природу и историческую конечную судьбу капиталистического производства и тем самым дать германскому пролетариату такую программу, какой никогда не располагали его предшественники — англичане и французы. Более глубокий общественный переворот, с одной стороны, бо́льшая ясность в умах, с другой — вот тайна неудержимого роста германского рабочего движения»¹, — писал Энгельс.

В условиях быстрого роста массового рабочего движения, в условиях растущих политических преследований среди германских рабочих чрезвычайно усилилась тяга к сплочению своих рядов, тяга к единству. Это поставило на очередь дня вопрос об объединении эйзенахцев и лассальянцев.

Вопрос о двух путях воссоединения Германии, вопрос, по которому шла длительная борьба между эйзенахцами и лассальянцами, был уже разрешен историей. Ленин так характеризует позиции эйзенахцев и лассальянцев в этом вопросе: «Лассаль и лассальянцы, видя слабые шансы пролетарского и демократического пути, вели шаткую тактику, приспосабливаясь к гегемонии юнкера Бисмарка. Их ошибки сводились к уклону рабочей партии на бонапартистски - государственно - социалистический путь. Напротив, Бебель и Либкнехт последовательно отстаивали демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму»².

И хотя воссоединение Германии было произведено сверху, через прусскую монархию, «в самой невыгодной для рабочих форме», но, как указывает Ленин, в этом споре по вопросу о путях объединения Германии история оправдала не лассальянцев, а именно Бебеля и Либкнехта, и «только последовательно-демократическая и революционная тактика Бебеля и Либкнехта, только их «неуступчивость» национализму... помогли заложить прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии»³.

Когда было завершено национальное воссоединение Германии, «тогда умер спор лассальянцев с эйзенахцами» (Л е н и н).

Марке и Энгельс не возражали в принципе против объединения эйзенахцев и лассальянцев, но они категорически возражали против «объединения во что бы то ни стало», против того, чтобы это объединение было проведено на основе уступок лассальянству; они указывали, что необходимо обусловить это объединение отказом лассальянцев от их оппортунистических сектантских догм.

С особой остротой Марке и Энгельс предостерегали германскую социал-демократию от каких бы то ни было уступок лассальянству при выработке программы. «Н о в а я программа всегда представляет собой открыто вооруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким она является по сравнению с эйзенахской»⁴, — писал Энгельс в своем письме к А. Бебелю от 18 марта 1875 года по поводу проекта Готской программы. Энгельс указывал, что партия должна выдвинуть перед лассальянцами в качестве необходимого условия объединения их отказ от сектантства и либо принять в основном эйзенахскую программу 1869 года либо же «ее улучшенное издание, приуроченное к настоящему моменту».

Так как в проект Готской программы по ряду важнейших, принципиальных вопросов были внесены оппортунистические, лассальянские положения, Марке и Энгельс развернули самую резкую и беспощадную критику этого документа. Уже в упомянутом выше письме Бебелю в марте 1875 года Энгельс подверг резкой критике проект Готской программы, указывая на огромный вред объединения, проводимого на подобной гнилой, беспринципной основе, и подчеркивая, что принятие подобной программы может заставить Маркса и его — Энгельса — «сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу». «...Программа эта такова, — писал Энгельс, — что в случае, если она будет принята, Марке и я ни за что не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте новой партии и должны были бы серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней»⁵.

Так как критика проекта Готской программы, данная Энгельсом в этом письме к Бебелю, не привела к изменению позиции руководителей германской социал-демократии (Вильгельма Либкнехта и др.), то Марке и Энгельс сочли нужным дать раз-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. I (VI), стр. 284. Письмо Ф. Энгельса К. Каутскому от 8 ноября 1884 года.

² В. И. Ленин, Соч. Т. XVI, стр. 547.

³ Там же.

⁴ Карл Маркс, Избранные произведения. Т. II, стр. 429. Партиздат, 1937.

⁵ Там же.

вернутую критику проекта Готской программы. Это было сделано Марксом в направленных им 5 мая 1875 года одному из деятелей германской социал-демократии, Бракке «Заметках на полях программы германской рабочей партии», — в «Критике Готской программы». В этом замечательном документе наряду с резкой критикой лассальянских положений, внесенных в проект программы, даны в сжатых и ясных формулировках программные основы пролетарской партии.

В сопроводительном письме к Бракке Маркс указывает, что проект Готской программы «решительно никуда не годится и деморализует партию» и что хотя самый факт объединения удовлетворяет рабочих, но это объединение — минутный успех, купленный слишком дорогой ценой.

Несмотря на острую критику проекта Готской программы, с которой выступили Маркс и Энгельс, эта критика не была учтена руководителями германской социал-демократии, и на объединительном съезде в Готе эта программа с очень небольшими изменениями была принята.

Через несколько месяцев после съезда в Готе Энгельс писал Августу Бебелю о Готской программе:

«Если бы в буржуазной прессе нашелся хоть один толковый человек, он разобрал бы ее (программу. — Е. Р.) по косточкам, исследовал бы действительное содержание каждой фразы, показал бы воочию ее бессмысленность, вскрыл бы все противоречия и экономические ошибки... и выставил бы всю нашу партию в чудовищно смешном виде. Вместо этого безмозглые буржуазные писаки приняли эту программу всерьез, вычитали из нее то, чего в ней нет, и истолковали ее в коммунистическом смысле. Рабочие поступают, повидному, так же. Только это обстоятельство и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы»¹.

2

Руководители германской социал-демократии держали подспудом, скрывали от массе марксову «Критику Готской программы» до 1891 года, т. е. в течение пятнадцати лет. Но и в 1891 году этот замечательный документ, наносящий сокрушительный удар по лассальянству, был опубликован Энгельсом вопреки упорному сопротивлению Каутского и других руководителей германской социал-демократии.

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. I (VI), стр. 92 — 93. Письмо Энгельса Бебелю от 12 октября 1875 года.

Энгельс указывал на то, что «Критика Готской программы» «сугубо злободневна и актуальна», и считал тем более важным сделать ее достоянием масс, что видел, как после отмены «исключительного закона против социалистов» в 1890 году и после выхода партии из подполья в ней усилились и подняли голову оппортунистические элементы; Энгельс опасался, в частности, как бы оппортунисты не оказали своего влияния на новую программу германской социал-демократии, которая должна была быть принята на предстоящем в 1891 году партийном съезде.

Направив «Критику Готской программы» редактору органа германской социал-демократии «*Neue Zeit*» Каутскому для ее опубликования, Энгельс предупредил его, что если эта работа Маркса не будет напечатана в «*Neue Zeit*», то он так или иначе опубликует ее в венской «*Arbeiter-Zeitung*». Таким образом, Каутский был вынужден опубликовать этот документ. В своем письме к Каутскому от 23 февраля 1891 года Энгельс подчеркивает, что его долгом было «раз навсегда вскрыть подлинное отношение между Марксом и Лассалем», «раз навсегда покончить с легендой о Лассале»².

«Легенда, прикрывающая и прикрашивающая истинный образ Лассала, не может стать символом веры партии»³, — писал Энгельс.

Энгельс прекрасно знал, что опубликование «Критики Готской программы», которая со всей остротой ставила главные вопросы марксистского учения: вопрос о диктатуре пролетариата, о переходном периоде от капитализма к коммунизму, о двух фазах коммунизма и ряд других важнейших, принципиальных вопросов, — вызовет величайшее сопротивление со стороны руководства германской социал-демократии и будет означать решительный удар по оппортунизму и примиренчеству по отношению к оппортунизму.

«*Neue Zeit*» подействует, как бомба, — писал Энгельс в своем письме к Зорге, — в нем будет напечатана марксова критика проекта программы 1875 года. Ты, конечно, останешься доволен, в Германии же она кое у кого вызовет злость и негодование»⁴.

Так оно и оказалось! Руководители социал-демократии, публикуя марксову «Критику», поспешили взять под защиту Лассала, лассальянцев и их оппортунистические догмы. В центральном органе партии «*Vorwärts*» была опубликована статья, в

² Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 433.

³ Там же, стр. 432.

⁴ Письма И. Ф. Беккера, П. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др., стр. 393—394. 1907.

которой была выражена официальная позиция верхушки партии по отношению к «Критике Готской программы». В этой статье высказывалось резкое осуждение той оценки Лассалья, которая давалась Марксом, и целиком оправдывалось и даже ставилось в заслугу партии то, что она невзирая на марксову резкую критику проекта Готской программы приняла эту программу.

«Немецкие социал-демократы не являются ни марксистами, ни лассальянцами, они социал-демократы», — заявлял автор статьи¹.

Каутский, который был вынужден опубликовать «Критику Готской программы», одновременно принял все меры, чтобы подчеркнуть свое несогласие с позицией Маркса в отношении Лассалья. «Точка зрения Маркса на Лассалья не есть точка зрения германской социал-демократии», — поспешил заявить Каутский в своей статье в том же номере «Neue Zeit»².

Обстоятельства опубликования «Критики Готской программы», этого замечательного документа борьбы Маркса за пролетарскую партию, представляют лишь один из штрихов, рисующих рост оппортунизма в партиях II интернационала, в особенности по вопросу, который является главным в марксизме, по вопросу о диктатуре пролетариата.

«После смерти Энгельса западно-европейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ»³.

Партии II интернационала называли себя на словах марксистскими, а на деле «терпели в своей среде противников марксизма, открытых оппортунистов, и дали им разложиться, погубить II Интернационал»⁴

3

В своей «Критике Готской программы» Маркс нанес сокрушительный удар по лассальянским оппортунистическим догмам и по примиренчеству к оппортунизму, проявленному руководителями германской социал-демократической партии. Маркс едко высмеивает внесенные в программу лассальянские рецепты «мирного вращивания» капитализма в социализм без пролетарской революции, путем «учреждения производительных товариществ с государственной помощью».

«Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая ор-

ганизация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые «призваны к жизни» им [государством], а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассалья, что с помощью государственной субсидии «оказывается» так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!»⁵.

Маркс со всей остротой вскрывает реакционный, сектантский характер лассальянских «чудодейственных средств», подчеркивая, что главная беда заключается в том, что «вообще идут венах от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения»⁶.

Маркс дает здесь резкую критику пресловутого лассальянского «железного закона» заработной платы⁷, показав, что в основе его лежит буржуазная теория Мальтуса о народонаселении. «Ониграясь как раз на эту теорию, — писал Маркс, — экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, обусловленной самой природой, а может лишь сделать ее всеобщей, распространив ее равномерно по всей поверхности общества»⁸.

И эта лассальянская догма о «железном законе» заработной платы была внесена в программу германской рабочей партии в то время, когда уже прошло несколько лет после опубликования I тома «Капитала», в то время как экономическим учением Маркса и Энгельса раз навсегда опрокидывались буржуазные экономические теории и, в частности, буржуазное понимание заработной платы, в то время как в партии уже укрепился правильный, научный взгляд на заработную плату.

«Один уже тот факт, что представители нашей партии способны были совершить такое чудовищное покушение на распространение в партийных массах понимание, — не показывает ли одно это, с каким преступным легкомыслием, с какой бессовестностью приступили они к составлению компромиссной программы!»⁹.

То обстоятельство, что руководители партии позволили внести в программу партии положение о «железном законе заработной платы», означало, как писал

⁵ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 417.

⁶ Там же, стр. 419.

⁷ Буржуазная теория, согласно которой заработная плата рабочих определяется минимумом средств существования, необходимых рабочему и его семье.

⁸ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 416.

⁹ Там же, стр. 417.

¹ «Neue Zeit» № 21 за 1891 год.

² Там же.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 135.

⁴ Там же, стр. 137.

Энгельс, огромное моральное поражение партии.

Включив в программу лассальянские рецепты об организации производительных товариществ с «государственной помощью» и т. д., руководители германской социал-демократической партии в полном соответствии с лассальянским «железным законом заработной платы» забыли даже упомянуть о необходимости организации профессиональных союзов и о стачечной борьбе рабочего класса.

Между тем Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали важность профессиональных организаций для рабочего класса. В инструкции делегатам на Женевский конгресс I Интернационала в 1866 году Маркс указывал, что профессиональные союзы важны не только «для партизанской борьбы между капиталом и трудом», но и в качестве организованной силы «для уничтожения самой системы наемного труда и власти капитала»¹.

В своей «Критике Готской программы» Маркс с возмущением говорит о том, что в этой программе ни слова не сказано об интернациональной солидарности, о «международных функциях» германского рабочего класса. В то время как деятельность I Интернационала подняла рабочее движение и интернациональные связи рабочего класса на новую, высшую ступень, «германская рабочая партия в новой своей программе отреклась от интернационализма»².

В упомянутом выше письме Бебелю от 18 марта 1875 года Энгельс подчеркивает, что германские рабочие оказались в авангарде европейского рабочего движения главным образом благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время франко-прусской войны; с большой горечью Энгельс пишет о том, что «принцип международности рабочего движения на деле для настоящего времени окончательно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и в труднейшей обстановке проводили этот принцип самым блестящим образом»³.

В то время I Интернационал прекратил свое существование; перед рабочими стояла задача построения самостоятельных пролетарских партий в каждой стране. Основоволожники коммунизма и вожди международного пролетариата Маркс и Энгельс неустанно крепили интернациональную солидарность пролетариата и готовили

почву для воссоздания его международного объединения.

* * *

В своей «Критике Готской программы» Маркс со всей остротой выступает против вреднейшего, оппортунистического лассальянского положения о том, что по отношению к рабочему классу «все остальные классы составляют лишь одну реакцию и одну массу». Маркс указывает, что по отношению к феодалам и реакционным промежуточным слоям, которые держатся за устаревшие способы производства, буржуазия, представляющая крупную промышленность, представляла революционный класс.

В отношении средних слоев Маркс напоминает формулировку «Манифеста Коммунистической партии», где говорится, что «средние слои... становятся революционными лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата», и указывает, что утверждение, будто по отношению к рабочему классу они вместе с буржуазией, и вдобавок еще с феодалами, «составляют лишь одну реакционную массу», — бессмысленно.

В основе этой вредной оппортунистической «теории» Лассаля об «одной реакционной массе» лежало, как указывал Маркс, стремление Лассаля оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными элементами, свой союз с Бисмарком.

Внесение в программу германской социал-демократической партии пункта об «одной реакционной массе» вызывало тем более резкий отпор со стороны Маркса, что этот пункт вел к отрицанию союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали большую роль трудящегося крестьянства как союзника пролетариата в его борьбе за свержение буржуазии. В своем «Восемнадцатом брошюре Луи Бонапарта» Маркс отмечал, что крестьяне «находят себе естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном испровергнуть буржуазный строй»⁴.

А в своем известном письме к Энгельсу в апреле 1856 года Маркс писал: «Все дело в Германии будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны»⁵. Впоследствии, в эпоху империализма, Ленин и Сталин восстановили эти гениальные мысли Маркса, эти «основные наброски идеи гегемонии пролетариата» (Сталин), преданные забвению теоре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 201.

² Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 415.

³ Там же. стр. 125.

⁴ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 305.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XXII, стр. 139.

гиками II интернационала, и развили их дальше в стройную теорию социалистической революции, «вводя в дело новый момент, как обязательный момент социалистической революции, — союз пролетариата и полупролетарских элементов города и деревни, как условие победы пролетарской революции»¹.

4

Особенно велико значение «Критики Готской программы» потому, что здесь в наиболее развернутой и развитой форме даны идеи Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата, о переходном периоде от капитализма к коммунизму, о развитии коммунистического общества.

Уже в 1848 году в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс во всеуслышание заявили о необходимости коммунистической революции, необходимости насильственного ниспровержения буржуазии и превращения пролетариата в господствующий класс. В «Манифесте» подчеркивалась необходимость «деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные производственные отношения» и намечался ряд мероприятий, которые «неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»².

В своих заметках по поводу приведенных мест «Манифеста Коммунистической партии» Ленин писал, что хотя термина «диктатура пролетариата» Маркс и Энгельс здесь еще не употребляют, но «очевидно, что превращение пролетариата в «господствующий класс», его «организация как господствующего класса», его «деспотическое вмешательство в право собственности» и т. д. и е с т ь «диктатура пролетариата»³.

В 1852 году на основе опыта революции 1848 года Маркс в своем «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» делает тот самый вывод, что пролетариат «не может овладеть готовой государственной машиной», что он должен «сломать», «разбить» буржуазную государственную машину.

На основе уроков Парижской коммуны, когда рабочие впервые в истории свергли господство буржуазии и взяли власть в свои руки, Маркс и Энгельс развили далее свои идеи о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

В написанном Марксом по поручению Генерального совета I Интернационала манифесте «Гражданская война во Франции».

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 72.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Манифест Коммунистической партии», стр. 113. Партиздат. 1938.

³ Ленинский сборник XIV, стр. 293.

оглашенном им на заседании Генерального совета 30 мая 1871 года, Маркс со всей глубиной и проникательностью пролетарского вождя вскрывает подлинную сущность Парижской коммуны, показывает, что ее настоящей тайной было то, что она была, по сути дела, правительством рабочего класса, что она хотела «экспроприровать экспроприаторов» и превратить средства производства из орудий порабощения и эксплуатации в «орудия свободного и ассоциированного труда»⁴.

В «Критике Готской программы» идеи Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата получили свое дальнейшее развитие.

Уже в марте 1875 года в своем письме к Бебелю по поводу Готской программы Энгельс со всей резкостью критикует ее за то, что здесь дана лассальянская, оппортунистическая постановка вопроса о государстве, что здесь говорится не о диктатуре пролетариата, а о «свободном народном государстве».

Это замечательное письмо Энгельса от 18 марта 1875 года руководители германской социал-демократии держали под секретом в течение 36 лет, опубликовав его лишь в 1911 году.

В «Критике Готской программы» Маркс развертывает резкую, беспощадную критику лассальянских, оппортунистических догм о «свободном народном государстве».

Маркс с возмущением клеймит как «нечестную, недостойную увертку» сделанную в программе попытку прикрасить «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»; особенно резко Маркс клеймит оппортунистические заявления, будто можно добиться от подобного государства осуществления даже самых элементарных политических требований «законными средствами».

Даже вульгарная демократия, пишет Маркс, «стоит неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски дозволенного и логически недопустимого»⁵.

В своих выписках из марксовой «Критики Готской программы» Ленин подчеркивает эти слова Маркса и делает приписку: «очень хорошо (и очень важно)» и далее Ленин пишет: «В этих словах Маркс как бы предвидел всю пошлость kautекнианства: сладенькие речи о всяких

⁴ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 368.

⁵ Там же, стр. 420.

хороших вещах, превращающиеся в прикрашивание действительности»¹.

В «Критике Готской программы» Маркс на основе опыта Парижской коммуны обогащает свое учение о диктатуре пролетариата; Маркс дает здесь классическую формулировку сущности переходного периода от капитализма к коммунизму и значения диктатуры пролетариата для этого периода. «Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал он, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»².

В этом замечательном своем произведении Маркс дает не только четкую и яркую формулировку сущности переходного периода, но и гениальную характеристику двух фаз коммунизма, показывает основные линии развития коммунистического общества.

«Вся теория Маркса, — писал Ленин, — есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса вставал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма»³.

Ленин подчеркивает при этом со всей остротой, что у Маркса нет ни тени попытки «сочинять утопии», «гадать», что Маркс ставит и разрешает эти важные проблемы, проблемы о будущем развитии будущего коммунистического общества, на основе того, что коммунистическое общество «исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом»⁴.

Давая характеристику двух фаз коммунизма, Маркс указывает, что в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, в каком оно выходит из капиталистического общества, оно «...во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»⁵.

¹ Ленинский сборник XIV, стр. 265.

² Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 419.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 427—428.

⁴ Там же, стр. 428.

⁵ Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 411.

На этой фазе коммунизма средства производства находятся уже не в частной собственности, а принадлежат всему обществу, но распределение здесь производится еще по принципу «за равное количество труда, равное количество продукта». «Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равным мерилом — трудом»⁶.

На высшей фазе коммунизма, писал Маркс, когда «исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всеобщим развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком», тогда «общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»⁷.

Таким образом, в «Критике Готской программы» не только развернута уничтожающая критика лассальянской догмы о «свободном народном государстве», но и дан замечательный теоретический анализ вопросов о диктатуре пролетариата, о переходном периоде от капитализма к коммунизму и о фазах развития самого коммунистического общества.

«Критика Готской программы» означала новый значительный вклад в сокровищницу марксистской теории, в сокровищницу научного социализма.

* * *

Более шестидесяти лет прошло со времени написания «Критики Готской программы», но и сейчас этот важный партийный документ, в котором Маркс «подвел итог своему революционному учению» (Ленин), сохранил всю свою остроту и актуальность.

Великое учение Маркса и Энгельса, развитое и поднятое Лениным и Сталиным на высшую ступень, одержало всемирноисторическую победу. Под руководством партии Ленина—Сталина в России была совершена победоносная Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества.

Под руководством большевистской партии, в борьбе против всех капитулянтов и реставраторов капитализма, в борьбе против троцкистско-бухаринских агентов фашизма, народы СССР построили в основном

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 412.

социалистическое общество, первую фазу коммунизма. Советский Союз «вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, где руководящим началом общественной жизни должен быть коммунистический принцип: «От каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям»¹.

Итоги пройденного пути, завоевания народов СССР, закреплены в великой Сталинской Конституции, выражены в историческом докладе товарища Сталина на XVIII съезде партии.

Опыт победоносной социалистической революции в России, опыт первого в мире социалистического государства, дал чрезвычайно много нового для обогащения и дальнейшего развития марксистско-ленинского учения о государстве и в частности для ответа на вопросы, которые не могли еще быть в полной мере и во всей конкретности разрешены тогда, в период доимпериалистического капитализма, когда жили великие основоположники коммунизма — Маркс и Энгельс.

В уже упоминавшемся выше письме к Бебелю по поводу Готской программы Энгельс писал, что «с введением социалистического общественного строя государство само собою разлагается («распускается») [sich auflöst] и исчезает»². Это же положение Энгельс развивает и позднее в «Анти-Дюринге», где он писал следующее: «Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства»³.

В ряде своих работ Маркс и Энгельс писали о том, что при коммунизме государство отмирает, «засыпает». Они исходили при этом из того предположения, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, они рассматривали

вопрос о социалистическом государстве, исходя из того предположения, что «вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства»⁴.

Ленин и Сталин не только восстановили революционное учение Маркса и Энгельса и в частности их идеи о государстве и диктатуре пролетариата, не только нанесли сокрушительный удар по всем оппортунистическим, буржуазным извращениям этого великого учения, но и обогатили его, развили его далее на основе опыта эпохи империализма и пролетарской революции.

В своей замечательной работе «Государство и революция», написанной незадолго до Октябрьской социалистической революции, Ленин разоблачил буржуазные, оппортунистические извращения идей Маркса и Энгельса о государстве и о диктатуре пролетариата. Во второй части этой замечательной работы Ленин собирался обобщить опыт революции 1905 года и Великой Октябрьской социалистической революции, но он не успел этого сделать. Это сделал лучший ученик Ленина — товарищ Сталин. Под руководством товарища Сталина выполнены заветы Маркса, Энгельса и Ленина: в нашей стране построена в основном первая фаза коммунизма, мы вступили в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. Эти всемирноисторические задачи осуществляются народами Советского Союза в условиях капиталистического окружения; вот почему для успешного их разрешения необходимо еще сильнее оттачивать функции Красной Армии и красной разведки, которые во вторую фазу социалистического государства своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов.

Наша партия под руководством товарища Сталина дала сокрушительный отпор пронкам врагов диктатуры рабочего класса, которые, выдвигая вредительские теории о немедленном отмирании государства, рассчитывали ослабить наше социалистическое государство и тем самым затормозить наше победоносное продвижение к коммунизму. Товарищ Сталин дал развернутую марксистско-ленинскую теорию социалистического государства. Товарищ Сталин неоднократно указывал на то, что в условиях капиталистического окружения народы на-

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 331.

² Карл Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 428.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIV, стр. 284.

⁴ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). стр. 53.

ней страны должны всемерно крепить социалистическое государство.

Наша страна, социалистическое отечество международного пролетариата, должна иметь мощную армию, должна располагать хорошо организованной советской разведкой, «должна иметь свое достаточно сильное государство,— для того, чтобы иметь возможность защищать завоевания социализма от нападения извне»¹.

В своей «Критике Готской программы» Маркс писал, что на вопрос о том, «какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе», другими словами, «какие общественные функции останутся тогда аналогичные теперешним государственным функциям», можно ответить только научно, «и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения»².

Это замечательное методологическое указание Маркса блестяще осуществил теперь товарищ Сталин, который на основе опыта первого в мире социалистического государства внес новый неоценимый вклад в марксистско-ленинское учение о государстве.

Товарищ Сталин дал глубоко научное решение вопроса об изменениях форм и функций социалистического государства в новой конкретно-исторической обстановке.

В своем докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин показал, что в нашей стране, где уничтожена эксплуатация человека человеком, отмерла функция военного подавления внутри страны. «Теперь,— говорит товарищ Сталин,— основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов. Как видите, мы имеем теперь совершенно новое, социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей фор-

ме и функциям от социалистического государства первой фазы»³.

Одновременно товарищ Сталин со всей ясностью указал на то, что и в период коммунизма у нас сохранится государство, если не будет ликвидировано капиталистическое оружие, если наша страна будет подвергаться опасности военного нападения извне.

Таким образом, товарищ Сталин, гениально обобщив опыт социалистического строительства в нашей стране, сделал новый ценнейший вклад в марксистско-ленинское учение о государстве.

Большевистская партия, партия Ленина — Сталина, в новых условиях, в условиях эпохи империализма, империалистических войн и пролетарских революций, не только отстаивала великое учение Маркса и Энгельса в борьбе со всеми оппортунистами, капитулянтами и фальсификаторами марксизма, но и развила это учение дальше, подняла его на высшую ступень.

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленини, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата»⁴.

Вооруженные марксистско-ленинской теорией, под руководством большевистской партии, трудящиеся СССР воплотили в жизнь то, за что боролись в течение долгих десятилетий лучшие люди рабочего класса, о чем давно мечтали лучшие умы человечества. Под знаменем Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина народы Советского Союза вступили в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к высшей фазе коммунизма. Под этим великим знаменем величественное здание коммунизма будет построено в нашей стране, под этим великим непобедимым знаменем коммунизм одержит победу во всем мире!

³ И. Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57—58.

⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 342.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

A handwritten signature in dark ink, appearing to read 'М. Е. Щедрин'.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Великий русский писатель-сатирик Михаил Евграфович Салтыков (литературный псевдоним — «Н. Щедрин») родился 27(15) января 1826 года в имени родителей своих — селе Спас-Угол, Калязинского уезда, Тверской губернии. Отец его принадлежал к старому, но в этой ветви уже захудалому дворянскому роду. Это был по натуре своей человек слабохарактерный, непрактичный; в семье он не играл никакой роли. Мать сатирика — Ольга Михайловна Забелина, — происходившая из купеческого рода, была человеком совсем другой складки. Воспоминания родственников рисуют ее женщиной очень одаренной, обладавшей исключительным практическим умом и энергией. От матери Салтыков унаследовал прямоту, трезвость мышления,

энергию, деловитость. От нее же в какой-то мере Щедрин унаследовал свое дарование сатирика. Письма Ольги Михайловны не очень грамотны, так как по купеческому обыкновению образования ей почти не дали, но они свидетельствуют о ярко выраженной сатирической направленности ее ума и о прorroжденном чутье и вкусе к выразительному и богатому языку московского «простолюдинья».

В начале 1820-х годов девятнадцатилетняя Ольга Михайловна властно и бесконтрольно забрала в свои руки все дела по хозяйству и в семье. В захирелое дворянское гнездо она внесла совсем не дворянскую деловитость, расчетливость, буржуазную страсть к накоплению и буржуазную же добродетель бережливого скопидомства.

Дом в селе Спас-Угол, в котором родился Салтыков-Щедрин. Вид дома в начале 1900-х годов.

Всею существом своей купеческой натуры Ольга Михайловна «льнула к капиталу» и приобретательству. Дух накопления, неутомимая «алчность будущего» (выражение Щедрина) пронизывали не только хозяйственный, но и бытовой уклад семьи. Бережливость была доведена до степени скарденности, от которой страдали не только крепостные, но и помещичьи дети: из быта были изгнаны всякие признаки материального комфорта и благосостояния, круг культурных запросов был крайне примитивен, все существование было сведено к единственно реальному и поглощавшему всех интересу—к обогащению.

В этой душной атмосфере накопления и стяжательства Щедрин провел свои детские годы, здесь получил он свои первые сознательные впечатления, которые пронес через всю жизнь и воспроизвел на самом склоне дней в жестоком эпосе «Пошехонской старины».

«Салтыков, — по словам близко знавшего его в последние годы жизни С. Н. Кривенко, — не любил вспоминать своего детства, а когда вспоминал какие-нибудь отдельные черты, то вспоминал всегда с большой горечью».

Вся обстановка, окружавшая его в детстве, запечатлелась в памяти сатирика мрачными и жесткими красками. Унизительный, бесправный быт крепостничества, вплотную окружавший Салтыкова с ранних лет, способствовал пробуждению во впечатлительной натуре будущего сатирика глубокого протеста против угнетения,

протеста, который прошел через всю жизнь писателя и определил во многом дальнейший путь его идеологического развития.

Домашнее воспитание будущего сатирика было достаточно безалаберным. Оно было целиком предоставлено разного рода учителям «ценою подешевле», начиная от сельского попа и крепостного грамотея-богомаса, обучившего Салтыкова, когда ему было 7 лет, грамоте, до всякого рода сомнительных французских и немецких гувернанток, вербовавшихся на сходных условиях в Москве и часто менявшихся по воле деспотической и своенравной помещицы.

Несмотря на такую обстановку Салтыков благодаря своим способностям и рано проснувшейся тяге к знаниям, заставившей его «пристраститься к книге едва обучившись азбуке», очень рано подготовился к поступлению в 3-й класс Московского дворянского института, куда, по заведенному порядку, Салтыкова отдавала своих сыновей.

В 1836 году Салтыков был зачислен туда пансионером. Институт этот был одним из старейших в России учебных заведений привилегированного типа. В нем воспитывались Жуковский, Грибоедов, Баратынский, Лермонтов и ряд декабристов. В институте сохранялись литературные традиции предыдущего поколения и относительно либеральная атмосфера, вносимая преподававшими здесь профессорами Московского университета. Но как раз во время пребывания Салтыкова в институте

николаевская реакция, считавшая институт, где воспитывались декабристы, чуть ли не очагом распространения политического вольнодумства, произвела в нем ряд радикальных преобразований.

Институт превратился в унифицированное казенное учебное заведение николаевской России, с жестким, полувоенным, полумонастырским режимом, с сечением как существенным методом воспитания. Оскорбительные воспоминания о розге и всем казарменно-бездунном режиме института Щедрин сохранил навсегда. Они легли основным грунтом в те злые и до беспощадности язвительные страницы, которые посвящены в его сатире «чистокровнейшим» учебным заведениям царизма. Но все же в институте еще жили старые традиции: юноши усиленно занимались поэзией, а среди преподавателей наряду со схоластами и невеждами были талантливые и либеральные педагоги. Салтыков жадно тянулся к учению и стремился войти в круг умственных интересов, которыми жили старшие пансионеры. Уже на втором году пребывания в институте он мечтал о поступлении в университет. Но его планы были неожиданно нарушены: Дворянский институт имел привилегию каждые полтора года отбирать из числа лучших своих воспитанников двух кандидатов для помещения их на казенный счет в Царскосельский лицей; в 1838 году одним из этих кандидатов оказался Салтыков. В мае того же года он был привезен в Царское село и после успешно выдержанного экзамена зачислен в 1-й класс лицея.

Представление о Царскосельском лицее неразрывно связано с именем Пушкина. Но двадцатилетие, прошедшее с момента, когда великий поэт завершил «лицейский период» своей биографии, а великий сатирик начал его, внесло в жизнь этого учебного заведения большие перемены. Лицей находился теперь под военной опекой. Он был подчинен брату Николая I—Михаилу Павловичу, — самому законченному представителю николаевской военщины. В лицее господствовала казарменная дисциплина с ее бессмысленной жестокостью и бездушием. Что касается постановки собственно образовательного дела, то здесь наряду с обычными для школы той эпохи недостатками были и свои достоинства, делавшие это учебное заведение все же одним из лучших в тогдашней России. Военное начальство смотрело на штатский лицей как на лишнюю обузу и ограничивало свое вмешательство требованиями соблюдения внешней дисциплины. Слова директора лицея периода пребывания в нем Салтыкова, обращенные к лицеистам: «Думайте, что хотите, но будьте исправны перед начальством», — представляли формулу, поз-

волявшую воспитанникам жить довольно напряженной умственной жизнью, а лучшим из педагогов (таких, впрочем, было немного) — передавать своим ученикам знания, далеко выходящие за рамки «охранительного кодекса школьной премудрости» (Щ е д р и н).

Салтыков вынес из лицея не только хорошее знание иностранных языков, особенно французского, который он так виртуозно-богато использовал в своей сатире, но достаточно серьезные познания в области политической экономии, юридических наук и истории. Но не официально-казенная наука увлекала в лицее молодого Салтыкова: в лицее, где влияние «пушкинских традиций» было сильно еще и в эти годы, его литературные интересы окрепли и развились. Уже с первого года пребывания в лицее Салтыков начал писать стихи, и товарищи называли его «продолжателем» Пушкина. Стихи эти, представляющие подражание Лермонтову и поэтам умиравшего русского романтизма Бенедиктову и Губеру, не имеют самостоятельной художественной ценности. Впоследствии Щедрин не любил, когда ему напоминали о них. Но в то время он относился к своему стихотворчеству серьезно и скоро начал печатать свои поэтические опыты. Его первое стихотворение — «Лира» — за подписью «С—в» было напечатано в 1841 году в журнале «Библиотека для чтения».

Большую роль в формировании мировоззрения молодого писателя сыграл Белинский. Воспитанникам лицея разрешалось выписывать журналы. «Журналы читались с жадностью, — вспоминал впоследствии сатирик, — но в особенности сильно было влияние «Отечественных записок» и в них критика Белинского». Знаменитые статьи Белинского в «Отечественных записках» в 1841 — 1846 годах могут быть с полным основанием названы школой идей, воспитавшей основные, решающие черты, определившие идеологический облик Щедрина. Статьи Белинского приобщили, в частности, Салтыкова к идеям французского утопического социализма, которые сыграли огромную роль в его творчестве.

Среди лицейстов старших классов организовывались кружки, в которых молодежь обсуждала интересовавшие ее вопросы политики и революционные идеи. Не случайно многие петрашевцы, в том числе и сам Петрашевский, получили свое воспитание в лицее. Петрашевский был тремя выпусками старше Салтыкова. Их знакомство завязалось еще в стенах лицея и продолжалось затем до момента ссылки сатирика в Вятку.

После окончания лицея, в мае 1844 года, Салтыков, обязанный как стипендиат

отбыть шестилетний срок государственной службы, был определен на незначительную должность в канцелярию военного министерства. Служба не интересовала Салтыкова. Об этом периоде своей жизни он вспоминал: «В России, впрочем не столько в России, сколько в Петербурге, мы существовали лишь фактически, или, как в то время говорилось, имели «образ жизни». Ходили на службу в соответствующие канцелярии, писали письма к родителям, питались в ресторанах, а чаще всего в кухмистерских, собиравшись друг у друга для беседований и т. д. Но духовно мы жили во Франции... Оттуда лилась на нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас...»

Эта связь с нараставшей революционной борьбой во Франции и ее идеологическим выражением в разнообразных системах утопического социализма объяснялась тем, что, несмотря на глухие подземные толчки приближающейся крестьянской революции в России, ясного сознания своего единства с ней даже у передового отряда русской демократической интеллигенции того времени еще не было.

Под непосредственным руководством своего «дорогого и незабвенного учителя» Петрашевского, под продолжающимся воздействием Белинского Салтыков в петербургские годы прделывает огромную самообразовательную работу и закладывает фундамент своей глубокой культуры. Больше всего он изучает увлекавшую его французскую социалистическую литературу — произведения Фурье, Сен-Симона, Прудона, Луи Блана, Видаля и др.

Одновременно он все больше увлекается литературной работой и сближается с передовыми писательскими кружками Петербурга 40-х годов. Сначала Салтыков продолжает печатать стихи, затем берется за писание рецензий, наконец, в 1847 году пишет свои первые две повести: «Противоречия» и «Запутанное дело», — с которых, собственно говоря, и начинается его литературная деятельность. Первая из них была напечатана в ноябрьской книжке «Отечественных записок» за 1847 год, вторая — в мартовской книжке того же журнала за 1848 год. Написанные в манере «натуральной школы» 40-х годов, обе повести обнаруживают сильнейшее воздействие на молодого писателя французского утопического социализма и социальных романов Жорж Санд. Но они обнаруживают также и самостоятельность автора, выступающего уже не только в качестве прозелита утопического социализма, но и критика его слабых сторон, критика утопических методов переустройства действительности.

Революционная настроенность повестей, особенно «Запутанного дела», явилась причиной больших изменений в жизненной судьбе их автора.

В этот период в России, в связи с революцией 1848 года во Франции, еще более усилилась правительственная реакция. За напечатание этой повести Салтыков был арестован и затем сослан в Вятку. Обвинение, сформулированное, повидимому, самим Николаем I, гласило, что в сочинении Салтыкова сказался «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и неиспровергших власти и общественное спокойствие».

Салтыков очень тяжело переживал свою ссылку. Внешние условия ее были, правда, довольно сносными. Салтыков не просто был сослан, а переведен на службу в Вятку, где он попал под начальство губернатора Середы, цензивного и выдвигавшего способного и образованного «чиновника». Уже к концу 1848 года Салтыков был назначен старшим чиновником особых поручений при губернаторе, а с 1850 года — советником губернского правления; этот ответственный по тем временам пост он занимал до конца своего пребывания в Вятке. Свое вятское житье Салтыков очень тяжело переносил в моральном отношении. Очутившись после атмосферы напряженной умственной жизни Петербурга в глухом захолустье николаевский империи, Салтыков скоро почувствовал одуряющую, засывающую тоску вятского чиновно-купеческого быта. Он пытался противопоставить ей активность своей служебной деятельности. Он проявлял кипучую энергию, исполнял ряд ответственных поручений по губернии, много ездил, посещая по служебной надобности такие города Поволжья и Прикамья, как Нижний, Казань, Пермь. Но все это не давало ему, в конечном счете, никакого удовлетворения. Много раз он делал усилия, чтобы вырваться из постылого «вятского плена», но безрезультатно.

Лишь смерть Николая I и новый правительственный курс принесли Салтыкову в конце 1855 года долгожданную свободу.

Вернувшись в самом начале 1856 года в Петербург, Салтыков попал сразу в раскаленную атмосферу всеобщего политического и идеологического возбуждения, которое было отражением подготовки и нарастания широкого революционного кризиса конца 50-х — начала 60-х годов. Огромным успехом пользовалась, в частности, так называемая «обличительная литература», критиковавшая и разоблачавшая язвы и пороки самодержавия, преимущественно его прогнивший чиновничье-бюрократический аппарат.

МИНИСТЕРСТВО
ВОЕННОЕ.
КАНЦЕЛЯРИЯ
МИНИСТЕРСТВА.

Регистрация

в Петербурге
26. апреля 1848
№ 4846

С Петербургскому Комендан-
ту Г. Бенеранс Майору и Камереру
Барону Салтыкову.

По поручению Г. Военного Ми-
нистра имеет честь препроводить
при семъ къ Вашему Превосходи-
тельству служащаго въ Канцеля-
рии Военнаго Министерства Ми-
нистернаго Советника Михаила
Салтыкова для помещения на
недѣлю на Гаубтвах-
ту за нарушение закона,
— воспрещенаго безъ ведома
своего Начальства предавать
печатанию соотвѣтныя со-
чиненія

Подпись Директора Генералъ Адво-
катъ Аннонковъ и Архивъ Начальникъ
Регистрации Адриевскій

Рядно: Мину. Салтыковъ

Копия отношения канцелярии военного министерства от 26 апреля 1848 года петербургскому коменданту о содержании Салтыкова-Щедрина на гауптвахте за сотрудничество в печати без ведома начальства. Ленинградское отделение Центрархива.

Накопленный в Вятке огромный запас наблюдений над «мерзостями нашего все-российского быта» настойчиво требовал своего литературного выражения. Поселившись в Волковских померах на Большой Конюшенной, Салтыков закончил в феврале — марте 1856 года свои первые «Губернские очерки». Появление их в печати (в журнале «Русский вестник») произвело, по свидетельству современника, «подлинную сенсацию в литературе и обществе». Успех этого произведения Салтыкова, впервые, между прочим, подписанного псевдонимом «Н. Щедрин», объяснялся в первую очередь силой политического впечатления, произведенного этим сочинением, столь ярко осветившим мрачную правду российской действительности.

Революционно-демократическая критика в статьях Чернышевского и Добролюбова, посвященных «Губернским очеркам», по достоинству оценила глубокую обличитель-

ную силу щедринской книги и ее искренний демократизм. Чернышевский и Добролюбов видели и слабые стороны этого переходного для писателя произведения, в частности наличие в нем отдельных либеральных выводов и формулировок, но оба они правильно почувствовали, что основная линия политического развития писателя направлена в сторону демократии, а не дворянского либерализма.

Общественно-политическое самоопределение Щедрина действительно пошло в направлении развития идеологии революционной демократии, возглавляемой Чернышевским.

Несмотря на исключительный успех «Губернских очерков» Щедрин не считал еще возможным бросать службу. Его страшила случайность литературного заработка, особенно теперь, когда он обзавелся семьей, женившись летом 1857 года на Е. А. Болтиной — дочери вятского вице-

«Статья до просмотра цензуры и статья процензурованная».
Карикатура из журнала «Искры», 1863 год.

губернатора. Кроме того Щедрин, как многие передовые люди того времени, в частности и Герцен, был захвачен в эти годы потоком идущего сверху «обновления». Честная служба представлялась ему желательной и полезной формой служения обществу. После двух лет службы — с 1856 по 1858 год — в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел в Петербурге Щедрин в течение четырех последующих лет (1858—1862) занимал пост вице-губернатора в Рязани и Твери. Эта служба, давшая ему как писателю огромный запас новых наблюдений и практическое знание русской действительности, имела и то положительное значение, что в сильнейшей мере способствовала тому, что Щедрин понял несостоятельность своей веры в либерального чиновника-обновителя, в реформаторские возможности царизма.

На своем посту вице-губернатора Щедрин со всей энергией пытался отстаивать интересы крестьянина. Он заслужил этим наименование «вще-Робеспьера» и ненависть крепостников и местных «помпадуров». Оставаться в провинции было трудно и бесполезно, и в 1862 году Щедрин вышел в отставку.

Годы службы не прервали литературной деятельности Щедрина. Он непрерывно печатал в разных журналах, а с 1860 года преимущественно в петербургском «Современнике», свои сатирические рассказы и очерки; частично они явились продолжением «Губернских очерков», а в большей своей части образовали два сбор-

ника нового «глуховского» цикла — «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе».

Выйдя в отставку, Щедрин вместе с А. М. Унковским и группой бывших петрашевцев задумал издавать собственный журнал — «Русская правда», — по изданию не разрешили, и Щедрин, уже крепко связанный с «Современником», сосредоточил в нем всю свою литературную работу. С конца 1862 года он становится фактически одним из редакторов журнала.

Литературная производительность Щедрина за двухлетие его работы в «Современнике» (1863—1864 годы) исключительна. Нет книжки журнала, в которой не нашлось бы нескольких печатных листов, ему принадлежащих. В эти два года Щедрин создал ряд художественно-сатирических произведений, вошедших позднее в его известные сборники («Невинные рассказы», «Признаки времени» и «Помпадур и помпадурши»). Но центральной работой этого двухлетия является создание замечательной публицистической хроники «Наша общественная жизнь».

Литературная деятельность Щедрина начала 60-х годов показывает, что его дальнейшее развитие совершалось уже в пределах революционно-демократической идеологии. Основной идейной силой, определявшей в этот период становление мировоззрения Щедрина, являлась революционная пропаганда Чернышевского.

В произведениях 60-х годов Щедрин вырабатывает также свою знаменитую «эзоповскую» манеру и свой сатирически-обобщенный художественный метод.

Щедрин начал свою работу в «Современнике» уже после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского, когда правительственно-крепостническая реакция, сорвавшая назревавшую революцию, была уже совершившимся фактом. В условиях этой реакции в «Современнике», лишившемся двух своих самых замечательных руководителей, началась известная дифференциация сил и снижение идейного уровня.

Особенно это сказалось в той ожесточенной полемике, которую вел «Современник» в 1863—1864 годы с «Русским словом» и журналами братьев Достоевских «Время» и «Эпоха». Щедрин, выступавший в качестве основного полемиста и подвергавшийся наиболее резким нападкам со стороны своих антагонистов, скоро почувствовал, что не пользуется полным доверием и поддержкой со стороны части редакции «Современника». Некоторые его статьи стали задерживаться или исправляться редакцией, что вызвало крайнее недовольство и раздражение Щедрина. К этому прибавлялись все усиливавшиеся репрессии цензуры против «Современника» вообще и статей самого Щедрина особенно. Цензурные запрещения не только оскорбляли и унижали сатирика морально, но и существенно отзывались на его материальном положении. Последнее же зависело сейчас только от гонорара за писательский труд. Обеспокоенный своими материальными затруднениями, утомленный напряженнейшей литературной работой этих двух лет, неудовлетворенный своим положением в редакции «Современника», Салтыков ре-

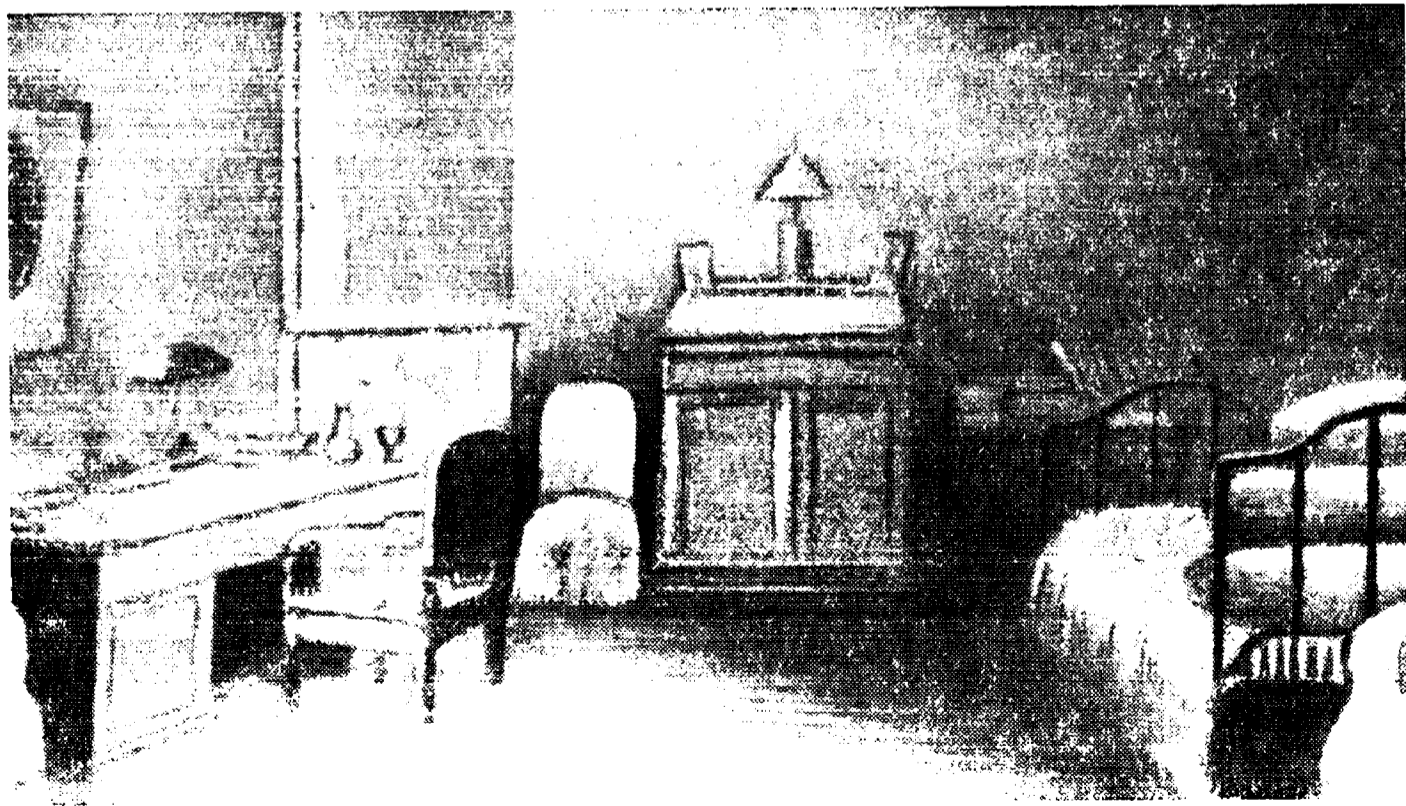
шает на время отойти от литературной деятельности и вновь поступить на службу.

Годы с 1864 по 1867 он проводит на посту председателя казенной палаты, последовательно в Пензе, Туле и Рязани. Щедрин попрежнему выступает защитником крестьянских интересов, попрежнему его ненавидят местные власти и шлют на него жалобы министру и доносы в III отделение.

В результате этих жалоб Щедрин по непосредственному повелению Александра II в июне 1868 года был уволен в отставку. Но он и сам собирался это сделать.

В конце 1866 года Некрасов арендовал журнал «Отечественные записки» и предложил Щедрину стать редактором и пайщиком журнала с тем, чтобы радикально обновить это ранее бесцветное издание в духе идейных традиций закрытого правительством в 1866 году «Современника». Предложение было принято Щедриным. В середине 1867 года он окончательно переехал в Петербург и полностью отдался литературной деятельности.

Период шестнадцатилетней работы Щедрина в «Отечественных записках» (1868—1884 годы) открывает в его биографии новую и самую блестящую главу. Это вместе с тем в значительной мере глава из истории его творчества этих лет и из истории руководимого им журнала. Щедрин так глубоко и полно ушел в литературно-редакторскую работу и так всецело подчинил ей свою жизнь, что все остальные немногие факты его биографии, остающиеся за пределами литературы, приобретают второстепенное значение.

Рабочий кабинет Салтыкова-Щедрина. «Всемирная иллюстрация» 1889 года. № 20 от 13 мая.

Иллюстрация художников Кукрыниксов к «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина.

Конец 60-х и затем 70-е годы — самое напряженное и плодотворное в смысле творчества время в жизни Щедрина, период его полной идейной зрелости. Это десятилетие открывается гениальной «Историей одного города» (1869—1870 годы) и подготовившими ее циклами «Помпадуров и помпадурш» (1863—1874 годы) и «Лисем из провинции» (1868 год). За «Историей» следуют «Господа ташкентцы» (1869—1872 годы), «Дневник провинциала в Петербурге» (1872—1876 годы), «Благонмерные речи» (1872—1876 годы), «Господа Головлевы» (1872—1876 годы), «В среде умеренности и аккуратности» (1874—1877 годы), «Убежище Моисею» (1878—1879) и, наконец, «Современная идиллия» (1877—1883 годы), завершенная уже в 80-е годы. Наряду с этими основными художественными произведениями Щедрин создает в эти же годы целый ряд замечательных критических и публицистических статей.

Щедрин выступает не только в качестве писателя огромной художественной силы, но и в качестве собирателя и организатора сил демократической литературы. Ему вме-

сте с Некрасовым удается привлечь к «Отечественным запискам» все, что было талантливого и передового в тогдашней русской литературе, и сделать это издание самым влиятельным, ведущим журналом эпохи.

В редакции «Отечественных записок» Щедрину приходилось работать бок о бок с такими публицистами-народниками, как Елисейев, Михайловский и др. Но Щедрин не был народником. Его мировоззрение революционного просветителя и революционного демократа отчуждало его от всех основных установок народнической идеологии и высоко поднимало в этом отношении над подавляющим большинством его народнических соратников по журналу.

В 1875 году Щедрин серьезно заболел и был послан врачами за границу, куда потом ездил неоднократно. Жил он во время своих поездок преимущественно на лечебных курортах: в Баден-Бадене, Эмбе и Ницце, — но особенно любил бывать в Париже, где через Тургенева познакомился с Флобером и Золя.

Щедрин попал впервые в Европу в середине 70-х годов, в эпоху «реакционного

Иллюстрация художников Кукрыникова к «Помехонской старине» Салтыкова-Щедрина.

поветрия», последовавшего вслед за недавним разгромом Парижской коммуны. Эту реакционно-буржуазную Европу Щедрин, пользуясь обильным запасом непосредственных наблюдений и впечатлений, гениально изобразил в своей книге «За рубежом» (1880—1881 годы). Слзу и остроту щедринского художественно-сатирического разоблачения буржуазной демократии Третьей республики Ленин назвал **к л а с с и ч е с к и м и**¹.

Книгу «За рубежом» Щедрин заканчивал уже находясь в России, весной 1881 г., в обстановке разгула жандармско-полицейского террора, наступившего после 1 марта. Надвигавшуюся ночь реакции, захватившую собой все 80-е годы, Щедрин встретил на своем трудном посту руководителя передового демократического журнала мужественно и самоотверженно. В эти годы его сатира становится еще более яростной и злой, достигая в таких произведениях, как знаменитая «Современная пидилля» и «Письма к тетеньке», исключительной силы.

В центре забот Щедрина попрежнему стоят «Отечественные записки», вся тяжесть по изданию и редактированию которых после смерти Некрасова в 1877 году пала на него. Особенно мучительна и тяжела была борьба с цензурными репрессиями, затрагивавшими чуть ли не

каждую книжку журнала и в первую очередь статьи самого Щедрина. Он делал все, что мог, чтобы спасти журнал, но было ясно, что конец его близок. 20 апреля 1884 года в «Правительственном вестнике» было напечатано сообщение о запрещении журнала. В сообщении этому журналу пред'являлся ряд серьезных обвинений, в том числе и то, что «статьи самого ответственного редактора (т. е. Щедрина), которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в журнале, появлялись в подпольных изданиях у нас и в изданиях, принадлежащих к эмиграции...» Нужно сказать, что сведения эти соответствовали действительности.

Щедрин воспринял запрещение журнала очень тяжело. Он понимал, что демократическая мысль России лишилась в лице «Отечественных записок» своей самой большой и значительной силы и что заменить их нечем. Беспокоила его и своя собственная литературная судьба. Для Щедрина не мыслимо было остаться без журнальной трибуны, по идти в либерально-умеренные органы — предмет его постоянных сатирических насмешек — было мучительно трудно. В конце концов потребность творчества, темперамент публициста и трибуна, не мыслившего своей жизни вне привычного общения с читателем и обществом через печатное слово, взяли свое, и, пересилив себя, Щедрин скоро начал печататься в либеральном

¹ См. В. И. Ленин. Т. X, стр. 238.

«Вестнике Европы» и «Русских ведомостях».

Его мучительные и многообразные болезни, доставлявшие ему невероятные страдания, под влиянием которых у него не раз мелькала мысль о самоубийстве, его тяжелое одиночество в семье — все это не отразилось на его могучем таланте. В эти годы Щедрин создал такие свои шедевры, как «Сказки», «Мелочи жизни» и «Помехонская старина». В обстановке не только правительственной, но и тяжелой общественной реакции 80-х годов Щедрин один из немногих устоял на своих революционно-демократических позициях. Его талант «жесткой правды» (Горький и й), его верность заветам подлинной демократии, его стойкий и мужественный характер позволили ему в эти годы гнетущего наступления крепостнической реакции стать одной из центральных фигур оппозиции политическому режиму самодержавной России, который он с такой мощью художественной силы изобразил в своих гениальных «Сказках».

10 мая (28 апреля) 1889 года смерть прервала жизнь и работу Щедрина. Похоронен он был в Петербурге, на Волковом кладбище, по его завещанию, рядом с могилой Тургенева.

Величину и значение утраты, понесенной русской литературой, по-настоящему поняли и пережили немногие. Среди многочисленных откликов на смерть сатирика самый искренний и волнующе простой

пришел из далекой Грузии от группы 23 тифлиссских рабочих. «Смерть Михаила Евграфовича, — писали рабочие, — опечалила всех искренно желающих добра и счастья своей родине. В лице его Россия лишилась лучшего, справедливого и энергичного защитника правды и свободы, борца против зла, которое он своим спланным умом и словом разил в самом корне. И мы, рабочие, присоединяемся к общей скорби о великом человеке... Он знал и чувствовал наше горе и видел, что мы всю жизнь свою проводим в тяжелом, беспросветном труде, не пользуясь плодами его».

Это был голос того подлинного «читателя-друга», о котором так тосковал великий писатель и для которого он жил и творил.

Только в наше время, когда богатейшая сокровищница русской литературы стала народным достоянием, мощный талант Салтыкова-Щедрина нашел широчайшее признание среди миллионов советских читателей, по достоинству оценивших бичующую силу его гениальных творений. На этих произведениях советские читатели познают всю мерзость и тупость самодержавной России, проникаясь к ее крепостническому прошлому той непримиримой ненавистью, которая пронизывала все творчество гениального сатирика.

С. Макашин

БОРЬБА

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА С РЕАКЦИЕЙ 80-х ГОДОВ

Весьма ограниченные правительственные реформы 60-х годов, продиктованные стремлением укрепить положение самодержавия, поколебленное поражением в Крымской войне, очень скоро сменились открытой реакцией. В 1862 году был арестован Чернышевский, а вслед за ним — и Писарев. С тех пор реакционный курс самодержавного правительства все усиливался и усиливался. Особенно разнузданный характер приняла реакция с воцарением Александра III.

В эти мрачные годы Салтыков-Щедрин твердо держал в руках знамя традиций революционных просветителей-демократов. Он вел бичующую, разоблачающую летопись реакции. Щедрин немедленно отзывался на ее новые приемы и методы, он проникал в ее тайные, закулисные ходы и, насколько возможно, предавал их гласности. Творчество Салтыкова-Щедрина приобретало совершенно исключительное значение. Читатель с надеждой смотрел на сатирика, как на защитника своей общественно-политической чести. Контакт с читателем, крепнувший несмотря на мрачное общественное безмолвие, давал Щедрину силы для борьбы и творчества. Художественное творчество и общественная борьба сливались у него в единое целое. Никогда еще слово сатирика не было так необходимо, как в эти годы почти всеобщего малодушия, уныния и политического бездействия.

Реакция искала средств идеологически подкрепить свои позиции. В добавление к старым, казенным аргументам от престола и церкви была пущена в ход разнузданная националистическая демагогия. Современные фашисты не изобрели ничего нового: все пережившие себя режимы вели антисемитскую пропаганду и устраивали еврейские погромы. К этому испытанному средству прибегли и министры Александра III.

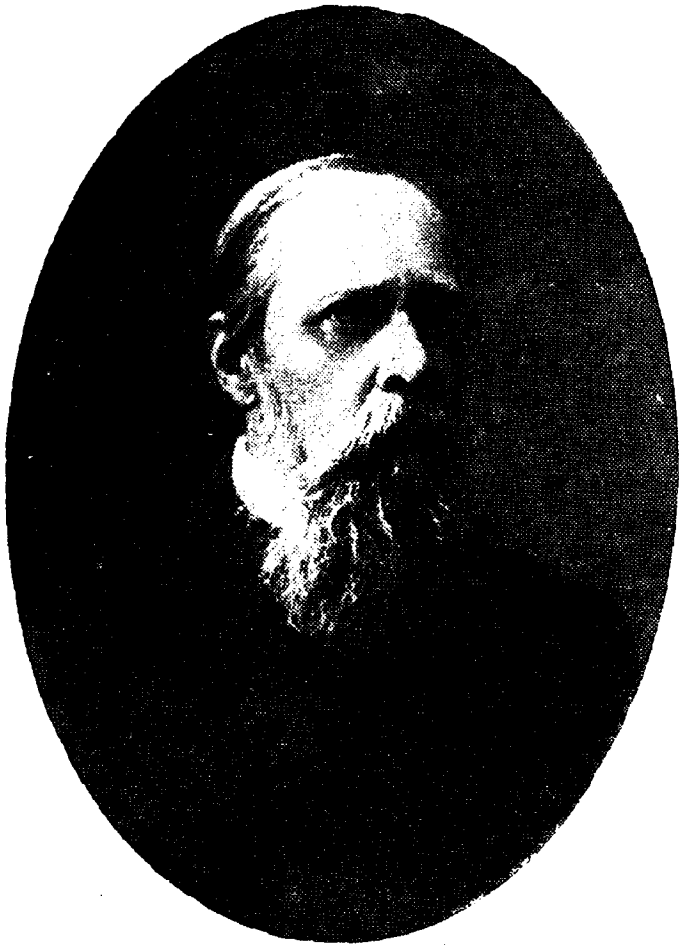
Кое-кто и в народнических кругах воспринял погромы как стихийное проявление протеста против эксплуатации. Либеральный народник Южаков напечатал в этом

духе статью «Еврейский вопрос в России» в «Отечественных записках». Тем своевременнее было выступление Салтыкова-Щедрина в тех же «Отечественных записках». Статья Щедрина, появившаяся в августе 1882 года, вошла в состав «Недоконченных бесед». В этой статье он ставил погромы в прямую связь с националистической демагогией, называвшейся официально «народной» политикой. На извращенном языке народная политика означает заботу об общем довольстве, о процветании промышленности, наук и искусств; у черпосотенных демагогов «народная» политика означала требование завоевания проливов и еврейские погромы.

Разоблачая антисемитскую демагогию, Салтыков-Щедрин выбрал наиболее верное направление для ударов. Он доказывал бессмысленность взглядов, отождествляющих понятие «еврей» с понятием «эксплуататор». Существуют и еврей-эксплуататоры, «но ведь в них еврейство играет уже далеко не существенную роль,— разъяснял Салтыков-Щедрин.— Это обыкновенные гулящие люди... члены той международной аффилиации гулящих людей, в которую каждая национальность вносит свой посильный вклад». Входят в эту аффилиацию и русские Дерунов с Колунаевым. Эксплуататор-русский и эксплуататор-еврей — оба одинаково омерзительны, и то, что коренной Разуваев, обсаживая соотечественника, называет его «крестником», несколько не смягчает общей картины. «Кому же однако приходило в голову,— спрашивает Щедрин,— указывать на Разуваева как на определяющий тип русского человека? А Разуваева-еврея непременно навяжут всему еврейскому племени и будут при этом на все племя кричать: ату!»

Послепервомартовская реакция с особой силой была выставлена на позор Салтыковым-Щедриним в «Письмах к тетеньке» и в «Современной идиллии». «Письма к тетеньке» были написаны в 1881—1882 годах, в первые же годы нового царствования. «Современная идиллия» была начата в 1877—1878 годах, но закончена она была в 1882—1883 году. Новые факты расширили содержание «Современной идиллии», но справедливости считающейся одним из самых совершенных и важных произведений великого сатирика.

Салтыков-Щедрин относился резко отрицательно к террористической тактике народовольцев. Террор же контрреволюционный, направленный против деятелей революции, вызывал у него прямое омерзение. В первые годы царствования Александра III группа великосветских и придворных воротил организовала так называемую «Священную дружину», поставившую своей за-

М. Е. Салтыков-Щедрин. 1880-е годы.

дачей убийство из-за угла лидеров революционного движения в России и Западной Европе.

Разнузданность националистической демагогии и уголовщина типа «Священной дружины» были новыми явлениями, характеризовавшими реакционный курс правительства Александра III. И демагогия и «Священная дружина» имели одну цель: мобилизовать «содействие общества» правительству для борьбы с революцией, создать видимость существования «независимых» общественных кругов, поддерживающих реакцию. Так как на деле весь народ был против самодержавия, то «содействие» приняло форму тайной контрреволюционной организации убийц и шпионов, а демагогия была проникнута постоянным страхом, как бы разрозненные обыватели не соединились в нечто целое для совместного обсуждения политических событий. Мобилизация социальных подонков, охотничьих молодых людей для защиты режима была продиктована боязнью перед подлинным народом. Сам Александр III, напуганный революцией, засел в Гатчине, в добровольном заточении. В этой обстановке официальная монархическая пресса заведомо лживо пыталась доказать, что «народ» стоит за царя, что «бунтует» только интеллигенция, оторвавшаяся от народа, от «почвы».

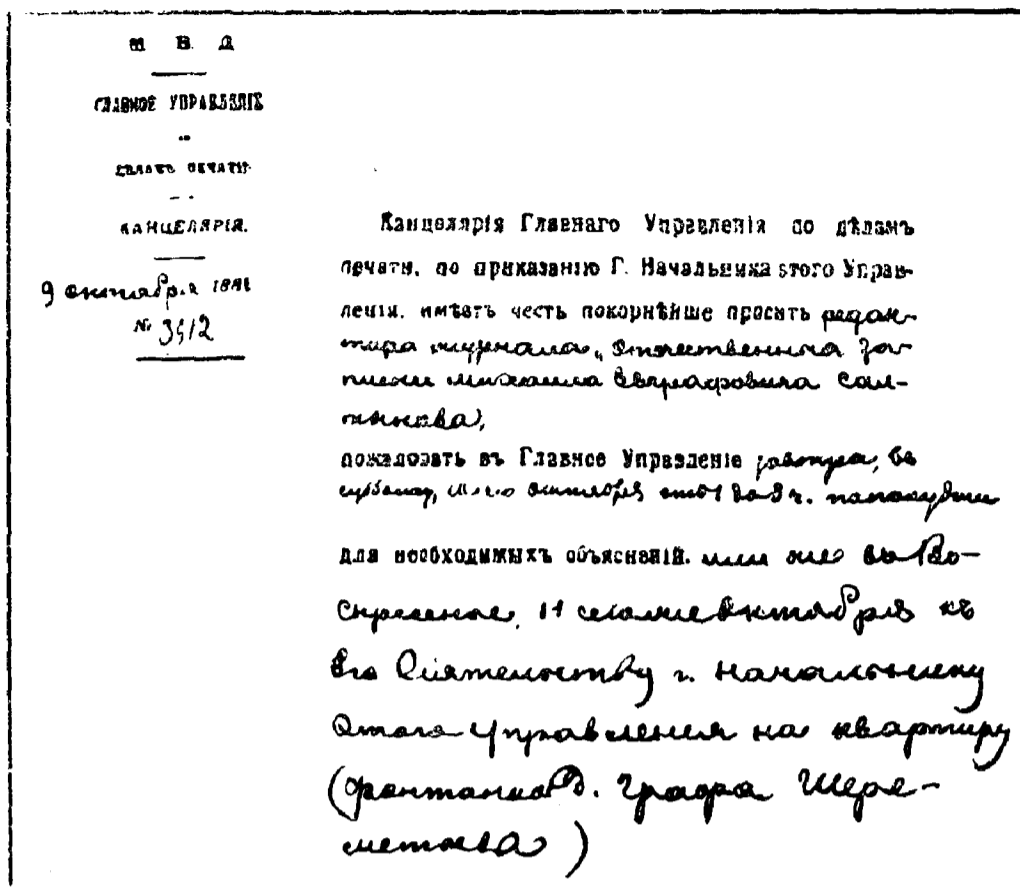
Пародируя сусальную, лженародную демагогию, Салтыков-Щедрин писал в третьем «Письме к тетеньке»: «Так обратим-

тесь же к ним, к этим непечатым и неиспорченным русским силам, которые не знают ни превратных толкований, ни ватерклозетов, ни конституций—ничего занесенного к нам с гниющего Запада!..» Закачивался этот призыв вполне в духе казенной печати, трусливо-грозящим окриком: «Распоясывайтесь же, неспорченные силы! Сказывайте, какие за вами есть трезвенные слова! Только повторяю: не скопом, а каждый пусть растабарывает за себя». В ответ подымались не массы, конечно, а самые оголтелые слуги реакции, прожженные карьеристы и люмпены. «Из нор выползают только Ивановы, которые нужны, а те, которые не нужны, остаются в норах и трепещут... трепещущие Ивановы безмолвствуют, а дерзающие Ивановы славословят: всех в три кнута жарь!»

Самодержавная власть добивалась от подкупленных ею подонков, чтобы они повторяли ее лозунги: «Обыскать! В бараний рог согнуть! К одному знаменателю приветств!» «Содействие» оказывалось правительственным мероприятием, более или менее искусно замаскированным, как сама «Священная дружина», «учреждение не частное, но и не казенное. С одной стороны, как будто частное, но с субсидией; с другой стороны, как будто казенное, но с тем, чтоб никому об этом не говорить».

«Священная дружина» была выведена Щедриным в третьем «Письме к тетеньке» под именем «Частной инициативы спасения». Сатира—жанр, в котором невозможно скрыть субъективные чувства автора. Салтыков-Щедрин их и не скрывал. «Эзопов язык» слегка вуалировал, против кого сатирик направлял свои стрелы, зато художественная форма придавала огромное обобщающее значение его наблюдениям и выводам.

Салтыков-Щедрин уловил всю отвратительную систему приемов самодержавия в способах «искоренения» революционного движения—бесстыдное поощрение шпионства, создание организации из высокопоставленных лиц для борьбы с революцией приемами уголовных банкетов. Все это он сделал предметом сатирического обличения. Щедрин использовал для третьего «Письма к тетеньке» и заявление за подписью «Многие», появившееся впервые в «Симбирской земской газете» и перепечатанное в газете «Порядок» в номере от 31 июля 1881 года. «Желая исполнить долг верноподданных,—говорилось в этом заявлении,—и охранить темный народ от смуты, мы, заявители, согласились между собой сделать складчину и объявляем, что каждый крестьянин, который задержит злоумышленника, рассказывающего в народе о переделах и о других незаконных предме-

Копия приглашения Салтыкова-Щедрина в главное управление по делам печати от 9 октября 1881 года по поводу исключения из № 9 «Отечественных записок» третьего «Письма к тетеньке», направленного против «Священной дружины». Ленинградское отделение Центрального архива.

тах, и представит этого злоумышленника начальству, — этот крестьянин имеет тотчас же по представлении смутителя получить сто рублей, которые мы представляем при сем в редакцию «Земской газеты».

«Не знаю, как вы отнесетесь к этому известию, — комментирует его «племянник» в том же, третьем «Письме к тетеньке», — но у меня, с тех пор, как я об нем прочитал, просто поджилки дрожат...»

Обобщая деятельность «Священной дружины» и аналогичных ей явлений в большое художественное полотно, Салтыков-Щедрин обнаружил замечательно верное художественное и политическое чутье. «Священная дружина» была вскоре распущена, но воплощенному в ней типу контрреволюционного действия предстояло развиться в будущем. Чем зрелее становились массы, тем менее стеснялась контрреволюция в средствах борьбы. Главари реакции пришли к выводу, что они могут одерживать свои временные победы только с помощью погромов, террора, угроз.

Картина, описанная в третьем «Письме к тетеньке», повторилась в многократно увеличенном размере после 1905 года в России и достигла гигантских масштабов в международном фашизме. Некоторые типы Салтыкова-Щедрина и некоторые методы контрреволюции, описанные Щедриным, оказались пророческими. Современные фашистские Угрюм-Бурчевы довели систему уголовных убийств, поджогов, упразд-

нения наук, повального шпионажа против ни в чем неповинных людей, предательств и измен до степени единственной «науки» политической борьбы и государственной мудрости.

Цензура не допустила опубликования третьего «Письма к тетеньке». Однако Салтыков-Щедрин считал важным предупредить общество о грозящей ему опасности: он знал, что долг этот, кроме него, некому выполнить. Поэтому он несмотря на риск в чуть-чуть смягченном виде восстановил материал третьего «Письма» в четвертом и шестом. В четвертом письме «Священная дружина» появляется вновь под именем «Союза недремлющих лоботрясов». Тема «лоботрясов» и контрреволюционного повального шпионажа была использована Щедриным также и в «Современной идиллии».

Как всегда, Салтыков-Щедрин считал самым важным не столько реакционные мероприятия правительства, сколько их отражение на общественных нравах. После неудачи революционных попыток 60-х и 70-х годов, при отсутствии массового революционного движения, неслыханные террористические методы реакционного воздействия на народ, на общество, на печать создали атмосферу повального страха. Реакции не удалось и не могло удаться заразить всех предательством и веролом-

ством. Народ был угнетен, но его духовный облик не искался. Наоборот, в глубине народной жизни шли процессы, подготавливающие могущественное проявление его сил, до поры до времени таившихся подспудом.

Однако в 80-х годах русская общественная жизнь протекла в обстановке внешнего затишья. Разночинно-демократическая революционная борьба потерпела поражение, крестьянство не поднялось на штурм самодержавия, а рабочий класс, уже проявляя себя в первых стачках, еще не вел прямой организованной политической борьбы против царского режима. Значения образования рабочего класса в России интеллигенция того времени не понимала. Как будет низвергнуто самодержавие, было еще не ясно.

Временное затишье в революционной борьбе создавало атмосферу уныния, скорби и скуки от бессодержательности жизни. Воцарились хмурые «чеховские сумерки». Живописателем этой атмосферы выступал не только Чехов, но и Салтыков-Щедрин. «Нет зрелища более надрывающего человеческое сердце», — говорил он о явлениях жизни 80-х годов. А ведь Щедрин много видел на своем веку! Он пережил и эпоху Николая I и последовательные смены коротеньких периодов реформ и поправок с длительными полосами все усиливавшейся реакции при Александре II. «Сердце надрывалось» не оттого, что враг еще не был сломлен. Самодержавие стояло столетиями, и опрокинуть его было нелегко. Это Щедрин знал. Но раньше, начиная с 40-х годов, он был свидетелем непрерывного горения мысли и не прекращавшейся до конца борьбы. Белинский, Пестрашевский, Чернышевский, Добролюбов, революционные народники, с меньшими или большими ошибками, опираясь на массы или самонадеянно рассчитывая только на силы интеллигентов-одиночек, вели политическую борьбу с самодержавием. А теперь, казалось Щедрину, жизнь вдруг обмелела, идейное горение погасло. Подготовки и зарождения марксизма в России Салтыков-Щедрин не заметил. При этом условии было от чего придти к унынию!

Понизился средний уровень и литературных нравов. Линия «Старейшей российской цензурщицы»¹ могла пока-

¹ Под этим названием сатирик высмеял либеральную печать предшествовавшего десятилетия.

заться верхом принципиальности по сравнению с линией газеты «Помощь» (одно название чего стоит!), выведенной Щедриным в качестве типичной для печати 80-х годов. «Помощь» — это собирательное имя и для «Нового времени» Суворина, и для «Московских ведомостей» этих лет, и для «Минуты», издававшейся полицейским сыщиком Баталыным, и для «Берега» Цитовича, предвосхищавшего будущих черносотенцев, и т. д. В качестве редактора-издателя «Помощь» выведен был Ноздрев, но главным воротилой в газете был публицист Искрапот. Газета уверяла, что мужик сыт, и печатала порнографические объявления. При всем этом багаже «Помощь» еще вели полемику с газетой «Пригорюнившись сидели», тоже не нуждающееся в комментариях название для присмирившей либеральной печати тех лет.

Салтыков-Щедрин был уверен, что реакция не удастся остановить неизбежного процесса освобождения. В исторической перспективе окончательное торжество принадлежало идеалам свободы и равенства. «Не надо думать, — учил Щедрин в гнетущей атмосфере 80-х годов, — что общество когда-нибудь погибнет под гнетом этого уныния и что оно вынуждено будет воспринять хлевные принципы в свои нравы. Надо гнать прочь эту мысль даже в том случае, ежели она выступает вперед назойливо и доказательно... Повторяю: я убежден, что честные люди не только пребудут честными, но и победят...»

Однако отсутствие тогда сил, борющихся за идеал честных людей, не позволяло определить хоть приблизительно срок долгожданной победы. Казалось, что утешающая историческая перспектива уводит в слишком отдаленное будущее, а жить надо было: хотелось предвидеть торжество правды для своего поколения. Оптимизм Салтыкова-Щедрина не заключал в себе ничего маниловского. Да, в будущем человечество одержит победу над «хлевым хрюканьем» и «пустозвонством опалевшего от торжества дармоеда», но отсутствие сил, борющихся за будущее, в настоящем создавало безотрадную картину, раздиравшую сердце и разум.

Салтыков-Щедрин мужественно бился с наступавшей реакцией. Повальному общественному унынию он противопоставлял веру в будущее, но слово его было горько, ибо он видел, что «хлевному хрюканью» предстоит еще долгие годы раздаваться над Россией.

«Современная идиллия» и по теме и по настроению находится в тесной связи с «Цицками и тетеньке». Большинство произведений Салтыкова-Щедрина представляет собой циклы рассказов и очерков, объединенных общей идеей, общей темой и характерными чертами описываемого времени «Современная идиллия», несмотря на то что она писалась с большим перерывом и что идея ее вполне определилась только после 1881 года, — сюжетное произведение. Сюжет ее образуют приключения главных персонажей сатиры, рассказчика и Глумова, стремящихся в порядке шкурного самосохранения доказать свою благонамеренность.

Герои «Современной идиллии» — обыкновенные обыватели, считавшиеся, по русским условиям, либералами. Весь их либерализм состоял в том, что они читали книжки и верили правительственным обещаниям. Они были в восторге от крестьянской реформы как акта «милости» и «справедливости», они чувствовали «признательность сердца» по случаю введения земских учреждений; их окрыляли светлыми надеждами новые судебные уставы. В 80-х годах переменилась, однако, «внутренняя политика», началась усиленная контрреформаторская деятельность, в свете которой восторг перед реформами прошлого царствования считался уже потрясенным основ. Опорой нового курса в добавление к матерым крепостникам и Деруновым стала погромная сволочь. Обыватель увидел себя вынужденным в целях самосохранения доказывать шпионам, сыщикам, «гороховым пальто» (термин, пущенный в оборот Салтыковым-Щедриным именно в «Современной идиллии»), городским и квартальным свою непричастность к крамоле и, даже к либерализму.

Салтыков-Щедрин в «Современной идиллии» вновь напоминает читателю, что первоначальным источником омогания жизни являлось прежде всего самодержавие. Странствующий полководец Редедя, один из героев книги, был украшен геральдическим знаком зулусов, на службе у которых он восстал против англичан: «...на золотом поле взвившийся на дыбы змей боа, и по бокам его скорпион и тарантул». По толкованию Редеди, аллегория эта обозначала самого владыку зулусов (змея) и двух его главных министров: министра оздоровления корней (скорпион) и министра умиротворений посредством в отдаленные места водворений (тарантул). «А внутренняя по-

Великий Академик
Щедрин
10 14 1885

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ.

Титульный лист экземпляра «Современной идиллии» с дарственной подписью Салтыкова-Щедрина.

литика у них есть?» — спрашивают Редедю про «Зулусию», на что последний отвечает, что внутренней политики настоящей нет, а есть «оздоровление корней». Точно так же нет и настоящих путей сообщения, а есть министерство «кукуевских катастроф».

«Оздоровление корней» — термин, принадлежащий Достоевскому, — обозначало программу подавления революционного движения. «Кукуевская катастрофа» — сенсационное железнодорожное крушение по Курской железной дороге, около Мценска, сопровождавшееся большим количеством человеческих жертв, взволновавшее печать и общественное мнение. Адресат сатиры был настолько недвусмысленен, что начальник департамента полиции В. Б. Плеве счел необходимым обратиться в главное управление по делам печати со следующим отношением:

«В последней (сентябрьской) книжке «Отечественных Записок» помещен новый очерк Щедрина под заглавием «Современная Идиллия», в котором осмеиваются некоторые отрицательные стороны современного порядка вещей.

Не отрицая прав сатиры на бичевание таких общественных явлений, которые с ее точки зрения представляются пожелательными, департамент государственной поли-

ции не мог, однако, не обратить внимания на два места этого очерка: описание геральдического знака страны зулусов и повествование о порядке управления сей страны, так как, по мнению департамента, в них содержатся, во-первых, оскорбление величества и, во-вторых, суждения, неудобные с правительственной точки зрения о направлении современной внутренней политики».

Министр Д. А. Толстой не предпринял, однако, никаких мер ни против журнала, ни против автора. Привлекать к ответственности за сатиру на «владыку зулусов» — значило расписаться в получении. Толстой считал это неудобным с точки зрения престижа царя.

Великий сатирик искал следов сопротивления разнузданному разгулу реакции и не находил. Гнет, произвол и травля свободной мысли сами по себе еще не определяют тон жизни.

«Современная идиллия» и рисует оподление общества, отказывавшегося от сопротивления самодержавию и крепостнической реакции, и политическое, культурное и нравственное вырождение покорных людей, отказавшихся от идеалов во имя «шкурного» интереса.

Герои «Современной идиллии», пишет Щедрин, как только перешли из области «благонамеренности выжидающей» в область «благонамеренности воинственной», немедленно почувствовали себя в безопасности, но умственная жизнь и разговоры их сделались до того элементарными, что приобрели «тот особенный пошиб, который напоминает атмосферу дома терпимости или «скотопригонного двора».

Глумов и «я» (рассказчик) «Современной идиллии» даже Молчалина поразили. «Ах, господ, господ!» — укоризненно закачал он головой, застав обоих приятелей играющими в карты с сыщиком, который к тому же еще передергивал. По своим задаткам, по прежним интересам герои «Современной идиллии» — не Молчалины, но отказ от сопротивления, от борьбы, от самостоятельного отношения к действительности, шкурный интерес низвели их до положения ниже молчалинского. Молчалин из «Среды умеренности и аккуратности» — карьерист и приспособленец. Он «попользуется» от государственного пирога, когда только представится возможность, по приказу начальства он, не задумавшись, примет участие в подавлении прогрессивных начал, однако он не совершал уголовных преступлений с единственной целью доказать, что неспособен к «неблагонамеренным мыслям».

Полицейско-погромная банда получила власть над судьбами обывателя. Испуганный либеральный обыватель стал являться

со всякой сволочью, чтобы доказать свое политическое и умственное целомудрие, а являясь с приобретенной властью и значением подонками неизбежно приводило к участию в уголовщине. По требованию квартального, герои «Идиллии» организуют двосженство, редактируют полицейский «Устав о благопристойном обывателей в своей жизни поведении» и т. д. Трусливый либерализм непомерно подл. Два описываемых Щедриным приятеля не были ни инициаторами, ни авторами «Устава». «Устав» этот, подписывавший держать собственные квартиры обывателей открытыми днем и ночью для квартального всеведения, возбранявший все, на что не было прямого разрешения, был по ним самим. Однако, потеряв человеческое лицо, они не могли не подкакивать «Уставу», мало того: они мобилизовали всю свою либеральную изворотливость, чтобы найти приличную мотивировку правилам, созданным для того, «чтобы для начальства как возможно меньше беспокойства было». Глумов «подпускает» в «Устав» «злой и порочной воли», потому что без этого в «квартиры» войти неловко и т. д.

После участия приятелей в редактировании «Устава» полицейские заправилы перешли с ними «на ты». Шкурный интерес, безропотность, равенство на квартал привлекли либералов, людей образованных, интересовавшихся науками, литературой, искусствами, в один ряд с подонками общества.

По привычке герои «Современной идиллии» еще повторяли иногда слова, имеющие высокое значение. «Есть отечество, родина...» — пробовал лепетать персонаж, от имени которого ведется рассказ. Слова его возбуждали раскатистый хохот: «Чудак! Шкуру бережет, подлоги собирается делать, а об отечестве плачется!»

И в самом деле: человек, потерявший гражданское мужество, уподобившийся уголовной сволочи, покупаемой за деньги торгующими политиками, не имел права говорить об отечестве. Такие люди не имеют отечества.

Глумов с товарищем сделались участниками афер и преступлений «в надежде, что общий уголовный кодекс защитит их от притязаний кодекса уголовно-политического». Учтя полноту их падения и безграничность их угодливого, им предложили стать полицейскими сыщиками.

Герои «Идиллии» не посмели прямо протестовать. Однако статья шпионами даже им не улыбалась. Они решили бежать. Описание их бегства дало сатирику сюжетную возможность показать состояние России 80-х годов не только в столице, но и в глубокой провинции, в самых недрах страны. Везде он нашел животную панику перед «гороховым пальто», произвол местных

Второй страницы отношения департамента полиции по поводу «Современной идиллии». Ленинградское отделение Центрального архива.

Второй страницы отношения департамента полиции по поводу «Современной идиллии». Ленинградское отделение Центрального архива.

В. Мухомов

из № 2 года

Вторая страница отношения департамента полиции по поводу «Современной идиллии». Ленинградское отделение Центрального архива.

держиморд, ябеду и надругательство над человеком, нищету, запустение и бесперспективность. В безнадежном упадке и страхе жила уездная Корчева, в безнадежном упадке и страхе находилась дворянская вотчина Проплеванная. Куда бы ни проникали беглецы, их в одно мгновение «пронзало сыростью, выморочностью, запустением». Везде ловили «сицилистов», везде всевластны были урядник да кулак, везде царил закон «С голого по нитке — проворному рубашку! А дураку — шиш!» Деревня разорялась тройными темпами: и под воздействием крепостника-помещика, и под воздействием капиталиста-кулака, и под воздействием госуларственного фиска. Пародируя современные ему статистические изыскания, в том числе и народнические, Салтыков-Щедрин подвел сатирические итоги о положении русской деревни того времени:

«Жителей в селе Благовещенском 546 душ мужского пола, из коих половина в отходе...

Дворов — 123. Жители — телосложения крестьянского, без надежды на утуч-

нение. Домов, имеющих вид жилищ и снабженных исправными дворами, семь; прочие крестьянские избы обветшали; дворы раскрыты, ворота поломаны, плетни растасканы...

Скотоводство и птицеводство. Лошадей в селе 57; из них 23 принадлежат местным Финагичам, а 34 приходятся на остальные 116 дворов. Коров 124, из коих 26 принадлежат Финагичам. Кур и петухов 205 штук...

Питание. Жители к питанию склонны. Любят говядину, свинину, баранину, кашу с маслом и пироги. Но способов для питания не имеют. А потому довольствуются хлебом и заменяющими оный сурогатами».

Сатирическая выразительность этой коротенькой статистики соединяется с научной точностью и добросовестностью. Излюбленный народниками и земцами метод средних цифр прикрашивал положение дел в деревне. Для народников Финагичи были такими же крестьянами, как и обираемые ими белняки. Согласно методу средних цифр, общая сумма коров, лошадей, пашни, инвентаря по всей деревне или округу де-

лилась поровну на число дворов. Получался лживый итог, скралывавший классовую дифференциацию. Салтыков-Щедрин как художник-реалист развеял в пух и прах сушальские выводы статистики «средних цифр».

Соответственно политическому положению страны Щедрин рисовал и ее культурную жизнь. «Группа освобождения труда» образовалась в 1883 году. С ней теоретическая жизнь поднялась в России на невиданную раньше высоту, перешагнув через уровень идей и Белинского и Чернышевского. До поры до времени это был подспудный процесс, Салтыковым-Щедриним не замеченный и не оцененный. В оценке же господствующей дворянско-буржуазной культуры сатирик был прав. Как относился Щедрин к политической печати его времени, нам уже известно. Не менее зло рисовал он оскудение мысли в «благонамеренной» науке, утратившей независимость и живое отношение к действительности. В «Современной идиллии» изображено собрание литературоведов, подвергающих разработку «Черную шаль» Пушкина. Ученые-литературоведы разделились на три партии по поводу неверного воспроизведения в печати одной строчки этого стихотворения. Ученые Тряпичкины воспринимают как великое научное открытие экземпляр гоголевского портрета, на котором автор «Мертвых душ» изображен с бородавкой на носу!

В «Современную идиллию» введен ряд сказок, очерков, драматических сцен и т. д., органически соединенных с основным текстом, оживляющих изложение и поясняющих идею книги. Они необычайно оригинальны, неистощимо разнообразны по форме, блестят остроумием и глубиной мысли. Одним из таких очерков является приведенное выше статистическое описание села Благовещенского. В драматических сценах «Злополучный пескарь, или драма в Кашинском окружном суде» пародированы и разоблачены политические процессы в царской России. Известному уже нам «Уставу о благопристойном обывателей в своей жизни поведении» придана форма законодательного акта. Биография купца—скопца Онуфрия Петровича Парамонова — пред-

ставлена бухгалтерскими записями уплат, сделанных непосредственно начальству или по распоряжению наследного. В этой росписи расходов с удивительным мастерством рассказана жизнь русского буржуа на фоне русской истории почти всего XIX века. Система государственного управления в царской России изображена в знаменитой «Сказке о ретивом начальнике», который на носу зарубил себе правило: «Стараться как можно больше вреда делать, а уж из сего само собой, впоследствии, польза произойдет». Самодержавное правительство иногда меняло курс, проводило реформы, учреждало «диктатуру сердца». Вот и приказано было ретивому начальнику зарубить себе на носу новое правило—«Невозможно в реку нечистоты валить и ожидать, что от сего вода в ней слаще будет».

«Воротился, — рассказывается дальше в сказке, — ретивый начальник в вверенный край, и с тех пор у него на носу две зарубки. Одна (старая) гласит: «достигай пользы посредством вреда»; другая (новая): «ежели хочешь пользу отечеству сделать, то...» Остальное на носу не уместилось. Но иногда он принимает одну зарубку за другую. Тогда выходит так: что ел, что кушал — все едино».

Так на трех—четырёх страничках подведен итог всем правительственным «веяниям», свидетелем которых был Салтыков-Щедрин.

Ленин часто и охотно цитировал произведения Салтыкова-Щедрина, чтобы заклеить врагов рабочего класса. Товарищ Сталин использовал щедринский образ ретивого начальника, чтобы показать тупость и слепоту современных фашистских маркобесов.

Творчество Салтыкова-Щедрина продолжало лучшие революционные традиции предшествовавших десятилетий. Идеиная школа Белинского и Чернышевского, трезвый реализм великого художника предохранили сатирика от доктринерской узости и фальши народничества. Поэтому произведения гениального сатирика и послужили подспорьем нарождавшемуся марксизму в России в его борьбе с реакцией, с либералами и с народниками.

**М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
В ВЯТСКОЙ ССЫЛКЕ**

Революционное движение 1848 года, грозным валом прокатившееся по Западной Европе, вызвало испуг и ненависть у русского самодержавия. В России усилился полицейский террор, широко раскинулась сеть жандармского шпионажа, посыпались страшные цензурные гонения. В эти темные дни николаевской реакции глушилась всякая свободная мысль, преследовалось всякое мнение, мало-мальски несходное с официальным мнением царизма. Яркое и правдиво описывает состояние общества в эти годы в одном из своих очерков Глеб Успенский: «Не шевелиться, хотя мечтаешь, не показать виду, что думаешь, не показать виду, что не боишься, напротив, показать, что боишься и трепещешь, хотя для этого и оснований особенных не было,— вот что выработала в эти годы русская толпа. Надо постоянно бояться — это корень жизненной правды; вот что носилось тогда в воздухе, угнетало толпу, отнимало от нея ум и охоту думать. Уверенности, что человек имеет право жить, не было. Атмосфера была полна страха. Пропадешь! Брехали небо и земля, воздух и вода, люди и звери, и все пряталось и бежало от беды».

2 апреля 1848 года был учрежден негласный комитет для надзора за цензурой и печатью. Во главе комитета был поставлен отъявленный реакционер Д. П. Бутурлин, тот самый Бутурлин, который даже евангелие мечтал подвергнуть цензуре, если бы оно не было столь известно. Комитету были предоставлены самые широкие полномочия. Это был карательный орган, рассматривавший уже напечатанную литературу и привлекавший к ответственности именем царя как авторов, так и цензоров, пропустивших в печать вольнодумные произведения.

В бутурлинском комитете сразу же обратили особое внимание на повести молодого писателя М. Салтыкова, опубликованные незадолго до образования комитета. Повести М. Е. Салтыкова: «Противоречия» и «Запутанное дело» — были написаны под сильным влиянием утопического

социализма. Они выражали недовольство автора существовавшими в России порядками. Особенно отчетливо видно это из произведения «Запутанное дело», опубликованного в мартовской книжке «Отечественных записок» за 1848 год (том 57). Герой повести, юноша Мичулин, сын мелкопоместного дворянина, направился в Петербург в поисках счастья. В холодный дождливый вечер бредет Мичулин по улицам огромного чужого города, и горькие мысли овладевают им при виде богатых и беззаботных господ, которых не задевают ни ветер, ни слякоть петербургской осени. Он думает о том, что есть «в мире и даже в самом Петербурге люди сытые, которые едут теперь в каретах, которые сидят себе покойно в театрах или просто дома, один на один с нежною подругою; но что этот господин, едущий в карете, мигающий из кресел смазливенькой и затейливо поднимающей ножку актрисе, сидящий один на один с миловидной подругой и прочая — вовсе не оно, странствующее во мраке грязи и невежества человечество...»¹.

«Жизнь — лотерея», — думает юноша, и душа его возмущается против этой отвратительной, торгашеской жизни. «Да почему же она лотерея, почему же бы не быть ей просто жизнью?» — негодуя спрашивает Мичулин. Почему Ивану Макарьчу Перезжиге, честному по природе человеку, нужно было продать себя блудной немке Шарlotte Готлибовне², чтобы иметь теплый угол и кусок хлеба? Не потому ли, что в России существуют, господствуют волчьи, крепостнические порядки? «Россия, — пишет Салтыков, — государство обширное, обильное и богатое, да человек — он глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве».

Герой повести отирается в столицу с отеческим наставлением: «Будь ласков со старшими, невысокомерен с подчиненными, не прекословь, не спорь, смирайся — и будешь ты вознесен премного: ибо ласковое теля две матки сосет». Старался юноша идти именно этим путем, но счастье ему не улыбалось. И, «припоминая все, что сделал он, со времени выбытия из дома родительского в обеспечение своего голодного желудка, господин Мичулин впервые усомнился, действительно ли поступал он в этом деле как следует и не обманывал ли себя насчет покорности, уклонения, добронравия и других полезных добродетелей».

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собр. соч. Т. I, стр. 574 — 575. Издание А. Ф. Маркса. 1905 год.

² Иван Макарьч Перезжиге и Шарлотта Готлибовна — персонажи повести «Запутанное дело».

Салтыков-Щедрин. 1850-е годы.

С позиций утопического социализма Салтыков вскрывает язвы общества, негодует против существующей несправедливости, но пути изменения общества ясно еще не видят ни его герои, ни он сам. Издеваясь над персонажами своей повести поэтом Алексеем Звонским и кандидатом философии Беобахтером как над болтунами, неспособными на серьезное преобразование общества, Салтыков сам довольно смутно представляет себе пути этого преобразования. Правда, Салтыков с юношеской восторженностью воспринял февральские события 1848 года в Париже. Он писал впоследствии, вспоминая этот период: «Громкость события на все набрасывала покров волшебства. Франция казалась странною чудес. Можно ли было, имея в груди молодое сердце, не пленяться этою неистощимостью жизненного творчества, которое, вдобавок, отнюдь не соглашалось сосредоточиться в определенных границах, а рвалось захватить все дальше и дальше? И точно, мы не только пленялись, но даже не особенно искусно скрывали свои восторги от глаз бодрствующего начальства»¹.

Салтыков заставляет Мичулина увидеть на театральной сцене призрак революционной толпы. Мичулин уже начинает себе представлять массы, активно выступающие против существующего строя. «Он никак не ожидал, чтоб за звуками могла ему слышаться толпа — да и какая еще толпа! —

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. I, стр. 24.

вовсе не та, которую он ежедневно привык видеть на Сенной или на Конной, а такая, какой он еще не видел, — и что всего страннее — возможность которой он вдруг начал весьма ясно и отчетливо сознавать»². Но «Занутое дело» не дает еще оснований для утверждения, что автор повести уже в тот период стоял на позициях революционной народной борьбы с самодержавием.

Несмотря на это повесть имела огромный общественный резонанс, ибо, хотя и в туманных выражениях, она все же намекала на возможность в России революционной толпы, на возможность политической борьбы против существующего строя.

Разумеется, что такое произведение не могло не обратить на себя внимание буртурлинского комитета. По его решению, титулярный советник Михаил Евграфович Салтыков, служивший помощником секретаря канцелярии Военного министерства, 28 апреля 1848 года был арестован и в тот же день отправлен с жандармом в далекую Вятку.

Вятский гражданский губернатор А. Середя получил предписание начальника III отделения Орлова о ссылке Салтыкова в Вятку «за помещенные в периодических изданиях литературных своих произведений, обнаруживающих его вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших всю Западную Европу, испровергших власти и общественное спокойствие...»³.

Предписание предлагало подвергнуть Салтыкова «особому надзору начальника губернии».

2

В Вятку Салтыков приехал 7 мая 1848 года. Этот унылый тогда городок, навевавший тоску и отчаяние, пользовался печальной славой: сюда самодержавие ссылало лучших представителей русского народа. Здесь томился Герцен, Витберг, поэт Навроцкий и сотни других людей, осмелившихся выступить против самодержавия. Именно в царствование Николая I Вятская губерния начала «специализироваться» как место ссылки.

«Везжая в этот город, — писал Салтыков, — вы как будто чувствуете, что карьера ваша здесь кончилась, что вы ничего уже не можете требовать от жизни, что вам остается только жить в прошлом и переваривать ваши воспоминания».

² Там же, стр. 625—626.

³ Исторический архив Кировской области, фонд канцелярии вятского губернатора, д. № 10, л. 6 (оборот).

3 июня Салтыков был зачислен в канцелярские чиновники Вятского губернского правления, то есть понижен по службе и поставлен в самые последние ряды губернской чиновничьей иерархии. Таких чиновников один из персонажей «Губернских очерков», отец княжны Анны Львовны, называл «чиновниками-пескарями». Однако Салтыкову недолго пришлось исполнять незавидную должность канцелярского чиновника. Губернатор Серeda, заметив выдающиеся способности молодого писателя, 18 сентября 1848 года просил министра внутренних дел назначить Салтыкова старшим чиновником особых поручений при губернаторе, мотивируя это тем, что «чиновник Салтыков ведет себя весьма похвально, поручаемые ему занятия по службе исполняет с особенным усердием и оказывает при этом отличные способности»¹.

12 ноября министр внутренних дел удовлетворил просьбу губернатора, и Салтыков был определен «старшим чиновником особых поручений при Вятском гражданском губернаторе без содержания»².

Вообще необходимо отметить, что местная администрация относилась к ссыльному писателю довольно лояльно. Губернатор сложил с себя обязанность вести надзор за Салтыковым и поручил это дело полицмейстеру³. За время пребывания в ссылке Салтыков два раза исполнял должность правителя канцелярии, а 5 августа 1850 года был назначен советником Вятского губернского правления. Но такое отношение администрации губернии к Салтыкову являлось следствием той тактики, которую избрал опальный писатель. С целью поскорее вырваться из ссылки он покорно и точно исполнял все поручения, вызывая восхищение у начальства. В очерке «Скука» Салтыков писал: «Нет, покорность не значит подлость, не значит искаительство и низкопоклонничество, не значит слабоумие и апатия; покорность не наушничество, не лукавство исподтишка, не лицемерие... Это особая, своеобразная добродетель, с помощью которой человек многое выигрывает и ровно ничего не проигрывает»⁴.

Эта житейская истина стала Салтыкову в ссылке настолько ясной, что он удивлялся, «как я когда-нибудь мог мыслить иначе».

Салтыков исполнял в Вятке самую раз-

¹ «Исторический вестник» за ноябрь 1907 года, стр. 603.

² Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1907 г. Выпуск III, стр. 93.

³ Исторический архив Кировской области, фонд канцелярии губернатора, д. № 10, л. 7 (оборот), по описи № 83.

⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. III, стр. 224.

Салтыков-Щедрин отправляется в ссылку в сопровождении фельдшера.

Рис. О. Клевера.

нообразную работу. В его формулярном списке мы читаем: «С разрешения Г. Министра Внутренних Дел, изъясненного в предписании Вятскому Гражданскому Губернатору от 23 декабря 1849 года за № 3645, поручено ему, Салтыкову, составление по городам Вятской губернии инвентарей недвижимых имуществ, статистических описаний и соображений о мерах к лучшему устройству общественных и хозяйственных дел, с назначением содержания определенного по штату старшему чиновнику особых поручений, 1850 г. января 17».

По поручению Начальника губернии исполнял должность правителя канцелярии с 19 июня по 1 июля 1850 г., Высочайшим приказом, отданным по Гражданскому ведомству 5 августа 1850 года за № 153, назначен советником Вятского Губернского правления, 1850 года августа 5.

Сверх сего находился производителем дел Комитетов: о рабочем и смиренных домах, о новом порядке отдачи в содержание почтовых станций, о выставке сельских произведений в С.-Петербурге, распорядителем Вятской очередной выставки сельских произведений и членом комитета оной...

По предписанию Г. Министра Внутренних Дел от 11 декабря за № 5515, от возложенного на него поручения относительно инвентарного описания городов Вятской губернии освобожден, с оставленным на его обязанности составлении инвентарного описания только по г. Вятке и с поручением надзора за топографическими работами по прочим городам...»¹.

В мае 1852 года ему вновь была поручена эта работа. В январе 1853 года Салтыков ревизовал Полинский земский суд, через год управлял в течение восьми дней двумя отделениями губернского правления.

Большую и плодотворную работу провел Михаил Евграфович по организации вятской выставки сельских произведений. Выставка (для шести губерний) была открыта 15 августа 1850 года и продолжалась две недели. Салтыков предпринял все возможное, чтобы сделать ее разнообразнее и интересней. Но дикая отсталость губернии являлась непреодолимой преградой. Поэтому выставка имела довольно жалкий и унылый вид. Михаил Евграфович писал в «Губернских ведомостях», что «представленные на выставку предметы почти исключительно принадлежали крестьянам, занимающимся ремеслами и промышленностью в малых размерах, и совершенно незнакомым с улучшенными способами производства», поэтому и «разница в до-

¹ Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1907 год. Выпуск III, стр. 93—94.

стоинстве предметов одной и той же категории была сама по себе столь незначительна, что более зависела от личного искусства или ловкости самих производителей, нежели от употребления в дело каких-либо особых способов производства, или упрощающих труд без вреда для дела, или же сокращающих издержки производства»².

Вятская выставка сельских произведений наглядно иллюстрировала тяжелый бучный труд крепостных крестьян, которые не имели и не могли иметь иного способа производства при существовавшей в России крепостнической системе хозяйства.

Салтыков всецело стоял на стороне народа. Он не любил бывать в гостиницах Крутогорска — Вятки, — где все было пропитано ложью и лицемерием. Зато среди народа он чувствовал себя хорошо. Ему были милы честность, простота и мудрость народная. Он писал в «Губернских очерках»: «Я вообще чрезвычайно люблю наш прекрасный народ и с уважением смотрю на свежие и благодушные типы, которыми кипит народная толпа...»

Ежедневно наблюдая тяжелую участь крестьянства, Салтыков старался помочь ему по мере своих сил при всяком удобном случае. В качестве примера можно привести отношение писателя к делу о так называемой камской оброчной статье.

Крестьяне сел Путейского и Нелесовского, Трушинковской волости, Слободского

² Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1908 год, стр. 127.

Дом, в котором жил Салтыков-Щедрин в Вятке.

Вход в квартиру Салтыкова-Щедрина и мемориальная доска на доме, в котором жил писатель в Вятке.

уезда, имевшие в пользовании ничтожные клочки земли (от 2 до 3 десятин на душу), расчистили для пользования казенные оброчные леса (территория эта носила название камской оброчной статьи). В течение многих лет жители этих двух сел пользовались расчищенными участками, а в 1844 году им обещали даже включить участки в состав их земельного надела. На деле это мероприятие осуществлено не было, и администрация продолжала взыскивать с крестьян все больший и больший оброк. На этой почве в 1851 году среди крестьян Трушниковской волости вспыхнуло волнение. В села Путейское и Нелесовское выехали для усмирения «непокорных» исправник, становой пристав и помощник окружного начальника. Крестьяне не только отказались от уплаты налога, но и заставили приехавшую администрацию дать им подписку, оправдывающую их образ действий. Такое поведение крестьян было сочтено за бунт, и в волость вызвали воинскую команду.

В разгар событий на место приехал Салтыков. Он детально ознакомился с существом дела и добился отсрочки платежа оброка, а также снятия долгов с наиболее бедных крестьян. В своем рапорте губернатору Салтыков обрисовал исключительно тяжелое положение крестьянства. «Крестьяне (данной местности), — писал он, — все вообще находятся в самом бедном положении, и хотя и есть между ними довольно зажиточные, но и они кажутся таковыми только сравнительно с другими, которые не имеют почти никаких средств к существованию. Землю на число душ 8-й ревизии крестьяне до сих пор не наделены; нынешний надел произведен еще по генеральному

межеванию и тогда, конечно, был достаточен, но в настоящее время в некоторых селениях едва-едва приходится на душу от двух до трех десятин удобной земли. Это, вероятно, и понудило крестьян делать в свободных казенных землях расчистки, которые впоследствии были введены в состав камской оброчной статьи. Земля, находящаяся во владении крестьян, самого посредственного качества; хлеба родятся едва-едва сам-третей, а большей частью сам-друг и сам-друг с половиной. Сенокосов хороших нет вовсе, ибо все крестьянские сенокосы лежат по болотистым местам, а лучшие луга, поливаемые весенним разливом реки Камы, введены в состав оброчной статьи и из пользования крестьян изъяты. Само собою разумеется, что при недостатке лугов скотоводство крестьян находится в самом жалком положении, а от этого необходимо должно страдать и самое хлебопашество. Промыслы, которыми занимаются крестьяне для заработка денег, потребных на уплату податей, заключаются в выработке и поставке угля для соседних железодельных заводов, в поставке дров для солеварных заводов Пермской губернии и в занятии бурлачеством по реке Каме. Выгоды, приобретаемые этими промыслами, так незначительны, что вырабатываемых денег едва достаточно на уплату государственных податей за семейства, состоящие нередко из трех и четырех душ при одном работнике, на прокормление самих работников во время отсутствия из дома и на покупку самых необходимых домашних потребностей, как-то соли и пр.».

Салтыков считал, что крестьянам необходимо увеличить надел, а также включить в этот надел «и камскую статью, в полном

Иллюстрация художников Кукрыникхов к «Губернским очеркам» Салтыкова-Щедрина.

ее составе». Таким образом, Салтыков не побоялся стать на сторону крестьян, прямо поставить вопрос о передаче крестьянам той земли, из-за которой, собственно, и произошли волнения. А такое поведение было далеко не безопасным при его положении в губернии.

3

Разнообразные поручения, исполняемые М. Е. Салтыковым в Вятке, не удовлетворяли его. Он пытается заниматься литературной работой, начинает писать биографию политического писателя Беккариа. Судя по сохранившимся запискам, эта работа должна была быть не только жизнеописанием, но и критическим разбором сочинения Беккариа. Так, на утверждение последнего, что «люди согласились, молчаливым контрактом, пожертвовать частью своей свободы, чтобы пользоваться остальным спокойно...» — Салтыков замечает: «Нельзя себе представить, чтобы человек мог добровольно отказаться от части свободы, да и нет в том никакой необходимо-

сти»¹. К такому заключению Салтыков пришел в результате трезвого реализма, своеобразного сочетания утопического социализма с суровым жизненным опытом.

Кроме Беккариа, Салтыков занимается изучением сочинений Токвиля, Вивьена, Шфюеля, пишет для своих знакомых, сестер Болтинных, «Краткую историю России» (до Петра I) и т. д. Но даже литературная работа не скрашивала его однообразную и унылую жизнь.

Салтыкова окружало пошлое провинциальное чиновничество, лишенное каких бы то ни было идейных побуждений. Тоска по воле, тоска по друзьям, с которыми можно было делиться мыслями и впечатлениями, томил душу. «Где-то вы, друзья и товарищи! моей молодости? — писал Салтыков, вспоминая дружеские беседы с единомышленниками по кружку Петрашевского. От воспоминаний прошлого его отрывал вид убогой комнаты с дюжиной стульев базар-

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. I, стр. 33.

ной работы, жуткое одиночество, холодная и неумолимая действительность. Слова тоски и отчаяния вырываются из груди изгнанника: «Вокруг меня мгла и туман; Порфирии Петровичи, Федоры Герасимовичи жално простирают ко мне голодные руки и не дают мнедохнуть...»

«Где я, где я, господи!»

«О, провинция! — горько восклицает Салтыков. — Ты растлеваешь людей, ты истребляешь всякую самостоятельность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!»¹

И Салтыков рвался всей душой из этого душного мира зловоний и болотных испарений, мира сплетен и жирных кулебяк...

11 апреля 1849 года мать Михаила Еврафовича подает прошение на имя царя об освобождении ее сына из ссылки. Из Петербурга затребовали сведения о поведении Салтыкова в Вятке. Губернатор сообщил в ответ, что за все время пребывания в ссылке Салтыков «ни в чем предосудительном не замечен, ведет себя весьма похвально, служебные обязанности исполняет с особенным усердием и деятельностью, почему — а равно по отличным способностям его — постоянно употребляется для занятий по делам особенной важности»².

Несмотря на такой лестный отзыв правительства не торопились с освобождением писателя. Николай I не разрешил даже перевести Салтыкова на службу в Оренбургскую губернию. Исполняя его волю, министры отклоняли одну за другой просьбы Салтыкова об освобождении. Так были отклонены: прошение губернатора А. Середы, написанное в январе 1851 года, и прошение самого Салтыкова, посланное в Петербург в конце того же года. И только 17 марта 1853 года царь разрешил Салтыкову четырехмесячный отпуск во внутренних губерниях, кроме столичных. Это был первый отпуск с правом выезда из Вятки, предоставленный Салтыкову за все время пребывания его в ссылке.

После возвращения из отпуска Салтыков вновь продолжал тянуть утомительную и нудную лямку чиновника. Казалось, что ссылке не будет конца.

Губернское начальство продолжало давать о Салтыкове самые благожелательные отзывы. Так, в «Сведениях о лицах, со-

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. III, стр. 225.

² «Исторический вестник» за ноябрь 1907 года, стр. 605.

стоящих под надзором полиции в Вятской губернии за 1854 год», в разделе «Что по надзору открылось», мы читаем о нем: «Поведения весьма хорошего и ни в чем противозаконном никогда не замечали»³. Но в Петербурге думали иначе. Только в 1855 году, после семилетнего пребывания Салтыкова в ссылке, пришла долгожданная свобода.

В конце декабря 1855 года Салтыков уехал из Вятки. В ведомости о ссыльных было отмечено: «29 ноября 1855 года надзор полицейский снят и из г. Вятки выбыл»⁴.

«Я оставляю Крутогорск окончательно, — писал Салтыков-Щедрин в очерке «Дорога», — передо мной растворяются двери новой жизни, той полной жизни, о которой я мечтал, к которой устремлялся всеми силами души своей...» Он уезжал из Вятки — Крутогорска — с противоречивыми чувствами. Сердце писателя, пробывшего в изгнании семь лет, радостно билось от сознания свободы, но душу омрачала смутная тревога за будущее; сожаление о напрасно прожитых лучших годах не давало покоя. «Что ждет меня впереди? — спрашивал Салтыков. — Новые борьбы, новые хлопоты, новые искательства! А я так устал уж, так разбит жизнью, как разбита почтовая лошадь ежечасною ездой по каменной твердой дороге!»⁵.

От этих унылых настроений Салтыков-Щедрин вскоре избавился, став на путь активной борьбы с самодержавием. Его оружием была острая сатира, беспощадно вскрывавшая язвы царизма.

«Много есть путей служить общему делу, — писал Щедрин во введении к «Губернским очеркам», — но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более, что предлагает полное сочувствие к добру и истине»⁶.

Наблюдения провинциального чиновничьеского быта дали ему богатейший материал для беспощадной и острой критики самодержавно-крепостнической действительности, критики, которая являлась такой потому, что писатель выступал с позиций угнетенных и эксплуатируемых масс.

³ Исторический архив Кировской области, фонд губернского правления, д. № 12, л. 34.

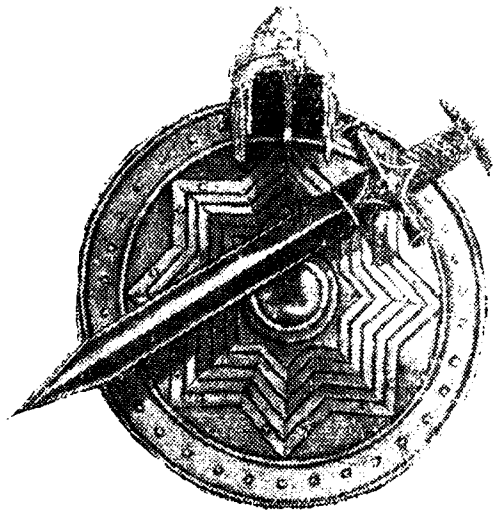
⁴ Там же, д. № 241 за 1854—1855 гг., л. 11.

⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин. Т. III, стр. 465.

⁶ Там же, стр. 12.

В. Самойлов

НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ ИВАН СУСАНИН

В начале XVII века в пределы русской земли вторглись польско-литовские папы, стремясь уничтожить национальную независимость русского народа.

После провала попыток интервентов подчинить Московское государство Польше с помощью своих наймитов — Лжедмитрия I и Лжедмитрия II — польско-литовские папы при содействии изменников из бояр в августе 1610 года провозгласили русским царем польского королевича Владислава.

Польско-литовские захватчики овладели Москвой, Смоленском и другими важнейшими городами русской земли. В это же время шведские интервенты, воспользовавшись ослаблением Московского государства, захватили богатый Новгород. И те и другие захватчики грабили и убивали русских людей, всячески глумились над населением, вообще вели себя как в завоеванной земле.

Составитель «Новой повести» так описывал это страшное время: «Сами видите, что они (интервенты.— В. С.) ныне над нами чинят: всегда в очех наших всем нам смерть показывают, и поругаются и насилуют нам, и посекают нас и дома наша у нас отнимают, и поносят нам в лепоту, яко волцы зубы своими скрегчют, и грозят нам и претят смертью»¹.

Союзница Москвы Англия, получившая от Грозного и Бориса Годунова всяческие торговые льготы на Руси, ждала только

удобного случая, чтобы ввязаться в дележ Московского государства. Один из главарей английской Московской компании, Джон Мерик, сидя в Москве, писал в Лондон письма с требованием, чтобы Англия «облагодетельствовала» русский народ установлением над ним английского протектората².

Торгуя шпагой и совестью, вчерашние иноземные солдаты и офицеры, находившиеся в рядах русского войска: немцы, англичане и французы — с легким сердцем переходили на сторону поляков.

Но русский народ, свергнувший татарское иго, не хотел стать данником европейских «цивилизаторов».

Ненависть народа к иноземным захватчикам была глубока и активна. По всей стране, в городах и селах, организовывались многочисленные отряды, мужественно сражавшиеся с интервентами и уничтожавшие их.

Вскоре организовалось первое ополчение. Весной 1611 года оно подошло к Москве и осадило поляков, которые сожгли город и заперлись в Кремле. Но из-за внутренних раздоров первое ополчение распалось, не добившись изгнания интервентов.

Осенью 1611 года в Нижнем Новгороде торговец мясом Козьма Минин и опытный полководец князь Пожарский стали собирать второе общенациональное ополчение.

¹ «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени», стр. 200. Л. 1925. 3-е изд.

² «Чтения в обществе истории и Древностей Российских». Кн. 3-я, стр. 82. М. 1874.

После четырехмесячной стоянки в Ярославле летом 1612 года второе ополчение двинулось к Москве. Соединившись с остатками первого ополчения, русское войско во главе с Мининым и Пожарским после кровопролитных боев к 27 октября 1612 года очистило Москву от поляков.

В январе 1613 года в Москве собрался Земский собор, состоявший из выборных представителей от помещиков, купцов и казаков, для избрания русского царя. Земский собор постановил не избирать в цари иностранца, потому что русские «польского и немецкого короля видели на себе неправду и крестное преступление и мирное нарушение: литовский король Московское государство разорил, а шведский король Великий Новгород взял обманом»¹.

21 февраля 1613 года Земский собор заочно избрал царем молодого боярина Михаила Романова, который в это время находился в Костроме.

Чтобы продолжить междуцарствие и воспользоваться им в своих захватнических целях, интервенты решили убить царя Ми-

¹ Соловьев, С. М. «История России с древнейших времен». Кн. 2-я, стр. 1039. СПб. Изд-во товарищества «Общественная польза».

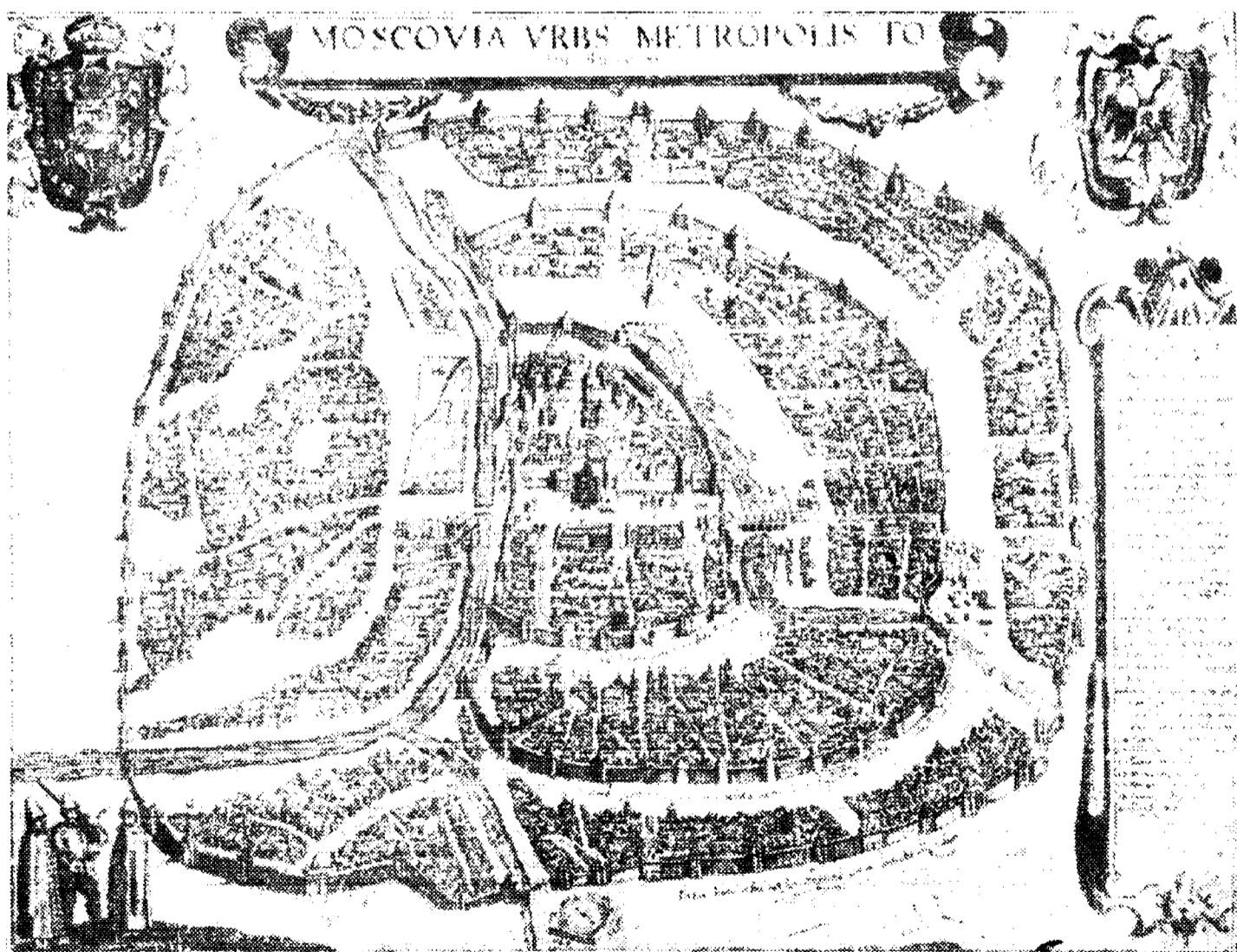
хаила. Узнав от своих шпионов, что Михаил находится в своей вотчине Домнино за Костромой, они послали туда отряд своих войск. В дремучих буйских лесах, недалеко от Домнино, отряд встретил старого крестьянина и заставил его стать провожатым поляков. Однако этот крестьянин, страстно ненавидевший интервентов за горе и разорение, причиненное ими русскому народу, узнав, с какой целью идет отряд в Домнино, обманул польских жолнеров и завел их в непроходимый лес, где интервенты, узнав об обмане, замучили старика, но и сами погибли.

Этот старик был Иван Осипович Сусанин, крепостной крестьянин бояр Романовых, происходивший из деревни Деревеньки, Шачебольского стану, на реке Корбе, близ села Домнино, Костромского уезда.

1

Известия о подвиге Ивана Сусанина, дошедшие до нас, чрезвычайно скудны.

Множество документов времен «Смуты» погибло для науки как во время польской интервенции XVII века, так и во время французского вторжения в Россию в 1812

План Москвы 1610 года, составленный поляками по заданию короля Сигизмунда.

Гос. исторический музей.

году от бесчисленных пожаров. Не сохранились многие документы и вследствие неравного отношения царских чиновников к архивам. Впервые в исторической литературе подвиг Сусанина был упомянут И. Васьковым в его книге «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы», изданной в Москве в 1792 году¹.

Вслед за Васьковым описание подвига Сусанина поместил в 1804 году Щекатов в своем «Географическом словаре» при объяснении названия «Пустошь Коробово».

С 1817 года, со времени выхода «Истории» Сергея Глинки, описание подвига Сусанина находит свое место во всех учебниках русской истории.

В 1822 году, в третьей части «Собрания государственных грамот и договоров», была опубликована жалованная грамота царя Михаила Романова зятю Ивана Сусанина — Богдану Собнину, крестьянину села Домнина, который получил землю в вечное пользование и был освобожден от всех податей и повинностей. Эта грамота — единственный документальный источник о подвиге Ивана Сусанина. Она была написана 30 ноября 1619 года. Позднее она была подтверждена грамотами 1633, 1641, 1691, 1767 и 1837 годов.

В грамоте 1619 года было написано:

«...пожаловали есмь Костромского уезда нашего села Домнина крестьянина Богданка Собнина, за службу к нам и за кровь и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы великий государь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси в прошлом во рка (1613. — В. С.) году были на Костроме и втепору приходили в Костромской уезд Польские и Литовские люди, а тестя его Богданкова Ивана Сусанина втепору Литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками, а пытали у него, где втепору мы великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси были; и он Иван, ведая про нас великого государя, где мы втепору были, терпя от тех Польских и Литовских людей немерныя пытки, про нас великого государя тем Польским и Литовским людям, где мы втепору были, не сказал, и Польские и Литовские люди замучили его до смерти...»².

Скудные документальные сведения о подвиге Сусанина в значительной степени дополняются местными, костромскими народными сказаниями о Сусанине, которые

в течение столетий передавались из поколения в поколение.

Впервые свод этих преданий был изложен А. Домнинским в его работе «Правда о Сусанине», помещенной в 1871 году на страницах исторического журнала «Русский архив». Автор изложил в ней те варианты народных сказаний, которые зародились непосредственно на родине Сусанина.

Все сказания³ начинаются с описания того, как польско-литовские захватчики стремились завоевать русскую землю и подчинить ее «Польской державе», как они издевались над русским народом и как русские люди от мала до велика поднялись против иноземного врага. Сказания сообщают, что Михаил Романов, избранный Земским собором в русские цари, в исходе зимы 1613 года находился в своей вотчине Домнино за Костромой. «В село Домнино, — рассказывают предания, — прелезжали паны с собаками погубить царя Михаила Феодоровича»⁴.

Иван Сусанин решил пожертвовать своей жизнью, лишь бы уничтожить ненавистных всему народу ляхов. Он привел их сначала к себе в дом и «угощал их хлебом-солью». Тем временем, предупрежденный об опасности, Михаил Романов уехал из Домнина в Кострому и укрылся там за крепкими стенами Ипатьевского монастыря.

Сусанин сказал полякам, что Михаил якобы находится в лесу на охоте, и завел их в глухую трущобу. Интервенты угрозами пытались заставить Сусанина вывести их из лесу.

«Паны его мучили, — сообщает предание, — и кроили из спины ремни»⁵. Но Сусанин оставался тверд. После долгих, мучительных издевательств над Сусаниным они убили его и пзрубили его тело на мелкие куски. Но «поганые поляки-губители сами тут же погибли»⁶, — заканчивает предание.

Монархические историки при анализе событий, связанных с подвигом Ивана Сусанина, оперировали тем официальным толкованием подвига Сусанина, которое было изложено в жалованных грамотах 1619 и последующих годов. Сочинитель этой грамоты дьяк Иван Болотников вменил в заслугу Сусанину то, что он не сказал полякам, где находился Михаил Романов, когда они его искали. Грамота представила Сусанина просто как преданного своему господину раба, а не как сознательного защит-

¹ Ранее, в 1767 году, о подвиге Сусанина, конечно, в сугубо монархическом истолковании упомянул костромской епископ Дамаскин в приветственной речи к Екатерине II, приехавшей в Кострому.

² Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3-я, стр. 214—215. М. 1822.

³ Включая неопубликованные записи народных сказаний, ныне хранящиеся в Костромском государственном архиве, в фонде Костромской губернской архивной комиссии.

⁴ «Русский архив». 1871 год, стр. 011.

⁵ Там же, стр. 012.

⁶ Там же, стр. 021.

Призыв Минина к нижегородцам на борьбу с интервентами.

Эскиз И. Е. Репина.

ника своей родины, нещавидешего иноземных захватчиков.

Царизм неспроста в конце XVIII столетия фальсифицировал образ Ивана Сусанина.

В XVIII веке крестьянская война под предводительством Пугачева основательно потрясла устои дворянско-помещичьего государства. Пугачевское движение было подавлено. Но вскоре развернулась французская буржуазная революция 1789 года, которая не только свергла монархию Людовика XVI во Франции, но и грозила гибелью всем европейским монархиям. На огромных пространствах Российской империи снова вспыхнули волнения помещичьих крестьян и рабочих частных и казенных фабрик и заводов. Вот почему идеологи монархизма бросились в архив, пытаются найти в истории факты, которыми после соответствующей обработки можно было бы «подтвердить» всенародное единение вокруг правящей династии.

В качестве одного из таких фактов был использован и самоотверженный подвиг Сусанина, который идеологи монархизма изображали как проявление всенародной любви к дому Романовых.

В начале XIX века Щекатов и Сергей Глинка выступили с таким толкованием подвига Сусанина, из которого неискушенный читатель мог сделать вывод, что главной заслугой Сусанина было «спасение царской особы». В свете этой официальной версии царская цензура рассматривала

историческую трактовку образа Сусанина в исторических трудах, в литературных произведениях, в музыке.

Монархическая спекуляция на образе Сусанина особенно усилилась в период крестьянской реформы 1861 года. С. М. Соловьев и другие монархические историки доказывали, что самое замечательное в подвиге Сусанина — то, что он спас царя Михаила Романова.

В 1838 году царь Николай I распорядился поставить Сусанину памятник в Костроме. Он был открыт 14 марта 1851 года на Екатеринославской, потом Сусанинской площади города Костромы. Это был четырнадцатиметровый обелиск, увенчанный бюстом Михаила Романова, ниже которого в колени-преклоненной позе смиренного раба, воздев руки к небу, стоял Сусанин.

Накануне трехсотлетия со дня воцарения династии Романовых монархист Платонов в учебнике русской истории писал, что царю Михаилу «грозила опасность от бродячего польского или казачьего отряда, каких много было на Руси после падения Тушина. Михаила Феодоровича спас крестьянин его села Домнина, Иван Сусанин. Известив своего боярина об опасности, он сам завел врагов в леса и там погиб с ними, вместо того, чтобы указать им путь в боярскую усадьбу»¹.

¹ Проф. С. Ф. Платонов. Учебник русской истории, стр. 205. СПб. 1911. 4-е изд.

Мораль такой трактовки подвига Сусанина была пехитра: кто бы ни напал на царя — чужие ли поляки, или свои казаки, — крепостной крестьянин Романовых Сусанин пожертвовал своей жизнью для спасения своего помещика, боярина Михаила Романова.

Таким образом, паризм пытался спекулировать на реакционной фальсификации образа Сусанина, используя его для борьбы с нарастающим революционным движением против царя, помещиков и капиталистов.

2

Монархическая фальсификация образа Сусанина побудила некоторых историков и писателей выступить против официальной версии о подвиге Сусанина.

В 1862 году мелкобуржуазный историк Н. И. Костомаров подверг сомнению историчность подвига и самой личности Сусанина. Эпиграфом к своему исследованию об Иване Сусанине Костомаров взял цитату из соборного приговора 1678 года об одном апокрифическом сказании, в котором было написано:

«В житии сем не мало, но много писано неправды, и того ради аще бы от части нечто было и праведно писано, ни в чесом же ему верити не подобает».

Возможность подвига Сусанина Костомаров отвергал на том основании, что документальные сведения о нем были крайне скудны. Кроме жалованной грамоты 1619 года «ни в русских, ни в иностранных тогдашних сочинениях, несмотря на множество подробностей, хорошо очерчивающих эту эпоху, нет ни слова об этом подвиге»¹.

Однако известно, что образцы доблести и мужества русских людей в борьбе с иноземными врагами, аналогичные подвигу Сусанина, были в ту эпоху массовыми, но только в редких случаях они фиксировались современниками.

Героический поступок Сусанина не был единичен. Например поляк Самуил Мацкевич рассказывает, что в феврале 1612 года его отряд, направлявшийся в Москву на выручку к засевшим там полякам, возле Можайска был разбит русскими партизанами. Одна часть отряда повернула назад, а другая спасалась бегством к Можайску. Здесь, в деревне Вишенце, поляки насильно заставили быть проводником у них одного старика-крестьянина, требуя, чтобы он вывел их на дорогу к Москве, минуя занятый русским отрядом Волоколамск. Однако этот русский безымянный герой-крестьянин незаметно подвел поляков к Волоколамску.

¹ Н. Костомаров «Исторические монографии и исследования». Т. I, стр. 434. СПб. 1872.

Только случайная встреча с неким паном Рупким, который предупредил поляков об опасности, спасла польский отряд. Поляки вернулись обратно и отрубили проводнику голову.

Историчность подвига Сусанина подтверждает жалованная грамота 1619 года, подлинность которой не подвергается сомнению. Историк С. М. Соловьев, главный оппонент Костомарова, правильно отметил, что сказания летописцев времен «Смуты» вообще были немногословны. Мы не можем требовать от летописцев всеобъемлющего описания событий Смутного времени, если даже Земский собор 1613 года точно не знал, где находится избранный им в цари Михаил: в Ярославле или в Костроме.

Костомаров сомневался в подвиге Сусанина также и потому, что грамота Богдану Собнину — единственный документ о Сусанине — была дана только через шесть лет после смерти Сусанина. Костомаров пришел к выводу, что в 1619 году Богдан Собнин, желая избавиться от податей и повинностей, сам выдумал подвиг Сусанина и выпросил себе обельную грамоту. Это предположение Костомарова неосновательно. Надо помнить, в какой исторической обстановке выдана эта обельная грамота Собнину. Как известно, в 1617 году Московское государство заключило столбовский мир со Швецией, в конце 1618 года было заключено деулинское перемирие с Польшей, летом 1619 года из польского плена возвратился отец Михаила Романова патриарх Филарет.

Михаил Романов и бояре торжественно отметили эти события. В связи с ними Михаил Романов с матерью в 1619 году ездил в макарьевский Унженский монастырь, находящийся в Костромской стороне. Естественно, что Богдан Собнин мог напомнить Михаилу Романову о подвиге Сусанина именно в этот момент.

В качестве еще одного аргумента против подлинности подвига Ивана Сусанина Костомаров выдвинул наличие противоречия в сведениях о местопребывании Михаила весной 1613 года: в Костроме или в Домнине.

С. М. Соловьев правильно опроверг этот аргумент, когда в ответе Костомарову писал, что «во времена Нестора, когда еще живы были старцы, помнившие крещение русской земли, ходили однако противоречивые известия о месте, где Владимир принял крещение»².

Неверно утверждение Костомарова и о том, что в 1613 году в Костромской сто-

² Соловьев, С. М. «История России с древнейших времен». Кн. 2-я, стр. 1397. СПб. Изд-во товарищества «Общественная польза».

Гибель Ивана Сусанина.

Русский народный лубок. 1854 год.

3

роне не было ни поляков, ни литовцев и что Сусанина убили свои «воровские люди». Отряды интервентов именно в 1613 году разорили и сожгли в Костромской стороне города Галич, Солигалич, Любим и др.

Далее, Костомаров указывает, что ежели Сусанин не показал полякам дороги, то они могли взять в проводники любого другого крестьянина. Но Костомаров забыл, что, по народным сказаниям, Сусанин завел поляков в такую лесную тучубу, откуда выбраться в деревню было невозможно. В 1871 году А. Домнинский, говоря о характере лесной местности вокруг Домнина, писал: «В нашей местности зимою, в феврале или в марте месяцах, никак невозможно ни пройти, ни проехать, кроме проложенных дорог»¹.

Надо думать, какой была эта местность в 1613 году, если через 268 лет в ней еще не было возможности «ни пройти, ни проехать»!

Таким образом, Костомаров, борясь против монархической спекуляции и фальсификации подвига Ивана Сусанина, неправильно отрицал историчность Сусанина и его подвига.

¹ «Русский архив». 1871 год, стр. 09.

Иначе подошли к этому вопросу передовые люди русского общества в XIX веке.

В условиях свирепой царской цензуры они стремились дать подвигу Сусанина трактовку, отличную от казенно-монархической и приближающуюся к исторической истине. Рылееву, Пушкину, Михаилу Глинке, Добролюбову Иван Сусанин был близок и дорог как народный герой, боровшийся против иноземных поработителей, а не как верноподанный крепостной холоп бояр Романовых.

Один из первых русских революционеров, декабрист Кондратий Рылеев в поэтической думе «Иван Сусанин» дал прекрасный образ замечательного патриота. Он захватывающе изобразил сцену в лесу, когда поляки увидели, что Сусанин завел их туда, откуда не было никакого пути:

«...Склонившись угрюмо до самой земли,
 Дебристую стену из сучьев сплели.
 Вотще настороже тревожное ухо:
 Все в том захоластье и мертво и глухо...
 «Куда ты завел нас?!» — лях старый
 вскричал.

«Туда, куда нужно! — Сусанин сказал.—
Убейте! Замучьте! Моя здесь могила!
Но знайте и рвитесь. Я спас Михаила!
Предателя, мнил, во мне вы нашли;
Их пет и не будет на русской земли!
В ней каждый отчизну с младенчества
любит

И душу изменой свою не погубит».
«Злодей! — закричали враги, запылев. —
Умрешь под мечами!» «Не страшен вам
гнев!

Кто русский по сердцу, тот бодро и смело
И радостно гибнет за правое дело!
Ни казни, ни смерти и я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!»¹.

Революционер Рылеев только в силу цензурных условий заставляет Сусанина умирать «за царя». В примечаниях же к думе Рылеев, характеризуя личность Сусанина, написал: «Как верный сын отечества, Сусанин захотел лучше погибнуть, нежели предательством спасти жизнь»².

А. С. Пушкин, критически относившийся к поэтическим думам Рылеева, весной 1825 года писал ему: «Псключая (из числа остальных дум.— В. С.) Ивана Сусанина, первую думу, по коей я начал подозревать в тебе истинный талант»³.

Революционный критик-демократ Н. Л. Добролюбов также отзывался о Сусанине как о народном патроте, который пожертвовал своей жизнью за независимость родины.

Другой выдающийся демократ, поэт Н. А. Некрасов, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» вложил в уста крестьянки Матрены Тимофеевны теплые слова о Сусанине, которого она увидела на памятнике в Костроме:

«Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из мели кованный,
Точь в точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
— Чей памятник? Сусанина.
Я перед ним помешкала...»⁴.

Образ Сусанина, отдавшего жизнь за родину, нашел свое творческое отражение не только в поэзии, но и в музыке. Еще в 30-х годах XIX столетия знаменитый русский композитор Михаил Иванович Глинка написал первую русскую народную оперу — «Иван Сусанин». Известно, что придворная клика Николая I изгнала творческий замысел композитора. Николай I даже изменил название оперы, которую назвали сна-

чала «Смерть за царя», потом — «Жизнь за царя». Композитору была навязана казенно-патриотическая подтекстовка, написанная бездарным бароном Розеном.

Только в наши дни истинный замысел гениального русского композитора был восстановлен в полном соответствии с исторической правдой нашим советским театром. Авторы либретто оперы «Иван Сусанин», поставленной в Московском государственном академическом Большом театре оперы и балета, правильно поняли свою задачу. Они перенесли действие оперы из Домнина под Москву. Иван Сусанин — олицетворение общенародного патриотизма в борьбе с польскими интервентами — спасает не Михаила, а Москву и Русь.

К сожалению, наши советские историки совершенно не занимались исследованием вопроса об Иване Сусанине. Антинаучные установки так называемой исторической школы М. П. Покровского, долгое время господствовавшие в советской исторической науке, исключали возможность объективной постановки вопроса о личности и подвиге Сусанина.

Считая польского агента Лжедмитрия противодворянским царем, врагом помещиков и купцов, Покровский фактически отрицал общенародный характер борьбы против польско-литовских интервентов и недооценивал патриотический подъем всего русского народа.

Историки так называемой школы Покровского даже не ставили перед собою вопроса, прогрессивен или реакционен подвиг Сусанина. Их пугало то, что при исследовании вопроса о Сусанине нельзя обойти молчанием связь подвига Сусанина со спасением Михаила Романова. Но ведь нельзя антиисторически, не считаясь с конкретной обстановкой начала XVII века, оценивать события и считать подвиг Сусанина реакционным только потому, что он имел своим результатом спасение царя Михаила, тем более что убийство Михаила нужно было интервентам, чтобы продлить Смутное время и ослабить сопротивление Московского государства.

Сусанин, как и многие лучшие представители русского народа, сложил свою голову в общенародной борьбе против польско-литовских панов, пытавшихся превратить Московское государство в свою колонию.

Подвиг Сусанина ярко выразил мужество, геройство и доблесть русского народа, победоносно отстаивавшего национальную независимость своей родины.

Эти качества Ивана Сусанина жили, живут и будут жить всегда в каждом гражданине нашей великой родины на страх всем ее врагам.

¹ К. Рылеев. Стихотворения, стр. 129—130. «Советский писатель», 1938.

² Там же, стр. 167 (подчеркнуто мною.— В. С.).

³ Там же, стр. 33.

⁴ Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», стр. 206. Гослитиздат. 1936.

Е. Шутой

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ НА УКРАИНЕ ПРОТИВ ПАНСКОЙ ПОЛЬШИ В 1637—1638 ГОДАХ

История знает немало примеров фальсификации господствующими (эксплуататорскими) классами исторической действительности. Особенно отличаются бесстыдством в фальсификации истории фашистские «историки», в частности польские, мечтающие о восстановлении Польши в границах до 1772 года.

Польским панам трудно мириться с мыслью, что ими на вечные времена потеряны принадлежавшие им некогда на территории Советской Украины и Белоруссии огромные поместья и богатства, которые в результате победы Великой социалистической революции стали собственностью свободного народа. Стремясь к захвату Украины, польские фашисты намереваются «обосновать» «исторические права» панской Польши на Украину. Для этого они не брезгают любыми методами фальсификации исторических фактов. Насилие и грабеж, гнет и эксплуатацию польских панов на Украине эти фальсификаторы рисуют в виде исполнения Польшей ее «великой исторической миссии», ее «культуртрегерской» роли на Востоке Европы среди «дикого» населения Украины.

Но спрашивается, какую «культуру» могли принести на Украину польские паны, которые «ничего другого в истории не делали, кроме храбрых задорных глупостей. Нельзя даже указать ни одного момента, когда бы Польша действительно являлась представительницей прогресса... или совершила что-либо исторически значительное»¹, — как писал Энгельс. Польские паны забывают, что смелый и сво-

бодолюбивый украинский народ неоднократно поднимался на борьбу вместе с белорусским и великорусским народами против польских захватчиков. Самым крупным восстанием против панского гнета на Украине до национально-освободительной войны 1648—1654 годов является восстание 1637—1638 годов.

1

Громаднейшая территория Украины с ее неисчерпаемыми природными богатствами, прекрасными торговыми путями и многочисленным населением, занимала издавна центральное место в захватнических планах Польши.

Будучи дважды изгнанной (в 1018 и 1069 годах) при попытке захватить Киев, Польша назойливо продолжала стремиться к новым захватам украинских земель.

После распада Киевского государства политически усилилось (в конце XII века) Галицко-Волынское княжество. В XIII веке против Галицко-Волынского княжества ополчились Польша, Литва, Венгрия и немецкие «псы-рыцари», захватывая то одну, то другую часть его земель. На протяжении десятилетий князь Даниил Романович (1202 — 1264 гг.) вел упорную борьбу с захватчиками и при поддержке широких масс населения изгнал их с родной земли. Свою победу над польско-литовско-венгеро-немецкими оккупантами он завершил разгромом последних под Ярославом в 1245 году.

Эта победа почти на целое столетие отбила охоту захватчиков посягать на Га-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма», стр. 52. Соцэклиз. 1931.

Украинский крестьянин XVII—XVIII веков.
Гос. Исторический музей.

лицко-Волынские земли. По непрекращающиеся татарские набеги и изолированность от остальных русских земель привели к ослаблению Галицко-Волынского княжества в конце XIII и в XIV веке. Упадок Золотой орды в XV веке создал благоприятные условия для захвата Польшей, Литвой и Венгрией украинских земель. Так, в 1387 году Польшей была оккупирована Галиция. Что касается Западной Подольи, то, обессиленная татарскими набегами, она не могла оказать значительного сопротивления польским захватчикам и была ими оккупирована в 1434 году. Остальные украинские земли, а именно: Волынь, Чернигово-Северская земля, Киевщина, Восточная Подолня, или Брацлавщина, — были захвачены Литвой еще во второй половине XIV века. Обессиленные изнутри феодальной борьбой и набегами золотоордынских ханов, эти земли подчинились великому княжеству Литовскому. Польские пань, бывшие основными поставщиками хлеба для Западной Европы, истощившие свои земли и разорившие своих крестьян, с завистью смотрели на богатые украинские черноземные земли, попавшие в руки Литвы.

Воспользовавшись тем, что Литва в середине XVI века была занята войной с Иваном Грозным, и тем, что война эта складывалась для нее неудачно, польские пань заставили литовских магнатов заключить унию с Польшей на Люблинском сейме в 1569 году. Согласно унии, возникло новое государство — Речь Посполитая, в которой Польша и Литва занимали юридически равноправное положение, а фактически Литва стала зависимой от Польши. Таким образом польским панам удалось насильно присоединить к Польше Волынь, Подолию, Киевщину. Левобережная Черниговщина и Северская земля были отвоеваны у Литвы еще Иваном III в 1500 году.

К моменту захвата Украины крупное землевладение уже пустило на Волыни глубокие корни. Частновладельческое население было уже закрепощено, но украинские землевладельцы не вели большого хозяйства и поэтому феодально-отрабочная рента была сравнительно легка. Крестьянская община еще сохраняла свою силу даже на землях частных землевладельцев.

Захватив Украину, польские пань отняли украинские общинные земли, луга и леса. Они разделили их на отдельные земельные наделы, отводя значительную часть земель под собственную запашку. Крестьянская община была уничтожена. Оброчные платежи были переведены на деньги. Крестьяне были вынуждены продавать на рынке не только прибавочный продукт, но часто и необходимый. Насколько усилилась эксплуатация крестьян в землях, захваченных панями, видно хотя бы из того, что если в XVI веке на Волыни повинности на дворнице составляли 240 дней в году, то в XVII веке они уже составляют 304 дня. Во многих местах работали на помещика 6 дней в неделю, а 7-й день должны были работать только женщины, что составляло в общем 356 дней в году. Кроме панщины (барщина) крестьяне платили оброк деньгами и продуктами. Из инвентарей Луцкого повета (уезда) известно, что, кроме панщины, селяне платили $\frac{1}{10}$ часть оброка домашними животными, птицей, фруктами и даже жолудями.

Французский инженер Гильом Левассер де Боплан, проживший в XVII веке несколько лет на Украине, так описывал положение украинских крестьян под панским гнетом: «Крестьяне там чрезвычайно бедны, так как они принуждены работать в пользу владельца три дня в неделю со своими лошадьми и давать ему, сообразно количеству получаемой от него земли, много мер хлеба, множество каплунов, кур, гусей и цыплят к пасхе, троице и рождеству; сверх того они должны возить дро-

ва для владельца и отбивать множество других видов панщины, которых по-настоящему не обязаны были бы выполнять; помимо того помещики требуют от них денежной повинности, а также десятины от баранов, поросят, меда, всех плодов и третьего быка через каждые три года. Одним словом, они принуждены отдавать своему господину все, что тому вздумается требовать... но это еще менее важно чем то, что их владельцы пользуются безграничною властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных; вот как велики привилегии польского дворянства, которое живет словно в раю, между тем как крестьяне пребывают как бы в чистилище. Поэтому, если случится этим несчастным попасть в крепостную зависимость к злему господину, положение их бывает хуже каторжников на галерах»¹.

За малейший проступок крестьян бросали в тюрьмы, пытали. Польские магнаты превратили украинских крестьян в рабов. «Если бы рассказать историю-правду о каком-нибудь одном магнате, то самый ад можно испугать», — писал великий украинский поэт Т. Г. Шевченко.

Вслед за магнатами и шляхтой пришло на Украину и католическое духовенство и иезуиты, которые внирденнем католичества стремились прикрыть захват и насилие польских панов. Это появление польских пришельцев на Украине польские фашистские «историки» называют заселением «диких степей» юга. В действительности это заселение происходило следующим образом.

Будучи не в силах вынести жесточайшее угнетение, крестьяне Волыни в одиночку и отдельными семьями тайком скрывались в лесах и болотах, убегали на восток, в Правобережье, где, оседаая на свободных землях, заводили хозяйство, расчищая лес под пашню. Вслед за ними шел жадный пан с королевской грамотой в кармане и объявлял занятые крестьянами земли своей собственностью, а крестьян — своими «хлопами». Крестьяне, не желавшие стать «панскими» и работать на польских захватчиков, уходили на левый берег Днепра. Исключительно обильная по своим природным богатствам Левобережная Украина покрылась хуторами, селами, пасеками. Крестьяне осваивали богатый чернозем. Но и сюда за ними тянутся тунеядцы-паны с королевской грамотой, опять захватывая освободившиеся крестьянами земли.

Крупный буржуазный историк Владимирский-Буданов в своих работах подчер-

¹ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», стр. 304. Изд. 1890 года.

Украинская крестьянка XVII—XVIII века.
Гос. Исторический музей.

кивал, что поляки составляли в украинских поветах всего лишь 2% населения, в то время как украинцев насчитывалось 96%, и, следовательно, заслуга заселения южноукраинских земель «безраздельно принадлежит самим народным массам».

Польские магнаты, захватив украинские земли, сосредоточили в своих руках не только экономическую, но и политическую власть. Они заняли должности воевод, старост и каштелянов. Много должностей стало наследственными. Так например семь Потоцких занимали подряд должность «генерала земли Подольской». Результатом хозяйничания польских панов на Украине явилось уменьшение урожаев, появление эпидемий, голодовок, сделавших непереносимым и без того трудное положение народных масс.

Польша в XVI—XVII веках по самой природе своей являлась «лежебоко-шляхетской»², — как писал Энгельс. Это была феодальная, федеративная «дворянская республика, основанная на эксплуатации и угнетении крестьян»³. Иезуит Скарга,

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 52. Соцэкгиз, 1931.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10.

живший в Польше в XVI веке, вынужден был признать, что «нет государства, где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас под беспредельной властью шляхты»¹. Крестьяне в Польше были бесправными хлопами. Пан мог безнаказанно убивать не только своего, но и чужого хлопа. Польские паны расправлялись с крестьянами настолько свирепо, что, по свидетельству пана Старовальского (XVI век), «азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько замучат каждый год в свободной Речи Посполитой»². Паны перенесли из Польши на Украину все изысканные методы угнетения, эксплуатации и насилия.

Не в лучших условиях жили мещане городов. После Люблинской унии в городах появились польские старосты, чуждые украинскому населению. Пользуясь своей властью, старосты угнетали мещан, заставляя их платить пошлины за всякие промысловые и судебные дела, за заморскую куницу, т. е. за выход замуж, за разводы, за наследства, если даже оставались наследники. Мещан-ремесленников заставляли работать по обслуживанию замков (ремонт и т. п.), отбирали у них общинную собственность и общинные доходы.

Пользуясь правом беспошлинного вывоза своих сельскохозяйственных продуктов и привоза иностранных для собственных нужд, польская шляхта подрывала городское ремесло и сокращала торговлю. В городах шляхта также ограничивала участие мещан-украинцев в городских самоуправлениях. Так например в городе Львове городское самоуправление состояло из зажиточных мещан-немцев, а украинцы не только к управлению, но даже в ремесленные цехи не допускались. Кроме того украинцам разрешалось жить лишь в одном определенном квартале, который назывался «русской улицей».

Мещане, как и селяне бежали от гнета старост и шляхты и создавали вольное и не подчиненное польским законам казачество.

Еще в XV веке массы крестьян и мещан бежали из Западной Подолии и Галиции от гнета господствующих там польских панов в южные степи Украины — в Брацлавщину и Поднепровье. Эти беглые люди стали ядром позднейшего казачества. Казаки выбрали малодоступные места за порогами Днепра и в начале XVI века основали там свой центр, который стал называться «Запорожской Сечью». Сюда собирались все недовольные, сюда бежали

крестьяне от гнета панов и мещане от притеснений польских старост.

С ростом недовольства масс росло и казачество. Так, в 1530 году их было 15 тысяч, в 1600 году — 40 тысяч, а в 1630-х годах — до 80 тысяч. И не даром, когда турецкий султан спросил, сколько на Украине казаков, ему ответили: «у нас где крак (куст), там казак, а где байрак (бугор), там сто казаков».

Казаки занимались рыбной ловлей, охотой, соляными промыслами, земледелием и лесным хозяйством. Они же добровольно взяли на себя охрану украинских границ (на что неспособно было польско-литовское государство) от погромных набегов татар и турок, которые уничтожали население и опустошали страну. Эту несомненную заслугу казаков вынужден был признать даже поляк-современник, долго живший на Украине. «Не один раз в году эти достойные люди, — писал он о казаках, — преследуют татар и подвергаются опасностям войны. Как мужественные львы, охраняют они все христианство; почти каждый из них может назваться Гектором. Слава этого народа распространена всюду и останется за ним во веки-вечные, хотя бы Польша и погибла».

Казаки в своей борьбе с татарами всегда опирались на широкие массы народа и были с ними тесно связаны. Казачество, явившееся следствием шляхетского закрепощения широких украинских народных масс и польской хозяйственной колонизаторской политики, представляло собой огромную социальную силу. Запорожское казачество не раз совершало свои смелые набеги на Крым и турецкие города — Синоп, Трапезунд. Тысячи пленных украинцев, работавших в качестве гребцов на галерах, освобождались смелыми запорожцами. В ответ на набеги казаков крымские татары нападали на восточные границы Польши, жгли их замки, уносили с собой богатую добычу и уводили пленных.

Паны оказались не в состоянии организовать оборону своих границ. Польские паны стремились военной силой уничтожить казачество, стереть его с лица земли. Когда же это не удалось, они решили по возможности ограничить количество и силу казаков путем привлечения к себе на службу наиболее зажиточных слоев казачества для охраны восточных границ, и вместе с тем они хотели таким образом внести раскол в среду украинского народа, используя казачество как силу для борьбы с крестьянами. С целью расколоть казачество были заведены реестры (списки), в которые заносилось определенное число зажиточных казаков. Последние, находясь на службе у польского правительства, получали от него жалованье и некоторые пра-

¹ Цит. по монографии Костомарова «Богдан Хмельницкий», стр. 29. 1904.

² Там же, стр. 32.

Семья украинского крестьянина.

Цветная литография В. Тимма.

ва на владение своей землей. Казаки, включенные в реестр, назывались реестровыми. Центром местожительства реестровых были Черкассы и Канев.

Но и реестровое казачество не представляло собою однородную социальную группу. В его среде образовалось две прослойки: казацкая старшина и рядовое реестровое казачество. Первые считали себя польскими шляхтичами и ориентировались в своей политике на Польшу; вторые, вышедшие из среды крепостного крестьянства, были антагонистами казацкой старшины и польского феодально-крепостнического строя. Нереестровых казаков было всегда во много раз больше чем реестровых. Центром нереестрового казачества, формировавшегося из беглых крестьян и мещан, и являлась Запорожская Сечь. Она не подчинялась официальным законам Речи Посполитой и имела свои законы, свои внутренние порядки, выборных старшин, сохраняла свой язык и свою православную веру.

2

Украинский народ терпел не только экономический и политический гнет, но и гнет национально-религиозный. Паны и

иезуиты действовали по старому иезуитскому правилу — поговорке «*Cuius regio, ejus religio*» («Чья власть, того и вера»). Они строили костелы, закрывали православные церкви, заставляли православных переходить в католичество.

Паны хотели ополячить и окатоличить украинский народ, с тем чтобы оторвать его от единого Московского государства, от братского русского народа. Это им не удалось. Украинский народ ненавидел католичество, которое было тесно связано с насилием и гнетом польских панов, с иезуитской инквизицией. Энгельс подчеркивал это различие в национальности и вере между угнетателями (польскими панами) и угнетенными (украинскими крестьянами и мещанами), когда говорил, что в Польше «большая часть населения восточных провинций была православной веры... Это были главным образом крепостные, в то время как их благородные господа почти все были римско-католической веры; по национальности эти крепостные были малороссами»¹.

Более двухсот лет вели католики борьбу за церковную унию, то есть за ссдинение западной и восточной церкви под властью

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 160

Знатный шляхтич на Украине.

XVII—XVIII века.

папы римского. Уния рассматривалась как переходная ступень к католицизму. Католикам помогали папа римский Климент VIII, польские магнаты и часть высшей иерархии православной церкви, добивавшаяся уравнивания в правах с польскими епископами. На церковном соборе в Бресте в 1596 году уния была утверждена. Энгельс указывает, что «с тех пор (т. е. с конца XVI века. — Б. Ш.)... дворянство Белоруссии и Малороссии сильно ополячилось»¹.

Но широкие массы украинского и белорусского народов остались недоступными влиянию унии и католицизма. Именно украинские крепостные, как подчеркивает Энгельс, «сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии»². Польские паны не допускали неуплатов ни к выборным должностям в городах, ни к торговле и ремеслу. Под видом распространения обрядов и догматов католической церкви распространялся гнет польских панов над украинским и белорусским народами. Поэтому борьба против унии была национально-освободительной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XVI, Ч. 2-я, стр. 10—11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XIII, Ч. 1-я, стр. 160.

борьбой против польского владычества на Украине, борьбой за национальную независимость, за национальную культуру, за связь с единоверным Московским государством, с близким украинцам русским народом. Во всех восстаниях украинского народа против панского гнета (конец XVI и первая половина XVII века) одним из первых требований было уничтожение унии.

С конца XVI века широкие массы украинского народа вместе с массами казачества поднялись на борьбу со своими притеснителями — польскими и ополячившимися украинскими панами — за свою национальную независимость. С конца XVI и на протяжении всей первой половины XVII века восстания повторялись почти ежегодно, часто охватывая всю Украину. Наиболее крупным восстанием этого периода было восстание 1591—1596 годов, охватившее воеводства Киевское, Брацлавское и Волынское. Во главе этого восстания вначале стоял Криштоф Косинский, а после его смерти (май 1593 года) — Григорий Лобода (гетман реестровых) и Северин Наливайко (гетман нереестровых). Казацко-крестьянское войско Наливайко встретило поддержку со стороны мещан Брацлавщины и крестьян Волыни.

В 1594—1595 годах Наливайко занял города Брацлав и Луцк. Восстание охватило и Белоруссию: Могилев и Пинск подняли восстание против католических захватчиков. Против восставших в начале 1596 года выступил коронный гетман Жолкевский. Он беспощадно расправлялся по пути своего следования с мирным населением, желая «потопить пожар в холопской крови».

Казацко-крестьянская армия столкнулась с хорошо организованной польской армией под начальством гетмана Жолкевского. После двух упорных боев, под Белой Церковью и Острым Камнем, казаки, сохранив свои боевые силы в полном порядке, отступили на левый берег Днепра. Вскоре после этого, получив свежее подкрепление, Жолкевский окружил восставших недалеко от Лубен, на реке Салоницах (приток реки Сулы).

К этому времени внутри казацкого лагеря обострились отношения. Часть реестрового казачества во главе с гетманом Лободой искала соглашения с поляками. Однако противники этого соглашения — сторонники борьбы с Польшей — убили Лободу. Война продолжалась. После долгой осады, измученные голодом, осажденные сдались. Руководителей восстания увезли в Варшаву и там их «неслыханно жесточайшей казнью помергвили»³. Наливайко

³ Летопись Самовидца, стр. 370. 1878.

после 10-месячного тюремного заключения казнили в апреле 1597 года.

Жестокие репрессии, проводимые Жолкевским, не могли заставить украинский народ сложить оружие. Причины, которые вызывали это народное восстание, попрежнему оставались в силе. Бегство посполитых (крестьян и мещан) в Запорожье усилилось.

Для первой половины XVII века характерным являлись непрерывный рост восстаний народных масс против панского гнета и унии, с одной стороны, и стремление польского правительства (через постановления сейма и решения специальных комиссий) ограничить количество и права казачества — с другой.

Польские шляхтичи были напуганы противофеодальным казацко-крестьянским движением. Они хотели бы совсем уничтожить реестровое казачество, но военные авантюры заставляли их увеличивать его численность. Часть казацкой старшины находилась на службе у панов и оказывала им полную поддержку в их военных авантюрах, в надежде укрепить свое социально-экономическое положение. Так, гетман Сагайдачный принимал участие в Московском походе Владислава 1617—1618 года и спас польское войско от полного уничтожения. Численность реестровых выросла до 40 тысяч человек. Было опасно держать такую громадную вооруженную армию, которая могла направить свое оружие против панов. Паны стремились освободиться от излишка военной силы и ограничить количество реестровых. Часть казацкой старшины действовала сообща с панами. Она думала не о защите интересов своего народа, а об устройстве своих дел.

Куруковские статьи (от 5 ноября 1625 года) полностью передавали в руки казацкой старшины управление реестровым казачеством. В благодарность за это казацкая старшина должна была оставить только 6 тысяч реестровых казаков, а остальных, называвшихся «выписчиками», вернуть польским панам.

Следствием Куруковского договора было усиление панского гнета и появление многотысячной армии неправых «выписчиков». Они должны были вернуться в прежнее крепостное состояние. Своим центром они сделали Запорожскую Сечь. Так, по официальному донесению польскому королю, в мае 1629 года их было уже до 40 тысяч. Поэтому не удивительно, что именно в Запорожье вспыхнуло в 1630 году новое восстание. Во главе восстания встал Тарас Федорович, гетман «выписчиков», избранный на Запорожье.

Тарас выступил с запорожским войском в Корсуни (Киевщина) и при поддержке корсунских мещан разгромил находившийся

Казачий старшина. Рис. Васильковского.

там польский гарнизон. В этом бою часть реестровых казаков перешла на сторону восставших. Победоносным маршем казацко-крестьянское войско прошло от Запорожья до Переяслава, где были сосредоточены главные силы народного восстания. Выступившая против восставших огромная польская армия во главе с коронным гетманом Конецпольским разрушала на своем пути мирные украинские села и местечки (Лисенка и Димер на Киевщине и др.), убивая всех встречных, не исключая женщин, детей и стариков, «былебы тилко Русин был».

Жестокая трехнедельная борьба под Переяславом закончилась 22 мая 1630 года полным разгромом польской армии. В этот решающий день Польша потеряла больше людей чем за три года войны со Швецией. Сам Конецпольский едва не попал в плен. Польские паны узнали, что значит сила восставшего украинского народа.

Об этом походе Конецпольского на Украину в Львовской летописи записано следующее: «1630. Гетман Конецпольский ходил за Днепр козаков зносити. Людей много стратил и сам ледве ся выпес; але предця гарматы им зоставил и познал що козаки!.. Поводають, же триста велце знач-

...згинуло; вшиткого
... до десяти тысяч згинуло»¹.
Эту победу под Переяславом над коронным войском воспел народный поэт Т. Г. Шевченко в своем произведении «Тарасович». В результате поражения польской армии количество реестровых было увеличено на одну треть. Таким образом был нарушен Куруковский договор, которым так дорожили польские паны.

3

Запорожская Сечь стала центром все участвовавших народных восстаний против польских панов. Чтобы не допустить беглых из Украины на Запорожье, польское правительство в июле 1635 года выстроило замок на правом берегу Днепра, на первом днепровском пороге, называемом Кодакким. Отсюда и название замка — Кодак. Но в августе этого же года запорожские казаки во главе с Сулимою разгромили Кодак и уничтожили находившийся в нем немецкий гарнизон. Подкупленная польскими панами, часть старшины реестровых обманым образом схватила Сулиму и его товарищей и отправила их в Варшаву, где они были четвертованы. На рядовых участников разрушения Кодака также посыпались жестокие репрессии.

¹ «Русский исторический сборник» под ред. Погодина. Т. III, стр. 230. Москва. 1833.

В 30-х годах XVII века притеснения польских старост и панов дошли до крайних пределов. Народные массы Украины были доведены до отчаяния. Усилилось бегство из Украины в земли Московского государства. На Украине расставлено было кварцное (постоянное) войско, попиравшее украинские обычаи, издевавшееся над украинским народом.

На казачьей Раде в августе 1636 года решено было захватить артиллерию (артиллерию), уйти на Запорожье и начать восстание. Осенью того же года восстал Чигиринский полк. Большая часть его ушла на Запорожье, захватив с собою при этом пушки из Киева. В октябре 1636 года коронный гетман Конецпольский доносил польскому правительству, что «молодцы двинулись уже на Запорожье, имея при себе артиллерию и много чоек (лодок)».

Симеон Окольский² писал, что «неприятель (т. е. украинский народ.— Б. Ш.), не мало не страшась королевского могущества, вновь поднял мятежную казачью саблю, угрожая всем польским гетманам, сенаторам и самому королевскому величеству»³.

² Монах Доминиканского ордена, сопровождавший польское войско в 1637—1638 годах на Украину.

³ Все ссылки на Окольского печатаются по «Мемуарам, относящимся к истории Южной Руси». Изд. Киев, 1890 г., дневник Симеона Окольского 1637—1638 гг., стр. 168—282.

Этот момент и можно считать началом широкого народного восстания 1637 — 1638 годов.

Во главе восстания стал Павел Михнович Бут, известный в истории под именем Павлюка. Он был соучастником Сулимы в разгроме Кодака и лишь по счастливой случайности избежал казни в Варшаве.

16 мая 1637 года Адам Кисель, представитель польского правительства на Украине, доносил королю о волнениях в Черкассах и о том, что «люди везде продают волов и лошадей и покупают самопалы». Сторонники Павлюка широко развернули агитацию против казацкой реестровой старшины, разоблачая ее предательскую роль в деле Сулимы. В конце мая или в начале июня 1637 года Павлюк напал на Корсунь, захватил там войсковую артиллерию, все войсковые регалии и увез их на Запорожье. По казацкой традиции, это означало, что Павлюк сбросил всю поставленную польскими панами казацкую старшину и взял власть в свои руки. Павлюк выступил с «выписчиками» из Запорожья и стал лагерем у Крылова. С целью поднять пародные массы на восстание и схватить поставленную панами старшину Павлюк выслал сильный передовой отряд во главе с полковниками Карпо Скиданым и Семеном Быховцем, людьми настойчивыми, предприимчивыми и хорошими агитаторами.

В своем Универсале к реестровым от 12 августа 1637 года Павлюк требовал выдачи всех изменников, предавших Сулиму, и других предводителей нереестровых и предлагал сплотить все силы в борьбе против панов. В начале сентября к Павлюку привели агентов польских панов Савву Кононовича (гетмана реестровых), Онушкевича (писаря реестрового войска) и других предателей, которых судили, по казацкому обычаю, на Раде, а затем казнили. Павлюк обратился к донским казакам за помощью в борьбе с панами. Обращение Павлюка к донским казакам было не случайно. Донские казаки не раз вместе с запорожскими в первой четверти XVII века совершали морские набеги на турецкие берега. Призыв Павлюка не остался без ответа: донцы прислали ему на помощь отряд казаков. Из Крылова Павлюк двинулся с войском к Лубнам, где 11 октября 1637 года издал и разослал по всей Украине Универсал: «Ко всему посполитому народу рода христианского, жительствующему в Украине¹ за Днепром и по всей Северщине». «Долшло до нас,— писал Павлюк в Универсале,— верное известие, что неприятель нашего христианского народа русского и на-

¹ Имеется в виду Поднепровье.

Запорожский герб. XVII век.

Гос. Исторический музей.

шей древне-греческой веры, ляхи, задумали зло, идут в Украину и за Днепр и хотят пролить кровь христианскую, учинить поругание над женами и детьми нашими и окончательно нас поработить». Поэтому Павлюк призывает всех, «от мала до велика», покинуть свои занятия и собраться к нему для отпора польским войскам.

Призыв Павлюка организовать повстанческие отряды нашел живой отклик среди народных масс. «Крестьяне, — писал Окольский, — быстро образовали отряды, которые нападали на шляхетские дома, города и замки».

Чрезвычайно важным моментом для роста недовольства масс и вместе с ним сил восстания явился неурожай и вызванные им голод и дороговизна 1637 года. Это было результатом хищнической эксплуатации и гнета польских панов на Украине. Еще больше подлило масла в огонь то, что жолнеры опустошали украинские земли, умерщвляли жен и детей украинцев и предавали поруганию православные церкви.

Конецпольский поручил польному гетману Николаю Потоцкому подавить восстание. Последний собрал огромную армию, состоявшую из шляхетских отрядов, жолнеров, наемных немецких и венгерских солдат, отрядов украинских панов и части реестровых.

Восстание все более разрасталось. Повстанцы громили имения крупнейшего магната Левобережной Украины Перемии Вишневецкого. В имениях Адама Киселя крестьяне восстали под предводительством Мурки и Носки, и Кисель вынужден был бежать. В Ромнах восстало 10 тысяч крестьян. В Киеве действовал отряд Кизима, а в Лубенщине — его сын Кизименко. В Переяславе организовывал отряды полтавец Яков Острянин. Восстание охватило

также Нежинское воеводство Николая Потоцкого. Польный гетман доносил королю из Украины в конце ноября, что «на Заднепровье все до единого показались. Княжеские (И. Вишневецкого. — Б. Ш.) города Ромны и др. дают большие купы свободных и мой Нежин тоже пристал к ним».

Народные массы усиленно готовились к восстанию. Пользуясь замешательством в польском войске (в связи с несвоевременной выплатой жалованья жолнерам), крестьяне обмолачивали хлеб на токах и прятали зерно в ямах, по полям и в лесах для восставших, что было очень важно в такой неурожайный год.

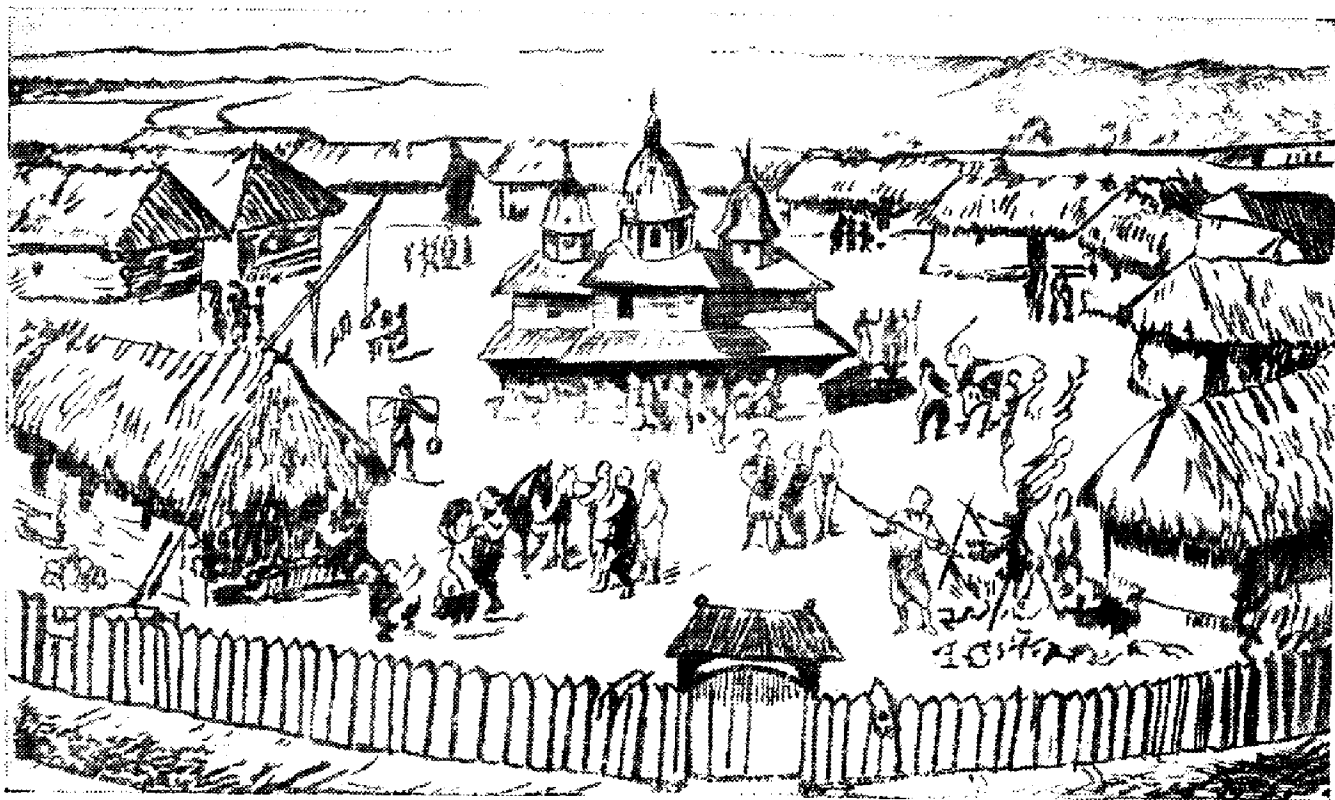
Универсал Потоцкого, требовавший перед началом военных действий подчинения польским панам, не имел успеха. На этот Универсал Скидан ответил, что «казаки уже не позволят больше выписывать себя, уменьшать свое сословие, да дурачить себя комиссиями». Сам Потоцкий писал, что народные массы «более верили Универсалам Скидана, которые летали повсюду одни за другим», в то время «когда Универсалы гетмана не имели большого влияния».

Польское войско насчитывало 14 тысяч профессиональных и хорошо обученных солдат. Войско же Павлюка, по признанию самого Потоцкого¹, было всего немногим больше 10 тысяч человек (Окольский говорил о 23 тысячах, что явно преувеличено), причем восставшие были плохо во-

¹ Донесение Потоцкого Конецпольскому от 9(19) декабря 1637 года.

оружены, некоторые даже не имели ружей и были вооружены рогатинами, косами и секирами, но шли «смело и сердито».

Польское войско встретилось с восставшими у с. Кумейки 6 декабря 1637 года. Вначале Павлюк под Мошнями напал на отряд известного шляхетского разбойника Самуила Лаши, разбил его и, преследуя по пятам, наткнулся на главные силы польских войск. Выйдя из Мошен, где они укрепились, повстанцы очутились на открытой равнине перед Кумейками. Войско Павлюка оказалось здесь в худших условиях чем польское войско: в лицо повстанцам дул ветер, приносящий дым от подожженного с. Кумейки. Но Павлюк подбодрял свое войско, и оно шло вперед «с развевающимися знаменами, с пушечными выстрелами и громкими возгласами», давая отпор хорошо вооруженным силам неприятеля. «Ни одна из хоругвей (польских), — писал очевидец, — проникших в табор (казацкий), не вышла оттуда без потери». Сам гетман Потоцкий писал, что казаки дрались с необычайной храбростью: «Кому не хватало оружия, били жолнеров оглоблями и дышлами». Ожесточенная резня продолжалась целый день, и в этом сражении было «слишком много пролито шляхетской крови» (Окольский). В особенности большие потери понесли наемные венгерские и немецкие хоругви. Однако перевес сил был на стороне неприятеля, и восставшие вынуждены были отступить. С наступлением ночи они сомкнули свой лагерь и под руководством известного казацкого полковни-

Запорожская Сечь.

По рисунку XVIII века.

Запорожские казаки на привале.

Гос. Исторический музей.

ка Дмитрия Томашевича-Гуни в организованном порядке отошли к Боровице.

Павлюк, Скидан и другие ушли в Черкассy с целью подготовить подкрепление. Оттуда Павлюк прибыл в Боровицы. Он рассчитывал перейти на левый берег Днепра, укрепиться там и привлечь к себе силы восставших с Заднепровья, но наступавшие поспешно полчища неприятеля отрезали путь к переходу на левый берег. Кроме того в лагере восставших начались беспорядки, инициаторами которых были реестровые и агенты польских панов, имевшие здесь в немалом количестве. Реестровые выбросили мирное знамя и просили начать переговоры. Участник этих переговоров с польской стороны, главный советник панов по вопросу о мерах подавления народных восстаний на Украине Адам Кисель пригласил будто бы для переговоров Павлюка и других руководителей восстания. Но как только последние удалились от лагеря восставших, они вероломно были схвачены, арестованы и отправлены в Варшаву, где их жестоко казнили. Скидан, бывший в это время в Чигирине, услышав об этом предательстве, ушел на Запорожье. Видя измену реестро-

вых, «выписчики» ушли на левую сторону Днепра. Вместе с ними ушел и Гуня.

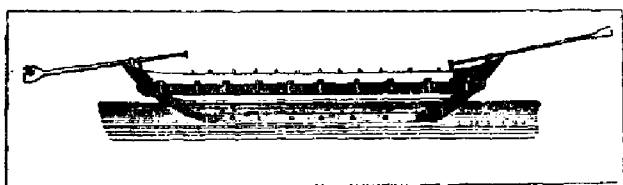
Казацко-крестьянская война с польскими панами срывала всю политику верхушки казацкой старшины в отношении шляхетской Польши. План «ясновельможных» панов — внести расслоение в среду крестьянства и с помощью реестрового казачества держать его в повиновении — не оправдался. Реестровые казаки не пошли дорогой соглашения с польскими панами. Верхи казацкой старшины остались изолированными в своей политике ориентации на шляхетскую Польшу.

4

14 декабря 1637 года реестровым казакам был навязан «договор», согласно которому во главе реестровых поставлен был верный агент польских панов Ильяш Каранмович. Казаков обязали держать стражу на Днепре и сжечь свои челны, чтоб не ходить за море и т. д. Наступила тяжелая пора «пацификации» (умиротворения) Украины.

Польский король Владислав IV разослал Универсал ко всем старостам и городским

Лодка запорожских казаков.

Гос. Исторический музей.

властям, в котором призывал жестоко расправляться мечом и огнем с восставшими, где бы они ни появились. Николай Потоцкий и за ним все польские паны неслыханно жестоко расправлялись не только с восставшими, но и с мирным населением. Возвращаясь в свои поместья, пан Потоцкий приказал по всему пути своего следования от Ирклеева (Полтавщина) до Нежина (Черниговщина) поставить «для страха» виселицы с искалеченными трупами восставших. «Расставив по дорогам сторожами перекрестков десять сотен казенных, я покажу на них пример сотне тысяч... Не для чего иного приехал я в Нежин, как для того, чтобы видеть этих злодеев на колыях собственными глазами», — доносил Потоцкий Конецпольскому.

В Нежине Потоцкий казнил руководителя местного восстания Пирого и пять его товарищей. Из Нежина Потоцкий уехал в Киев. На другой день по приезде в Киев он велел посадить на кол руководителей восстания Левобережья — Кизима и Кизищенко, а третьего руководителя, Куша, обезглавить.

Чтобы предотвратить народные восстания на Украине, среди гущи населения расквартировано было постоянное войско, причинявшее населению невыносимые страдания. Бурное возмущение вызвало на Украине постановление сейма (февраль 1638 года), которое носило название «Ординация (учреждение) войска Запорожского». Это постановление «на вечные времена» уничтожало все казачьи льготы и доходы и право казаков самим чинить суд и выбирать старшину. Вместо гетмана у казаков должен был быть старший (комиссар) от польских панов. Есаулами и полковниками могли быть лишь польские шляхтичи, верные Речи Посполитой. Количество казаков было установлено в 6 тыс., остальные возвращались в крепостное состояние. Казакам запрещалось жить в городах, а мещанам не разрешалось вступать в казачество. При комиссаре была создана специальная гвардия для борьбы со «своевольем». Решено было также восстановить Кодак. Реестровые должны были нести сторожевую службу на Запорожье и не допускать походов на море. Беглых, бежавших из Украины на Запорожье, на-

до было ловить и передавать на расправу губернатору Кодака.

Для захвата Запорожья был послан в марте 1638 года крупный отряд под начальством ротмистра Мелецкого. Но запорожцы во главе с Гупей разгромили отряд Мелецкого. Сам Мелецкий едва спасся.

Гетманом на Запорожье был избран популярный среди казаков полковник Острянин, отец которого был замучен поляками. Во время восстаний Павлюка Острянин организовал повстанческие отряды на Полтавщине.

Из Запорожья рассылали людей по всей Украине, призывая к новому восстанию. Послали также просить помощи у донских казаков, с которыми запорожцы были тесно связаны. Перед выступлением из Запорожья на Украину Острянин в Универсале от 20 марта 1638 года, описывая неслыханный социальный и национально-религиозный гнет украинских народных масс под игом польских панов, сообщил «Всему посполитому народу малороссийскому», что он идет «с войском на Украину Малороссийскую для освобождения... вас, народа нашего православного, от ярма, порабощения и тирательства ляхского мучительства и для отмщения нанесенных обид, разорений и мучительских перуганий... всему простому народу русского племени, живущему в Малой России, по обеим сторонам Днепра». Острянин призывал широкие массы украинского народа присоединиться к запорожцам, когда они придут на Украину, «против ляхов неприятелей своих», а пока «извольте готовить и кормить коней своих, также добывать и устраивать доброе, исправное оружие с надлежащим к нему запасом, т. е. порохом и пулями, а также заготовляйте себе и съестные походные запасы»¹.

Призыв Острянина нашел живой отклик на Украине. Население готовило порох, продукты для восставших и даже больницу в Терехтемирове. Восстание охватило не только Украину, но и Волынь, Галицию, Подолию. В начале апреля 1638 года Острянин выступил с запорожцами на Украину. Когда об этом услышал Станислав Потоцкий (брат Николая Потоцкого), который был тогда в Нежине, он поспешил с жолнерами и реестровыми к Срибне, чтобы встретить Острянина в степи и разгромить, не допустив в глубь Украины. Но этот план потерпел крах. Запорожцы двинулись двумя колоннами: одна колонна во главе со Скипаном направилась сухопутным путем, по правому берегу Днепра, на Чигирин; другая, двинувшаяся по Днепру на лодках под водительством Острянина, заняла Кременчуг и разгромила мест-

¹ Универсал помещен в летописи Величко. Т. IV, стр. 133—146. 1864.

ный польский гарнизон. Из Кременчуга Острянин двинулся с войском через Хорол и Омельник к Голтве (при впадении реки Хорол в реку Псел) и занял позицию между Голтвой и Пслом. Туда же прибыло (5 мая 1638 года) польское войско под начальством Потоцкого. Часть реестровых присоединилась к восставшим, другая часть реестровых во главе с Ильяшем Карамовичем перешла к полякам.

Для пробного наступления Потоцкий создал крупный передовой отряд, состоявший из двух полков немецкой пехоты, нескольких тысяч реестровых и хоругви Мелецкого. Этот отряд должен был захватить мост и близлежащий замок. Но лишь только поляки вступили на мост, восставшие встретили их усиленным оружейным огнем и тотчас же подожгли мост. Поляки отступили.

С наступлением сумерок битва прекратилась.

Потоцкий приказал за ночь навести мост через Псел, чтобы утром начать новое наступление. Со своей стороны Острянин приказал части своего войска зайти полякам в тыл и отрезать им путь к отступлению. В тылу у польской конницы казаки навалили на дорогах столбы, ветки и устроили засады в котловинах. К утру 6 мая мост еще не был готов. Показавшиеся перед казацкими окопами два полка немецкой пехоты были полностью уничтожены. Такая же участь постигла и многие польские хоругви, в особенности конницу, не имевшую возможности развернуться. В этот день, по свидетельству казацкого летописца Самуила Величко, поляки потеряли 3½ тысячи человек из общего количества войска в 9800 человек, причем среди погибших насчитывалось большое количество командного состава. Это подтверждается свидетельством львовско-русской летописи, «бо ся сами ляхи раховали же мовили, непомнемо негда такой... жебы так шляхты, коронных панов погинуло як ту». Особенно «немцов, шо их барзо много погинуло»¹.

Польская армия быстро отступила к Лубнам. Победа Острянина под Голтвой освободила от панского гнета всю крайнюю Юговосточную Украину—территорию между Пслом и Ворсклюю. Через эти земли Острянин мог свободно общаться с запорожскими и донскими казаками, со Слободской Украиной, входившей в состав Московского государства и ставшей за последнее время убежищем и опорным пунктом украинских повстанцев. Острянин объявил войску, что «ляхи постыдно бежали», двинулся вслед за поляками к Луб-

нам, надеясь, что по пути к нему присоединятся отряды восставших и донских казаков, которые шли ему на помощь. Однако битву под Лубнами (16 мая) Острянину пришлось начать с утомленным войском и без подкрепления, которое еще не подоспело.

Отдохнувшая и получившая подкрепление со стороны конницы Вишневецкого и других шляхетских отрядов, польская армия, не давая Острянину укрепиться, сразу начала бой. Хотя перевес сил был на стороне поляков и восставшие оказались в трудном положении, они храбро сражались, и неприятельские полчища, по признанию Окольского, понесли «большие потери людьми и лошадьми». С наступлением ночи Острянин отступил вверх по Суле и укрепился под Жовниным, при устье Сулы.

Тем временем отряды Путивльца (в котором были донские и запорожские казаки) и Сокирявого, пришедшие на помощь Острянину, потерпели поражение. С приходом Острянина все поречье Сулы восстало. Одни лишь Ромны дали более 10 тысяч восставших. На правом берегу Днепра повстанческие отряды под предводительством Соломы и Саввы Киевлянина захватили города Ржищев, Терехтемиров, Триполье и др. Это помогло Острянину уничтожить все переправы по Днепру. Восстание охватило тылы польской армии: левобережные войска поляков и Северщину. Отряд выступившего против восставших подстаросты Черниговского был разгромлен, и сам он погиб.

В это же время Скидан и Быховец неоднократно нападали на Переяслав с целью уничтожить укрепившихся там и поддерживающих связь между Лубнами и левым берегом Днепра реестровых казаков. Массы восставшего крестьянства шли к Острянину из Уманщины. Потоцкий донесил, что восставшие «рассыпались по городам и по всей Украине, давая знать об успехах борьбы с поляками, призывая собираться и бить панов-ляхов». Весь правый берег Днепра до самого Киева находился в руках восставших народных масс. Отряд Пестера Бардаченко напал на Киев и заставил его гарнизон закрыться в крепости. Лишь неожиданный приход польской армии спас гарнизон от разгрома.

К началу июня вся польская армия с большим количеством пушек неожиданно напала под Жовниным на казацкий лагерь. Развернулись военные действия в невиданных до сих пор размерах. Уход Острянина не посеял, однако, паники в казацко-крестьянском войске. В этот день казаки дрались с беспримерным героизмом. Гетманом был избран известный казацкий полководец Дмитро Томашевич-Гуня. Он

¹ «Русский исторический сборник» под ред. Погодина. Т. III, стр. 259. 1838.

Крестьянско-казацкие восстания конца XVI века и 30-х годов XVII века.

чрезвычайно ловко отвел лагерь восставших из-под Кумеек к Боровице и оттуда ушел в Запорожье. Там он был избран кошевым атаманом. В ночь с 11 на 12 июня Гуня, «оборонною рукою» отбиваясь от нападения польских орд, перевел свое войско на устье реки Старец, впадающей в Днепр (теперь урочище Старец).

Лагерь на новом месте был так укреплен, что иностранные инженеры, которые находились в польском войске, осматривая прочные валы, шанцы, батареи и брустверы, удивлялись находчивости и изобретательности Гуни. Львовско-русская летопись пишет об этом лагере, что «казаки стали и оточились так потужне, хотя бы килка лет их доставали, то бы их не доставали». Все попытки Потоцкого взять лагерь штурмом не увенчались успехом. Тогда поляки решили взять лагерь измором. Потоцкий приступил к планомерной осаде. Чтобы лишить восставших подкрепления, он разослал во все стороны отряды, рассеивавшие крестьян, спешивших на помощь осажденным. Поляки сжигали близлежащие села, уничтожали мирное население.

Несмотря на грабеж и экзекуцию, на отсутствие продуктов и подкрепления, осажденные делали чрезвычайно смелые вылазки, в результате которых поляки несли большие потери. Когда Потоцкий предложил осажденным принять «ординацию» 1638 года, они с возмущением отвергли это предложение. Осажденные заявили, что требуют такого мира, который был бы «без угнетения для нас самих, — так и для убогих невинных людей без пролития крови».

Но, будучи отрезанными со всех сторон, осажденные после долгого мучительного ожидания потеряли надежду на получение нового подкрепления и продовольствия. Потоцкий же, не видя никакой возможности взять казацко-крестьянский лагерь штурмом и учитывая, что в польском лагере было чрезвычайно много убитых, раненых и больных, проявил инициативу в вопросе о заключении перемирия.

Согласно перемирию, заключенному 7 августа 1638 года, осажденные и осаждавшие отошли в разные стороны. Сам Гуня ушел в Московскую землю и этим спас себя от жестокой мести поляков. Казацко-

крестьянское войско категорически отказалось признать «ординацию» 1638 года, и Потоцкий обещал ее не вводить. «Над рекою Старицею,— говорит летопись Самовидца,— войною ляхов победили, где уже ляхи, мир учинивши с козаками, присягли, что не будут вольностей их нарушать и не метитимутся. Но потом присягу зломивши».

Однако это перемирие не остановило восстания. Из одного донесения Потоцкого мы узнаем о крупных восстаниях, которые имели место уже после перемирия. Восстание охватило всю Роменщину. Восставшие разгромили шляхетский замок и убили много шляхтичей. Потоцкому пришлось спешно выслать в Роменщину наемную немецкую пехоту. Последняя встретила ожесточенный отпор со стороны роменских крестьян, укрепивших свой лагерь на Суле. Подобные восстания имели место в Гадяче и в других местах.

Но казацкая старшина пошла на компромисс с польскими панами. 7 августа при заключении перемирия старшине трудно было на глазах стоявшего внушительного казацко-крестьянского войска идти на открытое соглашение с польскими панами, с Потоцким. Но уже на Киевской Раде 9 сентября старшина предательски капитулировала. Фактически признав «ординацию» 1638 года, введение которой состоялось на Раде 4 декабря 1638 года на Урочище Маслов Став (Киевщина).

Украинский летописец Самуил Величко подчеркивает, что трудное положение народных масс еще более обострилось «позавартих з козаками у Маслового—Ставу помисльних им, поляком пахтах, целиком уже славу, честь и заслуги войска запорозкого испразнили били и уничтожили; а народ Малороссийский посполитой и шляхтний себе поработили и незноснии бедстви обложили»¹.

Период после восстания 1637—1638 годов до национально-освободительной войны украинского народа против панской Польши 1648—1854 годов был временем, «когда на Украине,— как говорит Величко,— от ляхов злюбные беди и крайние разорения... делатись не переставали».

Но этот период был также периодом агонии польского господства на Украине.

Борьба украинского народа против панов и панского гнета ни на минуту не прекращается. Меняются лишь формы борьбы. Движение накапливает силы и завершается к концу этого десятилетия всенародным восстанием, которое и смело с лица украинской земли польских панов. Усиливается тяга украинского народа к единственному Московскому государству.

Из польской неволи и панского гнета казаки и посполитые бежали в пределы Московского государства, где встречали теплый прием. Уходы в Московское государство приняли массовый характер. Именно в этот период появился термин «Слободская Украина», возникший в связи со слободами и городами (Харьков, Изюм, Сумы, Острогожск и др.), основанными в пограничной полосе Московского государства.

По наличию полого убежища от панского гнета пока не уменьшило значение Запорожской Сечи. Боплан писал, что, вопреки запретам и репрессиям польского правительства, «более отважные из крестьян спасаются на Запорожье».

За 10 лет в Сечи накопилось такое количество недовольных беглых из Украины, что отсюда стало возможным начать национально-освободительную войну украинского народа против панской Польши, растянувшуюся на много лет.

По словам летописца Самовидца, на Украине было создано под водительством Богдана Хмельницкого всенародное ополчение, охватившее все население Украины.

Это ополчение прошло триумфальным маршем от Запорожья до берегов Вислы. Оно нанесло уничтожающие удары полчищам польских панов под Желтыми Водами, Корсунем и Пилявою в 1648 году, под Зборожем и Зборовом (Галиция) в 1649 году, под Винницею в 1651 году, под Батогом в 1652 году, под Монастырищем в 1653 году и т. д.

В этой борьбе взоры и надежды украинского народа все чаще обращались к Московскому государству, к братскому русскому народу, с которым его связывало и все историческое прошлое и общие задачи в борьбе против панской Польши, татар и турок.

И не удивительно, что после первых разгромов польских армий под Желтыми Водами и Корсунем Богдан Хмельницкий обратился с просьбой к царю Алексею Михайловичу «принять Украину под свою государеву руку», т. е. присоединить Украину к Московскому государству, к братскому русскому народу.

Переяславским договором 8 января 1654 года Украина была присоединена к России — этим самым Украина избежала участи быть поглощенной султанской Турцией или панской Польшей. Поэтому заключение переяславского договора превратилось на Украине во всенародное торжество: «По всей Украине увесь народ з охотою тое ученил... и не малая радость межк народом стала»², — пишет летописец Самовидец.

¹ Летопись Величко. Т. IV, стр. 292. 1864.

² Летопись Самовидца, стр. 22. 1846.

После освобождения Украины от польского гнета стали теснее экономические и культурные связи между русскими и украинскими народами.

На протяжении 285 лет, которые прошли со времени переяславского договора, историческая действительность знает много фактов совместной борьбы русского и украинского народов против многочисленных общих врагов, борьбы за свою национальную независимость, за свое социальное освобождение.

Украинские рабочие и крестьяне смогли освободиться от гнета капиталистов и помещиков русских, украинских, польских и немецких, от гнета царского самодержавия и иноземного порабощения лишь при помощи братского русского пролетариата. Украина могла стать и стала свободной лишь благодаря единству революционной борьбы русских и украинских пролетариев. Об этом писал Владимир Ильич Ленин в 1913 году в своей работе «Критические заметки по национальному вопросу»: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи»¹.

Эти слова великого Ленина подтверждены дальнейшим ходом исторического развития. Украинские рабочие и крестьяне, ведя борьбу за советскую власть на Украине, победили потому, что им помог русский народ, потому, что они боролись под знаменами советской власти и коммунистической партии, что ими руководили и эту победу организовали великие гении пролетарской революции Ленин и Сталин. По планам и под непосредственным руководством товарища Сталина разгромлены были желто-блукитные банды Петлюры, белогвардейская армия Деникина и полчища панской Польши.

Под руководством Ленина и Сталина в борьбе против троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических выродков, продававших свою страну и свой народ фашистам, Украина стала Советской социалистической республикой, цветущим и могущественным социалистическим государством рабочих и крестьян. «Украинский народ с ненавистью относится к буржуазным националистам, ко всем этим подлым шпионам любченкам, хвылям, затонским и другой нечисти. Эти изверги, отбросы человечества,

прокляты трудящимися Советской Украины. На них делали ставку польские, немецкие фашисты. С помощью этих врагов украинского народа фашисты хотели забалить цветущую Советскую Украину. Не вышло и не выйдет во-веки! Всякого, кто посягнет на землю свободолюбивого украинского народа, ждет участь подлых буржуазных националистов, проклятие народа и уничтожение, как бешеных собак!» — говорил тов. Хрущев в своей речи на XVIII съезде партии.

В союзе с братским русским народом и при его помощи, под непосредственным руководством товарища Сталина цветущая Советская Украина стала великой индустриальной страной, родиной стахановского движения, страной металла и необъятных колхозных полей, страной высокой культуры. СССР — могучий форпост СССР на западе. Советская Украина стоит как гранитная скала, о которую разобьются все и всякие захватнические попытки врагов. За последнее время в буржуазной западноевропейской и американской печати много кричат о том, «что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине... Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козьявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших»².

История знает немало фактов о походах на украинские земли немецкой «крестносной сволочи», польских панов и венгерских феодалов. Но история знает, что все эти авантюры кончались позорным крахом. Украинский народ громил немецких «исоврыцарей», венгерских феодалов и польских шляхтичей, а затем вместе с героическим русским народом под знаменами партии Ленина—Сталина в великой отечественной войне 1918—1920 годов одержал всемирноисторические победы над интервентами. Он будет вместе со всеми народами Советского Союза беспощадно громить врагов и в будущих боях за полную победу коммунизма во всем мире.

¹ В. И. Ленин «Статьи и речи об Украине», стр. 229. Партиздат ЦК КП(б)У. 1936.

² И. Сталин. Отчетный доклад ЦК ВКП(б) на XVIII съезде ВКП(б), стр. 14.

**БАГДАДСКАЯ
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА
(БЕРЛИН—БОСФОР—
БАГДАД)**

1

Крайняя неравномерность и скачкообразность капиталистического развития в эпоху империализма особенно ярко проявились на примере Германии. К концу XIX века мир был уже поделен. Хищный германский империализм, не довольствуясь теми колониями и сферами влияния, которые он успел захватить к этому времени, начал бешеную подготовку к войне за передел мира. «Война 1914 года, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — была войной за передел мира и сфер влияния. Она задолго готовилась всеми империалистическими государствами. Ее виновники — империалисты всех стран.

В особенности же эта война готовилась Германией и Австрией, с одной стороны, Францией, Англией и зависимой от них Россией — с другой»¹.

Грабительская, агрессивная политика германского империализма, одного из главных виновников мировой войны, всячески замазывалась Покровским и его «школой». В лекциях «Внешняя политика России в XX в.» (1925—1926 гг.) Покровский изображал вильгельмовскую Германию невинной жертвой русско-франко-английского заговора, т. е. повторял рассказы германских шовинистов об «окружении» Антантой миролюбивой Германии. Покровский проявлял более снисходительное отношение к германскому империализму чем ряд буржуазных авторов. В то время как многие из них признавали тот факт, что «окружение» являлось ответом на германскую экспансию во всем мире, Покровский заявляет буквально следующее: «...складывается громадная коалиция против Германии, которая и заставила Германию воевать»².

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 155.

² М. Н. Покровский «Империалистическая война». Сборник статей, стр. 406. 1934 (курсив наш.— В. В.).

Продолжая защиту германского империализма, Покровский утверждает, что последний «в ужасе отпрянул от идеи мировой войны с участием Англии, а его соперники готовили уже именно мировую войну с широтой целей и энергией средств поистине беспримерной»³. «Война не посредственно была спровоцирована русской военной партией», — уточняет Покровский. Вильгельмовская Германия, вся дипломатическая деятельность которой была наполнена грубейшими, наглыми провокациями, выступает у Покровского как жертва провокации.

В своем стремлении во что бы то ни стало снять ответственность за империалистическую войну с германского империализма М. Н. Покровский не останавливается перед прямым извращением очевидных фактов. Так, в статье «Русские документы империалистической войны» (1930 г.), помещенной позднее в качестве предисловия к I тому сборника документов «Международные отношения в эпоху империализма», Покровский вопреки этим документам, тенденциозно цитируя только письма тех русских дипломатических агентов, которые были настроены германофильски, заявляет:

«Из всех документов, которые мы пока процитировали, — совершенно не видно одного — германского империализма»⁴. Очевидно, понимая всю чудовищность подобного утверждения, Покровский оговаривается, что, мол, германской дипломатии не принадлежала «активная роль» именно на «русском участке». Но эта оговорка явно фальшива. Никакого особого «русского» участка, где будто бы германский империализм вел себя тихо и скромно, не было. И на Балканах, и на Ближнем Востоке, и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке переплетались и сталкивались интересы целого ряда империалистических держав. В частности на Ближнем Востоке Германия (и отчасти Италия, пытавшаяся кое-что урвать за спиной своего союзника⁵) угрожала интересам Англии, Франции и России. В документах, в которых Покровский не захотел увидеть отражения хищнической деятельности германского империализма, буквально почти на каждой странице речь идет то о подчинении всей турецкой армии германскому генералу Ли-

³ М. Н. Покровский «Как возникла мировая война», стр. 16. 1932.

⁴ М. Н. Покровский «Империалистическая война», стр. 370 (курсив автора).

⁵ Перед войной Италия входила в Тройственный союз с Германией и Австро-Венгрией. Во время мировой войны, надеясь получить из рук Антанты большую добычу чем от Германии, она переметнулась в противоположный лагерь.

Карикатура на Вильгельма II (слева) и Эдуарда VII, помещенная в венском юмористическом журнале «Блоха», 1903 год.

ману фон Сандерсу, то о получении Германией преобладающего влияния в комиссии оттоманского долга¹, то об усилении германского проникновения в Персию, то о германо-итальянских интригах по вопросу о восточных железных дорогах (турецких дорогах, перешедших к Сербии и Греции после балканских войн), и т. д., и т. д.

Ознакомление с содержанием этих документов сразу же разбивает фальсификации и тенденциозные утверждения «школы» Покровского. Документы говорят о том, что и на Ближнем Востоке, так же как и во всех других узловых пунктах, где сталкивались интересы империалистических держав в довоенный период, германский империализм играл роль застрельщика в деле разжигания и приближения мировой империалистической войны.

2

Германская экспансия на Ближнем Востоке имела многообразные формы и методы и была важным моментом в борьбе Германии за передел мира.

Оттоманская империя (как именовалась в то время султанская Турция), хотя и потерявшая много владений за предшествующие десятилетия, все же включала в себя области с большими естественными богатствами (в частности нефть) и области, имевшие огромное военно-стратегическое значение, как Малая Азия, Сирия, Палестина, Месопотамия (Ирак) и Аравия, кото-

¹ Эта комиссия, состоявшая из представителей финансовых групп великих европейских держав, захватила в свои руки источники доходов султанской Турции в покрытие кабальных займов, в свое время предоставленных Турции этими державами.

рые лежали на морских путях или вблизи путей, соединяющих Великобританию с ее владениями в Северной Африке (Египет с зоной Суэцкого канала) и в Азии (Индия и т. д.). В руках Турции оставались проливы, образующие выход из Черного моря. Малоазиатские владения Турции граничили с русским Закавказьем, а также с Персией, которую Россия и Англия поделили на сферы влияния. Франция и Англия имели в Оттоманской империи обширные торговые и финансовые интересы.

Германский империализм стремился к полному подчинению Турции. Он добивался решительного вытеснения экономического влияния Англии и Франции, жедая овладеть рынком сбыта и сферами приложения капиталов этих держав. Германия жаждала захватить в свои руки мусульскую нефть и другие, имеющие первостепенное значение естественные богатства Турции и одновременно занять превосходные стратегические позиции против Англии и России.

Одним из ревностных агентов германского империализма оказался не кто иной, как германский император Вильгельм II.

В 1903 году в венском юмористическом журнале «Блоха» была помещена карикатура на германского императора Вильгельма II и его дядю, английского короля Эдуарда VII, являвшегося вместе с тем его ожесточенным политическим противником. Оба монарха изображены в виде раз'ездных коммивояжеров, ведущих такую беседу:

«1-й коммив. Меня зовут Эдуард-Король. Я раз'езжаю для поддержания прежних связей.

2-й коммив. Очень приятно встретиться. Меня зовут Вильгельм-Кайзер. Я раз'езжаю для отыскания новых мест сбыта».

Художнику нельзя отказать в меткости.

Он удачно разоблачил лживость бесконечных устных и письменных разглагольствований о различии характеров германского и английского народов, о противоречии двух национальных «духов», о личной семейной ссоре племянника с дядей и т. д., которыми прикрывались истинные причины англо-германской предвоенной борьбы. Германский император и английский король являлись коронованными агентами господствующих капиталистическо-помещичьих групп Германии и Великобритании. Ожесточенная борьба финансовых олигархий обеих стран, борьба, ареной которой служил весь мир, находила наглядное выражение в деятельности племянника и дяди. Оба миропомазанных коммивояжера усердно разжигали пламя мировой бойни. Кровь миллионов трудящихся, пролитая во время империалистической войны по вине господствующих классов Германии, Великобритании и их союзников, падает прежде всего на таких ревностных служителей империализма, какими являлись Вильгельм II Гогенцоллерн и Эдуард VII Саксен-Кобург-Готский¹.

Вильгельм II, доведенный придворными льстецами до мании величия, сопровождал каждую затею германского империализма провокационным бряцанием оружия, оскорбительными и грубыми выпадами против соседних стран (нынешние фашистские диктаторы стараются перещеголять его в этом отношении). Наглая болтовня кайзера нередко приводила в ужас даже германских дипломатов и их хозяев: банкиров, промышленников и аграриев. То, что они старались скрыть и замаскировать, Вильгельм, этот не блестящий умом истеричный фанфарон и хвастун, доводил до сведения всего мира. Хитрый, сдержанный Эдуард, всегда действовавший строго по шпаргалке английского «форейн офис» (министерство иностранных дел), умело использовал выступления Вильгельма II для сколачивания блока против Германии.

Связь обеих коронованных особ с финансовыми кругами носила не просто идейный, а весьма материальный характер. Члены английского и германского царствующих домов были одновременно крупнейшими помещиками и капиталистами. Друзьями Эдуарда VII были финансисты вроде Касселя и Мекстона. Что касается Вильгельма II, то этот любитель феодально-абсолютнистского этикета, объявлявший себя «последним рыцарем-крестоносцем», был в то же время расчетливым и жадным капиталистом-дельцом. Не довольствуясь колоссальными земельными владениями, десятками доходных имений, замков и т. д., не довольствуясь собственными фабриками

и участием в ряде предприятий, он свой цивильный лист (императорское содержание) сделал объектом циничных финансовых афер. Вильгельм трижды добивался повышения цивильного листа и полученные деньги вкладывал в различные промышленные (заводы Круппа), банковские (Немецкий банк) и колониальные предприятия. Накануне своего позорного бегства в Голландию от народного гнева (1918 г.) он успел отложить и прикарманить последние 1,8 миллиона марок. Как известно, Веймарская буржуазная республика возместила впоследствии Вильгельму его убытки от потери имений, замков и фабрик.

Забываясь о собственном кармане, Вильгельм беспокоился и о других отечественных финансистах, людях, близких ему по духу и интересам. Так например в октябре 1904 года кайзер писал русскому царю Николаю II: «Надеюсь, ты помнишь о моем давнишнем предложении и не забудешь заказать новые линейные корабли. Мои частные фирмы охотно примут заказ»².

В связи с падением Порт-Артура он писал по тому же адресу совершенно в коммивояжерском стиле: «Теперь ты, надеюсь, не забудешь напомнить своим ведомствам о наших больших фирмах в Штеттине, Киле и т. д. Я уверен, что они доставят тебе прекрасные типы военных судов»³.

Закадычным другом Вильгельма II был пушечный король Фридрих-Альфред Крупп. Когда этот последний—ревностный защитник престола, бога и нравственности, громивший в рейхстаге «безбожных и безнравственных» красных—был уличен прессой в педерастии и от позора застрелился (1902 г.), Вильгельм произнес на его похоронах хвалебную речь, прерывая ее бешеными нападками на социал-демократов.

Исключительным расположением Вильгельма пользовался и Артур фон Гвиннер—с 1894 по 1919 год бессменный директор Пемецкого банка, зять крупнейшего банкира с международными связями Филиппа Шнейера, друг американских миллиардеров Дж. П. Моргана и Дж. Дж. Хилла. С величайшим почтением принимал Вильгельм и иностранных финансовых хищников, если только они были достаточно богаты.

«Никогда еще ни один наследник старинной правящей династии,— писал один биограф Вильгельма,—так рьяно не искал знакомства с богатыми людьми, как кайзер, который не только принимал в Киле и Норвегии приглашенных королей долларов, но для приема 26-летнего сына Ван-

¹ Эдуард VII не дожил до мировой войны. Он умер в 1910 году.

² Э. Людвиг «Последний Гогенцоллерн», стр. 183. Л. 1929.

³ Там же, стр. 163—164.

Вандербильт¹ приказал привести в надлежащий вид замок Мариенбург»².

3

Одним из важнейших методов германского империализма в деле порабощения Османской империи и всего Ближнего Востока было сооружение железных дорог. Железнодорожное строительство, как известно, занимает очень важное место в империалистической политике грабежа колониальных и зависимых стран. Являясь формой вывоза капитала в колониальные и зависимые страны, железнодорожное строительство открывает для финансовой олигархии стран-метрополий возможности двойной наживы: путем железнодорожных займов, заключаемых обычно на кабальных условиях, и путем сбыта стране, получившей заем, железнодорожных строительных материалов (рельсы, мосты, станционное оборудование и подвижной состав: паровозы, вагоны и т. д.). Железные дороги, как правило, получают обширную полосу отчуждения по обе стороны линии, что открывает новые возможности для вывоза капитала: путем создания различных подсобных предприятий, оборудования портов, паромных линий и т. д.

Железные дороги служат могущественным средством экономического и политического подчинения областей, по которым они проходят. По ним выкачивается из закабаленной страны ценное сырье, по ним ввозятся товары из страны-метрополии, по ним развозятся сборщики налогов и всяческие агенты последней, перебрасываются войска в случае возникновения недовольства или возмущения эксплуатируемых жителей. Сплошь и рядом железные дороги строились в период завоевания колоний буквально по пятам наступающих войск империалистической державы.

«Постройка желдором кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием, — писал Ленин, — такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического раб-

¹ Вандербилты — «династия» американских финансовых олигархов, основавших свое состояние на грандиозных биржевых спекуляциях, мошеннических аферах и зверской эксплуатации десятков тысяч подвластных им рабочих. Соединяя в своих руках промышленные предприятия, железные дороги и банки, Вандербилты располагали в 1901 году состоянием в 775 миллионов долларов.

² Э. Людвиг «Последний Гогенцоллерн», стр. 183.

ства, и в глазах мелко-буржуазных филистеров. На деле капиталистические сети, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колонии плюс полукolonии), т.-е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»³.

Германское железнодорожное строительство в Османской империи сочетало все только что перечисленные черты и сыграло немаловажную роль в подготовке вооруженной борьбы за передел мира.

Ленин в своей замечательной книге «Империализм, как высшая стадия капитализма», в главе «О финансовом капитале и финансовой олигархии», приводит следующее характерное признание издателя немецкого журнала «Банк»: «Издатель журнала «Банк» Альфред Лансбург писал в 1909 г. статью: «Экономическое значение византизма», по поводу, между прочим, поездки Вильгельма II в Палестину и «непосредственного результата этой поездки, постройки Багдадской железной дороги, этого рокового «великого дела немецкой предприимчивости», которое более виновато в «окружении», чем все наши политические грехи вместе взятые», — (под окружением разумется политика Эдуарда VII, стремившегося изолировать Германию и окружить ее кольцом империалистского противогерманского союза)»⁴.

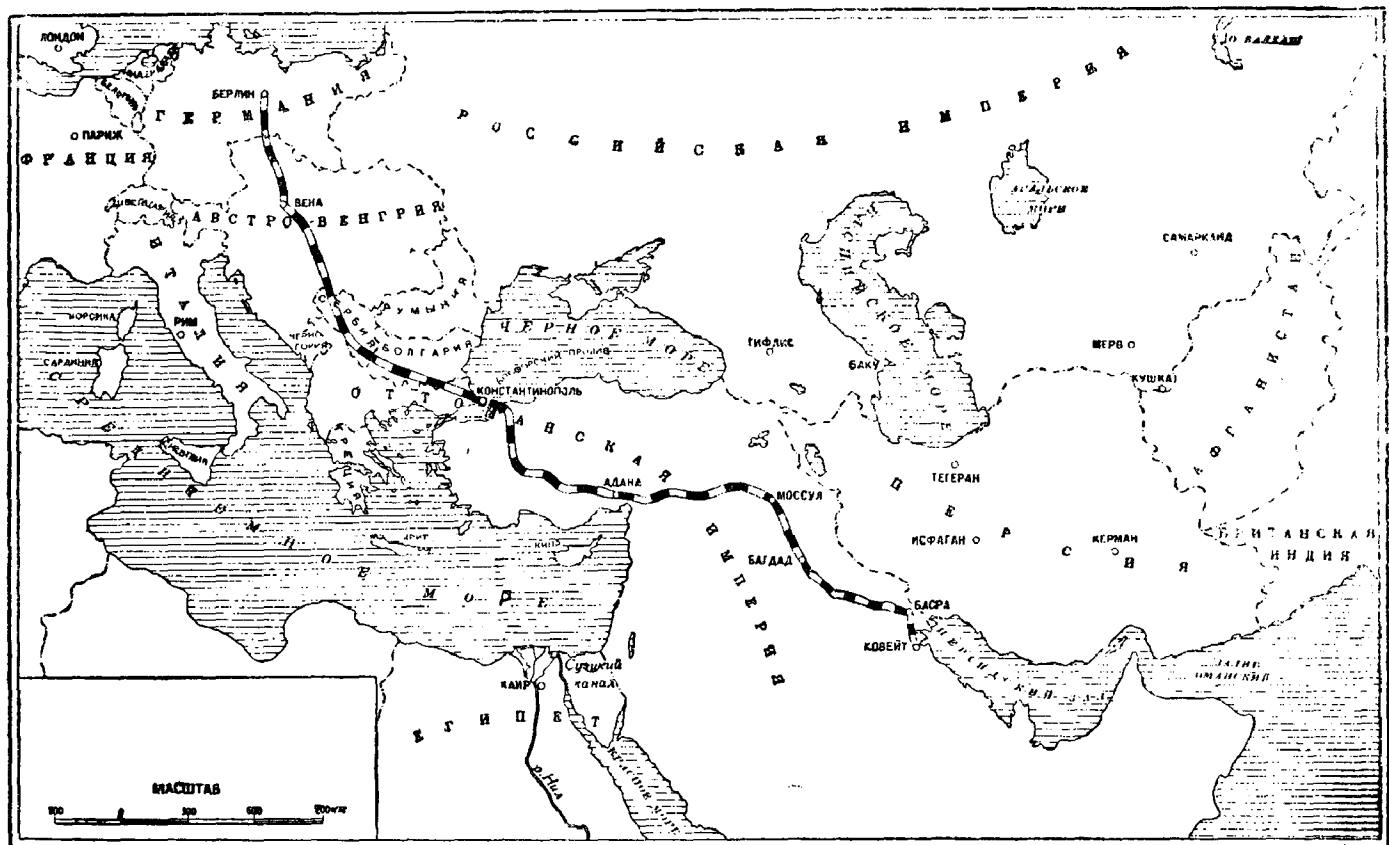
До 80-х годов в Османской империи существовали лишь короткие железнодорожные линии, принадлежавшие англичанам или французам. Эти линии, как правило, шли внутрь страны от приморских городов и служили дополнением к морским путям.

Еще в 70-х годах XIX века немецкий инженер Прессель по поручению крупного австрийского банкира, концессионера и биржевого спекулянта М. Гирша выступил с обширным проектом трансасиатской дороги от Константинополя до Кувейта (у Персидского залива). Но в то время этот проект не мог быть осуществлен по причине недостаточной финансовой мощи как Гирша, так и других австрийских и германских капиталистов, поддерживавших Пресселя. Однако его проект вызвал сильное беспокойство в других странах, прежде всего в России, Англии и Франции.

С 80-х годов экономическое, политическое и военное проникновение германского империализма в Турцию быстро усиливалось. Душой этого проникновения был

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 74

⁴ Там же, стр. 117.

Проект дороги Берлин — Босфор — Багдад с выходом к Кувейту.

Немецкий банк — самая мощная организация германского финансового капитала.

Основанный в 1870 году со специальной целью финансирования германской торговли и предприятий за границей (особенно в колониальных и зависимых странах), этот банк, формально частный, но всячески поддерживаемый германским правительством, играл исключительную роль в развитии германской колониальной экспансии. Этот Немецкий банк открыл отделения и депозитные кассы не только по всей Германии, но также в Амстердаме, Константинополе, Софии и т. д. Его филиалом был Немецкий заморский банк. До Гвиннера директором банка был Георг Сименс, банкир и железнодорожный концессионер, член рейхстага (не смешивать с электротехником Сименсом).

Ленин приводит следующее место из работы немецкого буржуазного экономиста Шульце-Геверница, посвященное положению Немецкого банка в 1909 году: «Немецкий банк» («Deutsche Bank»), управляющий, вместе с примыкающими к нему банками, суммой около 3 млрд. марок, является рядом с прусским управлением государственных железных дорог, самым крупным, и притом в высокой степени децентрализованным, скоплением капитала в старом свете»¹.

Группа Немецкого банка была одна из самых крупных, если не самая крупная, из всех групп больших банков. Приведем данные об участии первой, второй и треть-

ей степеней Немецкого банка в немецких и иностранных банках, Ленин указывает: «Всего в группу «Немецкого банка» входит, прямо и косвенно, целиком и отчасти, 87 банков, а общая сумма капитала своего и чужого, которым распоряжается группа, определяется в 2—3 миллиарда марок.

Ясно, что банк, стоящий во главе такой группы и входящий в соглашения с полдюжиной других, немного уступающих ему банков, для особенно больших и выгодных финансовых операций, вроде государственных займов, вырос уже из роли «посредника» и превратился в союз горстки монополистов»².

В 1888 году Немецкий банк стал добиваться концессии на строительство железных дорог в Малой Азии.

Поощряемый Вильгельмом, Немецкий банк основал «Общество азиатских железных дорог». «Общество» выкупило построенную англичанами дорогу от Хайдар-паши (азиатский берег Константинополя) до города Измид (485 километров от Анкары) с тем, чтобы довести ее до Анкары.

Вначале «Общество» держалось сравнительно тихо и пыталось не портить отношений с англо-французскими капиталистами. Но по мере того, как во внутренней политике Германии решающим фактором становился блок финансового капитала и юнкеров, усиливались агрессивные действия германского империализма. Осенью 1889 года Вильгельм поехал в Констан-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 94.

² Там же, стр. 95—96.

тинополь, где всячески старался убедить турецкое правительство в преимуществах германского «покровительства». Через этого своего коронованного агента германский финансовый капитал подготовлял почву для осуществления широких планов железнодорожного строительства. Когда в 1893 году азиатская дорога дошла до Анкары, германский империализм вновь поставил вопрос о проведении дороги к Персидскому заливу, иначе говоря о Багдадской дороге.

Название «Багдадская» было присвоено этому плану оттого, что новая магистраль должна была проходить через этот всемирноизвестный город. Поскольку конечной целью германского финансового капитала было соединение Персидского залива через Константинополь (на берегу Босфора) с германской сетью, то проект всей магистрали в целом называли для краткости «проектом дороги трех Б» (Берлин — Босфор — Багдад).

Немецкий банк был душой всего дела. Конспектируя книгу Эйдельса «Отношение крупных банков к промышленности», Ленин несколько раз касается вопроса о роли Немецкого банка в постройке дороги. Империалистический характер задуманного предприятия и тесная его связь с финансовым капиталом неоднократно подчеркивались Лениным.

«Но собственно характерным случаем,— пишет Ленин,— являются новейшие экзотические железнодорожные начинания и восточно-азиатские предприятия совместно участвующих с Германско-азиатским банком крупных банков... Это уже «звено в завоевании хозяйственной области» (190) (Багдад,— Китай и т. д. колонии)»¹. Предпоследняя фраза отчеркнута Лениным с указанием «мой курсив». В другом месте Ленин говорит: «...Какую богатую возможность дает такое предприятие, как Багдадская железная дорога, Немецкому Банку предоставлять работу дружественным ему предприятиям!»².

«Общество азиатских железных дорог» приступило к изучению вариантов трассы Анкара — Багдад — Персидский залив. Немецкий банк зондировал почву в мировых финансовых кругах. Министерство иностранных дел, подстрекаемое Вильгельмом, сносившись с иностранными правительствами, надеясь обмануть их бдительность и представить все предприятие в виде международного дела культурного значения.

На самом деле дорога «трех Б» в случае успешного ее завершения угрожала

интересам Англии, России и Франции. Соединив свою железнодорожную сеть с железными дорогами балканских стран и азиатских владений Оттоманской империи, Германия получила бы широкие возможности для превращения этих стран в свои полукolonии. Выход этой дороги к берегам Персидского залива имел целью держать под ударом британские владения в Индии, русские владения в Закавказье и в Средней Азии, французские торговые и денежные интересы на всем Ближнем Востоке и особенно в Сирии.

Трассу к Багдаду можно было вести двумя направлениями: через турецкую Армению (Сивас — Эрзерум) и далее, к югу, или через южную часть Малой Азии.

Первый вариант, непосредственно грозивший интересам царизма, был встречен таким решительным отпором со стороны царской России, что Германия решила избрать иное направление на Багдад. Была взята концессия от Эскишехира (город между Измидом и Анкарой) до Конии. Дальнейший дипломатический нажим России заставил Германию проектировать направление дороги от Конии к югу. Такой вариант строительства ставил под угрозу в первую очередь английские интересы, и британская дипломатия, все время усиленно провоцировавшая столкновение Германии с Россией в Малой Азии, была в большом беспокойстве.

Следует отметить, что к этому времени Германия уже обгоняла своих конкурентов в деле железнодорожного строительства в Турции. В 1898 году Великобритании принадлежало 440 километров оттоманских дорог, Франции — 1266 (частично не оконченных или непригодных для эксплуатации), Германии — 1020 километров (в том числе вышеназванная линия Эскишехир — Кония длиной в 444 километра).

4

Наступал решительный этап борьбы за Багдадскую дорогу. До сих пор были построены лишь небольшие головные участки дороги Хайдар-Паша — Измид — 91 километр, Измид — Эскишехир — 174 километра, Эскишехир — Кония — 444 километра (всего 709 километров).

Теперь же предстояло построить от Конии через Багдад до Персидского залива около 2300 километров, не считая боковых путей.

Подготавливать дипломатическую почву для получения концессии на Багдадскую линию в Оттоманскую империю поехал сам Вильгельм II (сентябрь 1898 года), вдруг объявивший себя другом магометан. За кайзером в Турцию прибыли инжене-

¹ Ленинский сборник XXII, стр. 235. Партиздат. 1933.

² Там же, стр. 289.

ры, финансисты и военные советники. В 1899 году был издан султанский указ с обещанием дать Германии концессию на дорогу. Германской дипломатии оставалось уладить дело с другими державами.

Страны будущей Антанты действовали далеко не единодушно и не последовательно. Каждая из них старалась перевести удар с себя на соседа, откупиться от германского империализма чужим добром. Французские железнодорожные концессионеры в Сирии, которым проведение дороги «трех Б» через Сирию грозило полным вытеснением их влияния из этой области, оказывали Гвиннеру и его коллегам всяческое содействие, так как им обещали предоставить равное участие в строительстве Багдадской дороги.

В 1899 году образовалось «Оттоманское имперское общество Багдадской железной дороги» во главе с Гвиннером. Французские железнодорожные компании также вложили туда капиталы. Никакого влияния на политику «Общества» французы, понятно, не оказывали, а их средства служили для осуществления планов германских империалистов, враждебных интересам Франции. За солидный дивиденд эти господа были готовы содействовать усилению мощи германского империализма. Принимал участие в финансировании строительства также и друг Гвиннера американский финансовый олигарх Дж. П. Морган.

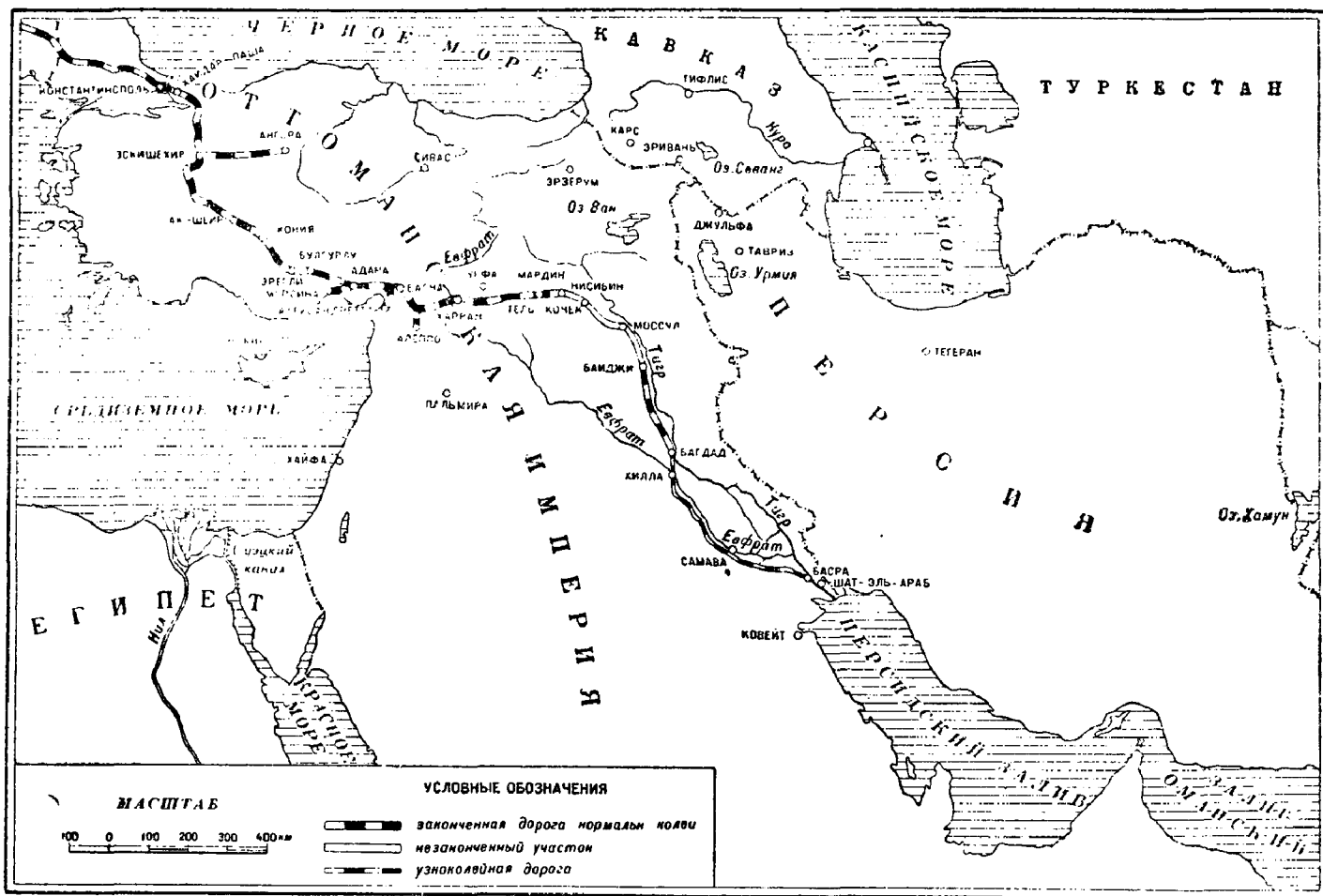
В 1902—1903 годах «Оттоманское имперское общество Багдадской железной дороги» добились от султанского правительства концессии, вполне соответствовавшей германским планам. По договору (конвенции) от 15 марта 1903 года, «Общество» получило огромные привилегии. Все необходимые строительные материалы (как правило, германского происхождения) допускались в Оттоманскую империю беспошлинно. «Общество» приобретало право сооружать свой собственный речной флот для транспортирования этих материалов. «Общество» могло организовать и эксплуатировать (не платя налогов) все необходимые подсобные предприятия, как то: кирпичные заводы, лесоразработки и лесопильные заводы, копи и рудники — в пределах 20-километровой полосы. При этом подразумевалось, что на строительных, подсобных и транспортных работах будет использоваться дешевая рабочая сила местных жителей. После окончания строительных работ дорога получила право беспошлинного ввоза угля, а также безвозмездного использования водной силы для сооружения электростанций, предназначенных для обслуживания самой дороги и всех подсобных предприятий.

Не ограничиваясь сооружением одних лишь рельсовых путей, «Общество» могло в дополнение к ним организовать водное пароходное сообщение, строить порты (в частности в Багдаде, Басре), товарные склады и пр. Финансовая сторона договора также была чрезвычайно выгодна для «Общества». Турецкое султанское правительство за счет средств, выжатых из закабаленного, нищего местного населения, предоставляло «Обществу» гарантию, колеблющуюся (в зависимости от доходности дороги) между 11 и 15,5 тысячи франков (4,4—6,1 тысячи рублей золотом) за километр. Не доверяя платежеспособности султанской Турции, «Общество» оговорило, что гарантийные платежи будут передаваться в виде облигаций займа, приносящего 4% годовых, сроком на 99 лет. Таким образом турецкое правительство должно было стать вечным должником Немецкого банка на солидную сумму — около четверти миллиарда рублей, — хотя ни копейки из этой суммы оно не брало в долг. Право выкупа дороги (ст. 19) было обставлено такими трудностями для султанского правительства, что практически выкуп становился невозможным.

Под этим договором, отдававшим турецкий народ в кабалу германскому финансовому капиталу и предоставлявшим Германии военно-стратегическое преобладание на Ближнем Востоке, значатся подписи султанского министра общественных работ Зихни-паши, Артура Гвиннера, управляющего «Обществом азиатских дорог», подвластным тому же Немецкому банку — Курта Цандера и др.

Некоторые британские финансовые и дипломатические круги думали было последовать примеру французских концессионеров и также принять участие в строительстве. Английские финансисты в погоне за прибылями были готовы помочь германским империалистам достроить на английские деньги магистраль, которая являлась прямой угрозой интересам Англии на Ближнем Востоке. Немецкий банк приветствовал такую комбинацию, заранее зная, что формально «интернациональное» управление дорогой будет прикрывать по-прежнему единоличное хозяйничание германского финансового капитала. Резкие выступления в английском парламенте и в печати помешали английским финансистам осуществить задуманные ими комбинации.

Следует отметить, что еще за два года до заключения изложенной выше конвенции английское правительство резко воспротивилось германским планам доведения дороги до Персидского залива. Зная, что Гвиннер и его друзья уже облюбовали порт Бовеит в качестве конечного участка для

Багдадская дорога к концу мировой войны.

дороги «трех Б» и что в Кувейте уже ведется подготовка для этой цели, Англия послала к Кувейту военные суда и объявила протекторат над этим портом.

Одновременно британская дипломатия добивалась привлечения Франции и России для выработки общей платформы борьбы с германской экспансией на Ближнем Востоке.

Английское, французское и русское правительства договорились о взаимно согласованных действиях. Финансовая поддержка иностранного капитала прекратилась. Это очень озаботило Немецкий банк. Правда, к октябрю 1904 года закончилось строительство участка Кония — Булгурлу (200 километров), и Вильгельм послал своему другу Гвиннеру хвастливую телеграмму: «...я счастлив, что германская инициатива преуспела в столь значительном продвижении этого большого предприятия, несмотря на встреченные при этом многочисленные трудности»¹.

Но «трудности» все возрастали, и темпы строительства резко замедлились. Приходилось пересекать трудную в техническом отношении местность — Таврский массив, — а денег, выколачиваемых султанским правительством из населения, в условиях финансового бойкота держав явно не хватало. Немецкий банк, согласно кабальным конвенциям 1903 года, требовал новых и новых платежей от Турции.

¹ Murdtet «Le chemin de fer de Bagdad», p. 144. 1914. Aurillac.

Разграбление «Обществом Багдадской дороги» последних остатков турецкой казны способствовало окончательной дискредитации в глазах трудящихся масс турецкого народа гнусного, продажного, кровавого режима султана Абдул Гамида и победе в 1908 году так называемой младотурецкой партии буржуазных конституционалистов. Германскому финансовому капиталу во главе с Немецким банком, а также и англо-французским кредиторам султанской Турции пришлось пережить немало беспокойных минут. Страх перед турецкой революцией на время даже сблизил соперничающие державы. «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контр-революционной коалиции европейских держав против растущего демократизма в Азии»², — писал Ленин в октябре 1908 года. Но младотурецкая буржуазная революция не решилась поднять руку на кабальные договоры с иностранцами. «Младотурков хвалят за умеренность и за сдержанность, — писал Ленин в той же статье, — т.-е. хвалят турецкую революцию за то, что она слаба, за то, что не пробуждает народных низов, не вызывает действительной самостоятельности масс, за то, что она враждебна начинающейся пролетарской борьбе в империи оттоманов, — и в то же самое время Тур-

² В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 358.

цию продолжают грабить попрежнему. Хвалят за то, что возможно продолжать по-старому грабеж турецких владений»¹.

Германская агентура сумела после прихода к власти младотурков усилить свои позиции в ущерб своим соперникам, взять в свои руки реорганизацию турецкой армии и т. д. При этом Гвиннер и К^о добились подтверждения нового соглашения, еще более кабального для Турции чем соглашение, разработанное в последние дни прежнего режима.

Однако события младотурецкой революции наряду с продолжающимся сопротивлением европейских держав все же задержали возобновление строительства, которое было прервано на целых шесть лет.

В 1910—1911 годах Германия, хотя и ценой серьезнейших уступок, добилась крупного дипломатического успеха: она сломала сопротивление России и Англии. Страх империалистических держав перед национально-освободительным движением на Ближнем Востоке толкал их на путь взаимных уступок и сговоров с целью подавления этого движения.

«Это — заговор, — писал Ленин о реакционном заговоре России, Австрии, Германии, Италии, Франции и Англии, — во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в Малой Азии, в Египте и т. д. и т. д.»².

В 1910 году было заключено так называемое потсламское русско-германское соглашение (опубликованное в августе 1911 года). Россия и Германия «урегулировали» персидские дела. За предоставление свободы закабаления северной Персии и подавления персидской революции Россия обязалась не только не мешать строительству Багдадской дороги, но и соединить ее впоследствии с проектируемыми североперсидскими и индоевропейскими дорогами. Французские финансисты тоже стали благосклоннее относиться к строительству Багдадской дороги. Только Англия пока что оставалась непримиримо враждебной плану выхода Германии к Персидскому заливу.

Германскому финансовому капиталу пришлось сделать крупнейшую уступку, отказавшись в особом дополнительном договоре от 21 марта 1911 года от постройки участка Багдад — Басра — Персидский залив³. Этот участок договорились пере-

дать в концессию международной компании с преобладанием английского капитала. Что касается участка от Бугурлу до Багдада, то против его завершения Англия перестала возражать.

После этого строительство двинулось вперед. Протяжение участков Багдадской дороги, открытых до мировой войны, составило (с ветками, дававшими немцам выход к морю) 914 километров.

Строительство происходило за счет беспощадной эксплуатации турецкого и сирийского населения. Квалифицированные рабочие, мастера, железнодорожный персонал вынуживались из Германии.

Однако вынужденное англо-германское соглашение 1911 года не разрешило основных противоречий Англии и Германии на Ближнем Востоке: Германия продолжала стремиться к Персидскому заливу и все более подчиняла Османскую империю своему влиянию. Англия со страхом и ненавистью следила за постройкой Багдадской дороги, желая вытеснить Германию из Турции и захватить Ирак и Аравию; ей вполне сочувствовали Франция, претендовавшая на Сирию, и Россия, претендовавшая на Турецкую Армению. Противоречия между державами не были ликвидированы, они только приобрели несколько более скрытый характер. В этом отношении показательно донесение русского военного агента в Лондоне генеральному штабу, посланное 14 января 1914 года, в котором сообщалось:

«...Утверждение германского влияния на Босфоре приведет, в конце концов, как бы к тому, что, как выразился Ремингтон, «германский генерал будет как бы держать в своих руках продовольствие Англии и в случае войны Англии с Германией...»

Помимо вышеизложенной крайне для Англии серьезной опасности, отмечается еще и та, что германское влияние на Босфоре приведет к усилению Германии в Малой Азии и к давлению Германии на английские сообщения с Индией»⁴.

После начала войны немцы продолжали строить дорогу. Так, в сентябре 1915 года был проложен Багдадский туннель к северозападу от залива Александретты, позволивший соединить некоторые ранее построенные участки. По ним перевозились герmano-турецкие войска, снаряжение и т. д. В военных действиях на Ближнем Востоке эти участки сыграли очень важную роль. Однако условия вой-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 358.

² Там же, стр. 363.

³ Басра — крупнейший порт на берегу Шатт-эль-Араба, т. е. общей дельты Тигра и Ефрата, в 91 километре от залива. Поскольку к Басре могут подходить морские суда, доведение железной дороги до Басры

уже равнозначно выводу к Персидскому заливу. Однако самые большие океанские суда (в частности военные) подходить к порту все же не могут.

⁴ «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III. 1914—1917 годы. Т. I, стр. 6—7. М. и Л. Соцэкгиз. 1931.

ны настолько мешали планомерному строительству дороги, что она так и осталась незаконченной на участке от Нусайбина (Нисибина) до Байджи. Кроме того от Багдада до Басры проложена не нормальная, а узкая, метровая колея.

Военный разгром германского империализма, падение вильгельмовской монархии, распад Османской империи, возникновение Турецкой республики во главе с Кемалем, раздел азиатских владений Турции между Англией и Францией — таковы были результаты мировой войны, в разжигании которой германскому империализму с его безудержной экспансией на Ближнем Востоке и, в частности, затеей постройки дороги «трех Б» принадлежит роль первого застрельщика.

Построенные участки Анатолийской и Багдадской дорог были по окончании войны разделены между странами, на территории которых они проходили. Часть отошла к Турецкой республике, часть — к Сирии, часть — к Ираку.

6

Уроки вильгельмовской империи не пошли впредь фашистским заправителям «третьей империи». Германский фашизм при поддержке своих союзников по «оси Берлин — Рим — Токио» усиленно старается отвоевать позиции, утерянные предвоенным германским империализмом на Балканах, в Турции и на всем Ближнем Востоке. Итальянский фашизм интригует в Палестине и Аравии, стремясь подчинить их своему влиянию. С востока к азиатским владениям Англии подбирается Япония. Кстати, и Япония в последнее время также начала мечтать об использовании бывшей Багдадской дороги для своих захватнических планов, разрабатываемых в контакте с фашистской Германией. По последним сообщениям английской печати, Япония выдвинула бредовый проект постройки «антикоминтерновской» железнодорожной магистрали Манчжоу-Го — Багдад — Берлин. От Багдада магистраль пойдет по тому же направлению, как ее проектировала в свое время вильгельмовская Германия. Все эти фашистские агрессивные страны уже предприняли ряд наглейших затей, ведущих к конфликтам и войнам, и энергично готовят новые захватнические планы.

Объектом итапо-германских интриг являлась и достройка участков бывшей Багдадской дороги. Франция, получив Сирию в качестве подмандатной территории, достроила в начале 1936 года линию от Нусайбина (на котором, как мы помним, оборвалось германское строительство) до Тель-Кочека на границе с Ираком. Англия упорно не хотела достраивать участок от

Тель-Кочека до Байджи, а равно и перестраивать дорогу от Багдада до Басры на нормальную колею прежде всего из стратегических соображений, поскольку другие части дороги находились в руках Франции и Турции. Когда же, наконец, иракское правительство добилось у Англии разрешения выдать концессию на строительство участка Байджи — Мосул — Тель-Кочек (277 километров), то 40% акций этой формально английской компании оказалось в руках... германского и итальянского капитала! Агрессоры мечтали уже о том, чтобы захватить в свои руки этот участок, распространить свое влияние не только на нефтяной район Мосула, но и на прежние зоны экспансии вильгельмовской Германии. Лишь после этого Англия, которая своей системой уступок агрессорам сама способствовала проникновению Германии и Италии в эту область, серьезно обеспокоилась и постаралась забрать контрольный пакет компании, строящей участок Байджи — Тель-Кочек, в свои руки. Это оказалось возможным ввиду финансовых затруднений компании, вызванных катастрофическим состоянием валютного фонда обеих фашистских стран.

«Отличительная черта второй империалистической войны, — говорится в «Истории ВКП(б)», — состоит пока что в том, что ее ведут и развертывают агрессивные державы, в то время как другие державы, «демократические» державы, против которых собственно и направлена война, делают вид, что война их не касается, умывают руки, пятятся назад, восхваляют свое миролюбие, ругают фашистских агрессоров и... сдают помаленьку свои позиции агрессорам, уверяя при этом, что они готовятся к отпору»¹.

Подобно тому как в период довоенного империализма страны Антанты забывали на время свою вражду к германскому империализму для совместной борьбы с национально-освободительным движением угнетенных народов, так теперь господствующие классы «демократических» держав идут на сговор с фашистскими агрессорами, так как «они еще больше боятся рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии»². Они боятся этих движений прежде всего потому, что империализм безвозвратно уничтожен на одной шестой части земного шара и угнетенные трудящиеся метрополий и колоний, имеющие перед глазами великий и счастливый Советский Союз, объединяют свои силы для борьбы с фашизмом, за победу пролетарской революции.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 318—319.

² Там же, стр. 319.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА НА УРОКАХ ИСТОРИИ СССР

Д. Ефимов

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В 10-м КЛАССЕ

Произведения Ленина и Сталина, «Краткий курс истории ВКП(б)», одобренный ЦК ВКП(б), и «Краткий курс истории СССР» под редакцией проф. А. В. Шестакова являются основными пособиями при прохождении курса истории СССР в 10-м классе. В качестве дополнительных пособий преподаватели используют лучшие произведения нашей советской художественной литературы. Изложенные в живой и занимательной форме, исторические события более прочно запоминаются учащимся, лучше усваиваются ими. Эмоциональное воздействие художественной литературы на учащихся используется в целях их коммунистического воспитания.

На первом уроке после ознакомления учащихся с программой по истории СССР и с главнейшими пособиями для изучения истории была проведена беседа о значении художественных произведений, правильно отображающих исторические события, и рекомендованы лучшие художественные произведения для внеклассного чтения.

При изучении первой темы программы 10-го класса — «Русско-японская война», — согласно плану, был отведен особый урок для разбора в классе статьи В. И. Ленина «Падение Порт-Артура». Отдельные высказывания Ленина иллюстрировались художественными отрывками из повести Новикова-Прибоя «Цусима». Так, бездарность царских генералов и адмиралов была продемонстрирована художественной характеристикой, данной Новиковым-Прибоем вицеадмиралу Бирилеву, «прославившемуся главным образом собиранием иностранных орденов» и «блестевшему не столько умом, сколько своими звездами» («Цусима». Ч. 1-я, стр. 40—45. Госиздат. 1934). Об адмирале Рожественском Новиков-Прибой писал как о человеке «болезненно самолюбивом, невероятно самонадеянном, вспыльчивом, не знавшем удержа в своем произволе, наводив-

шем страх не только на матросов, но и на офицеров» (там же, стр. 70—71). Чтобы показать, что наибольшей бездарностью и ничтожеством был «сам» царь Николай Кровавый, учитель привел описание свидания Николая II с Вильгельмом II в 1902 году (там же, стр. 54—59).

Отрывками из этого же произведения (парский смотр броненосца «Орел», стр. 53—54) было проиллюстрировано и положение Ленина о том, что «офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием» (Ленин. Т. VII, стр. 47).

В той же статье, «Падение Порт-Артура», В. И. Ленин указывает на техническую отсталость царской России, на «неумение обращаться с современными судами», на «отсутствие людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники» (т. VII, стр. 48). Военную и техническую неграмотность царской России мы показали, используя описание Новиковым-Прибоем учебной стрельбы и маневров эскадры.

Вот характерный отрывок: «Во всех четырех случаях мы спускали с «Орла» один и тот же щит. По нем палили со всей эскадры, пуская в ход крупную, среднюю и мелкую артиллерию. Не оставались без действия и пулеметы. Стреляли и с большого расстояния и с малого, приближаясь иногда до цели на шесть кабельтовых. Однако щит оставался невредимым, и, когда в последний раз вытащили его на палубу, на нем не оказалось даже ни одной царапины» («Цусима». Часть 1-я, стр. 222—223).

Говоря о царской армии, об ее технической неподготовленности, об ее бездарных, ничтожных полководцах, генералах и офицерах, учитель одновременно указывал на угнетенное положение матросов, которые в ужасных условиях, предаваемые своими адмиралами, мужественно боролись против японцев.

Учитель противопоставляет царской армии наши славные, доблестные Красную Армию и Флот, рассказывает об их технической оснащенности, об их героических бойцах, о любви, которой их окружает советский народ, о полном единстве и сплоченности бойцов и командиров Красной Армии и Флота.

В основу изучения цусимского сражения была положена статья В. И. Ленина «Разгром» (т. VII, стр. 335—338).

Для того чтобы ученики получили образное представление о картине этого двухдневного сражения, преподаватель использовал яркое описание цусимского боя, данное Новиковым-Прибоем («Цусима». Ч. 2-я).

Вторая тема программного материала — «9 (22) января — начало революции» — была разбита на два урока. На первом уроке преподаватель прочитал рассказ А. М. Горького «9 января». Для иллюстрации рассказа классу были показаны картины, изображающие отдельные моменты «кровавого воскресенья».

На втором уроке изучалась статья Ленина «Начало революции в России» (т. VII, стр. 79—81).

Предварительно учитель рассказал, что вождь революции, находившийся тогда в эмиграции, но неразрывно связанный с революционным движением в России, написал эту статью тотчас по получении известий о «кровавом воскресеньи». С гениальной прозорливостью Ленин оценил события 9 января как начало революции в России.

Чтобы оживить преподавание истории, одновременно с использованием на уроках истории художественной литературы привлекались в качестве иллюстраций лучшие кинофильмы. Проводя уроки «Массовое революционное движение» и «Октябрьская всеобщая политическая стачка», мы использовали не только повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий», но и одноименный фильм, а также фильм «Броненосец Потемкин».

Яркие, волнующие места кинокартины «Броненосец Потемкин» помогают учащимся представить себе картину восстания.

При рассказе о сдаче революционного броненосца румынским властям был зачитан в классе художественный отрывок из повести В. Катаева «Белеет парус одинокий», в котором описывается, как «Потемкин» был отведен из Констанцы в Севастополь:

«И вот на рассвете горизонт снова покрылся дымом. Это шла назад из Констанцы в Севастополь черноморская эскадра, таща на буксире, как на аркане, схваченного мятежника. Пустой, без команды, с машинами, залитыми водой, со спущенным флагом восстания, тяжело ныряя в острой зыби, «Потемкин» медленно двигался, окруженный тесным ковром дыма. Он долго шел мимо высоких обрывов Бессарабии, откуда молча смотрели ему вслед рабочие из экономий, солдаты пограничной стражи, рыбаки, батрачки... Смотрели до тех пор, пока вся эскадра не скрылась с глаз»

(«Белеет парус одинокий», стр. 12. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1937).

В заключение учитель приводит оценку значения этого восстания, данную в «Кратком курсе истории ВКП(б)»:

«Восстание это сделало для рабочих, крестьянских и особенно самих солдатских и матросских масс более понятной и близкой мыслью о присоединении армии и флота к рабочему классу, к народу» (стр. 58—59).

Особенно ценный художественный материал для изучения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны дает повесть А. Толстого «Хлеб». Широкий охват исторических событий, глубокая жизненная правда характеризуют это произведение.

В этой замечательной книге талантливый писатель воспроизвел героические события 1918 года, III всероссийский съезд советов, борьбу В. И. Ленина и И. В. Сталина против троцкистско-бухаринских поджигателей войны, строительство Красной Армии, борьбу с кулачеством за хлеб, борьбу отрядов тов. Ворошилова с немецкими интервентами на Украине, славный ворошиловский поход от Харькова до Царицына, героическую оборону Царицына под руководством товарища Сталина.

В центре всех этих героических событий А. Толстой показал великих гениев человечества, вождей революции В. И. Ленина и И. В. Сталина. Мы привлекали художественные отрывки из повести «Хлеб» при изучении следующих тем программного материала: «Организация советского государства», «Триумфальное шествие советской власти», «Брестлитовский мир», «Ленинский план социалистического строительства», «Международный империализм и Советская Россия в 1918 году», «Республика советов в кольце интервенции и контрреволюции», «Советская страна — военный лагерь».

Чтобы воспроизвести образы великих вождей революции В. И. Ленина и И. В. Сталина, показать их руководящую роль и гениальную прозорливость, мы зачитывали учащимся следующие яркие художественные места из повести «Хлеб»:

1) беседа Ленина и Сталина в Смольном о брестлитовском мире (глава I, стр. 16—18¹⁾;

2) Ленин и Сталин на заседании ЦК после предательства Нулы-Троцкого в Брест-Литовске (глава II, стр. 28—29);

3) организация борьбы против немецких оккупантов под Нарвой и Исковом и руководство Ленина и Сталина этим отпо-

¹ Страницы указаны по изданию «Молодой гвардии». М. 1938.

ром германским захватчикам (глава II, стр. 36—37);

4) беседа В. И. Ленина с делегатами от петроградских заводов об организации похода против голода (глава V, стр. 79—85);

5) беседа Ленина и Сталина перед отъездом товарища Сталина в Царицын (глава IX, стр. 174—175);

6) приезд товарища Сталина в Царицын (глава X, стр. 190—197);

7) работа товарища Сталина по организации обороны Царицына (глава XII, стр. 235—241);

8) товарищ Сталин в боях под Царицыном (глава XII, стр. 267—268).

В повести «Хлеб» А. Толстой разоблачает подлых врагов революции, вскрывая их контрреволюционные преступления. А. Толстой дает врагам biting, меткие характеристики, которые преподаватель зачитывал учащимся, чтобы воспитать в них чувство ненависти к врагам революции.

Интересно прошел урок на тему «III Всероссийский съезд советов» (общая тема — «Триумфальное шествие советской власти»). Обрисовывая историческую обстановку, сложившуюся к моменту открытия съезда (10 января 1918 года), учитель указал, что съезд был открыт в Таврическом дворце, и привел картину съезда из «Хлеба»: «Клубы дыма от двух жарких костров застилали колонны Таврического дворца. Топая валенками, похлопывая варежками, похаживала у входа вооруженная стража. Тускло горел свет. В вестибюлях — ледяная мгла. В большом зале заседал Третий Всероссийский съезд Советов. На скамьях, раскинутых амфитеатром, было тесно, шумно — солдатские шинели фронтовиков, полшубки, ушастые шапки и ватные куртки рабочих...

Кулаками подпиралась борода, небритые щеки. Блестели ввалившиеся глаза. Слова оратора вызвали движение страстей на землистых лицах. Навстречу иной фразе обрушивалось хлопанье тяжелых ладоней или поднимался угрюмый ропот, прерываемый резким свистом, и долго приходилось звякать колокольчику председателю...» (глава I, стр. 10).

Освещая руководящую роль В. И. Ленина и И. В. Сталина на съезде, учитель рассказал о том, с каким восторгом слушали делегаты съезда доклады своих вождей и с каким одобрением принимали намеченные съездом исторические решения.

В качестве иллюстрации к теме «Брест-литовский мир» привлекался отрывок из беседы Ленина и Сталина по вопросу о необходимости заключения мира для упрочения революции и советской власти (глава I, стр. 17—18).

Чтобы учащиеся имели ясное представление о подлой, предательской работе Троц-

кого и его сподручного Бухарина, возглавлявшего группу так называемых «левых коммунистов», спровоцировавших войну с Германией, учитель в своем рассказе передал яркие места из «Хлеба», в которых описаны контрреволюционные выступления троцкистско-бухаринских бандитов (глава I, стр. 12—13).

Рассказывая о борьбе Ленина и Сталина против троцкистско-бухаринских провокаторов войны, учитель зачитал следующий отрывок из повести «Хлеб», ярко рисующий выступление товарища И. В. Сталина на заседании ЦК:

«— Вопрос, товарищи, стоит так: либо поражение нашей революции и связывание революции в Европе, либо же мы получаем передышку и укрепляемся... Этим не задерживается революция на Западе... Либо передышка, либо гибель революции... Другого выхода нет...

Вождь «левых коммунистов» (тот, кого едва не побили на Путиловском заводе), — в расстегнутой шубейке, в финской шапке с отвисшими ушами, — сидя на полочнике, крикнул насмешливо — нанористо:

— Да немцы же не будут наступать, — это всякому ясно!..

Немецкие приготовления — демонстрация и только... На кой же чорт им наступать, когда мы демобилизуем фронт...

Сталин, вынув изо рта трубку, медленно повернул к нему голову и — холодно:

— Военный механизм сделан для войны, а не для демонстрации. Немцы приготовили наступление и будут наступать потому, что мы им не предложили мира. Если не предлагают мира, то всякий здравомыслящий человек понимает, что предлагают войну...» (глава II, стр. 26—27).

Учитель использовал также на уроке описание предательства Троцкого в Бресте (глава II, стр. 25—26).

Рассказывая учащимся о вторжении германского империализма в Советскую страну, учитель цитировал выдержки из II главы повести Толстого «Хлеб» (стр. 29—30).

Вслед за тем было зачитано также то место, где описывается организованный Лениным и Сталиным героический отпор германскому империализму (глава II, стр. 35—37).

Рассказывая о постановлении ЦК от 23 февраля о согласии подписать мир с Германией, преподаватель ознакомил учащихся с художественным описанием этого исторического заседания ЦК ВКП(б) (глава II, стр. 30).

На втором уроке рассказ о Чрезвычайном IV всероссийском съезде иллюстрировался отрывком, описывающим переезд советско-

го правительства из Петрограда в Москву (глава III, стр. 42—46).

Ввиду ограниченности времени художественные отрывки не всегда зачитывались полностью. Если представлявший интерес отрывок был слишком велик для зачитывания, то преподаватель сокращенно пересказывал его содержание, зачитывая только наиболее яркие его места. Иногда художественный материал произведения учитель использовал для устного рассказа.

При изучении темы «Ленинский план социалистического строительства (весна 1918 года)» мы снова привлекли ряд художественных отрывков из той же повести «Хлеб», а именно:

1) беседа В. И. Ленина с делегатами от петроградских заводов о борьбе с голодом (глава V, стр. 79—85);

2) борьба за хлеб; комбеды; поход пролетариев в деревню (глава VI, стр. 88—92);

3) начало социалистического строительства; доклад Ленина «Очередные задачи советской власти»; I съезд советов народного хозяйства (глава IX, стр. 171—174).

При изучении темы «Международный империализм и Советская Россия в 1918 году» были привлечены следующие отрывки:

1) предательский сговор украинской Центральной Рады с германскими империалистами (глава II, стр. 24);

2) планы германского империализма по отношению к Стране советов (глава II, стр. 37—40);

3) героическая борьба отрядов тов. Ворошилова с немецкими оккупантами на Украине (глава III, стр. 55—73);

4) славный поход отрядов тов. Ворошилова от Харькова к Царицыну (глава VI, стр. 92—102; глава VII, стр. 118—121, 125—128; глава VIII, стр. 136—137, 143—144, 163—164; глава XI, стр. 206—215, 231—234).

К теме «Республика советов в кольце интервенции и контрреволюции» мы также использовали художественный отрывок из главы IX (стр. 169—171).

При проведении урока «Оборона Царицына» учитель положил в основу своего рассказа работу тов. К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», раздел «Царицын» (Воениздат. 1937. 2-е изд.). В качестве художественно-иллюстративного материала были привлечены опять-таки художественные отрывки из повести «Хлеб»:

1) назначение товарища Сталина руководителем продовольственного дела на юге России (глава IX, стр. 174—175);

2) Царицын и его значение (глава X, стр. 176—178);

3) обстановка в Царицыне до приезда туда товарища Сталина (глава X, стр. 178—190);

4) приезд товарища Сталина в Царицын (глава X, стр. 190—197);

5) героическая оборона Царицына под руководством товарищей Сталина и Ворошилова (глава XII, стр. 235—241, 246—249, 252—257, 263—269).

Ценным пособием для преподавателя истории является замечательное произведение Н. Островского «Как закалялась сталь». Это произведение по праву считается любимейшей книгой нашей советской молодежи. Весь исторический материал, который так правдиво и с большим чувством освещает Н. Островский в своей книге, преподаватель истории должен использовать на уроках. Яркие образы этой книги будут способствовать более прочному усвоению истории и коммунистическому воспитанию нашей молодежи.

Из этой книги мы привлекали художественные отрывки при изучении следующих тем программного материала.

К теме «Крах немецкой оккупации»:

1) появление немецких оккупантов на Украине и их насилия (глава II, стр. 33—35; Собр. соч. Н. Островского. Т. I. Издательство «Советский писатель». 1938);

2) грабежи немецких оккупантов на Украине и героическая борьба рабочих с интервентами (глава III, стр. 44—45);

3) грабежи, насилия и еврейские погромы, учиненные на Украине петлюровскими бандами (глава IV, стр. 65—80);

4) изгнание немецких оккупантов и петлюровских банд с Украины (глава VII, стр. 126—133).

К теме «Третий поход Антанты»:

1) наступление белополяков на Киев (глава VIII, стр. 151—153);

2) зверства польских интервентов на Украине (глава VIII, стр. 163—169);

3) прорыв 1-й Конной армией польского фронта и освобождение Украины от белополяков (глава VIII, стр. 160—163);

4) разгром Врангеля (глава IX, стр. 184—185).

К теме «Трудности восстановления народного хозяйства»:

1) разгром троцкистов в комсомоле (часть 2-я, глава V, стр. 318—327).

К теме «Смерть Ленина. Клятва Сталина»:

1) смерть Ленина и ленинский призыв (часть 2-я, глава V, стр. 327—336).

Преподаватель истории, стремясь преподнести учебный материал в живой, занимательной форме, будет привлекать, помимо указанных, и другие художественные произведения (смотри «Указатель художественной литературы к разделам учебника «Краткий курс истории СССР» под редак-

цией профессора А. В. Шестакова, опубликованный в «Историческом журнале» № 4 за 1938 год, стр. 104—118).

В практике работы преподаватель работает и ряд других интересных методов использования художественной литературы на уроках истории. Привлечение художественной литературы расширяет кругозор учащихся, придает конкретность далеким событиям, оживляет образы великих исторических деятелей. Все это способствует созданию ярких картин прошлого, надолго остающихся в памяти учащихся.

П. Плетнев

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В 8—9-м КЛАССАХ

Преподаватель истории, желающий привлечь художественные произведения на уроках, должен научить своих учеников рассматривать художественное произведение как средство познания жизни.

Ф. Энгельс в письме к мисс Гаркнес пишет о крупнейшем французском писателе — реалисте Бальзаке:

«Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского «общества», описывая в виде хроники нравы, год за годом, с 1816 до 1848, все усиливающийся нажим поднимающейся буржуазии на дворянское общество... вокруг этой центральной картины он группирует всю историю французского общества, из которой я узнал даже в смысле экономических деталей больше... чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе»¹.

Многие произведения крупнейших русских писателей представляют собой настоящие эпопеи из истории великого русского народа, и их необходимо привлечь при изучении истории СССР. Таковы «Война и мир» Толстого, «Борис Годунов», «Евгений Онегин» Пушкина, «Что делать?» Чернышевского, «Мертвые души» Гоголя. Основоположник пролетарской литературы А. М. Горький своими произведениями «Фома Гордеев» и «Дело Артамоновых» дал яркую иллюстрацию развития капитализма в России. Замечательный роман А. Толстого «Петр I» является художественной

¹ «Маркс и Энгельс о литературе», стр. 167. М. 1933.

картиной реформаторской деятельности Петра I.

К сожалению, некоторые педагоги не понимают огромного образовательного значения художественной литературы и не используют ее на уроках истории, что приводит к схематизму.

Приведем пример такого неправильного преподавания. На испытаниях по истории в 7-м классе в одной школе многие ученики слово в слово повторяли преподаанные учителем «выводы» и получали отметку «отлично». Но когда ассистент спрашивал у этого «отличника» о таких крупнейших писателях и их произведениях, как Томас Мор и его «Утопия», как Эразм Роттердамский и его «Похвала глупости», как Рабле и его «Гаргантюа и Пантагрюэль», то оказывалось, что этот мнимый отличник впервые слышит названные имена и произведения.

Один из учеников сравнительно хорошо и последовательно рассказал хронологию нидерландской революции, но о книге «Тиль Уленшпигель» он ничего не слышал и, конечно, ничего не знает о ярких фактах героической борьбы голландского народа с испанскими интервентами во главе с кровавым предком генерала Франко — герцогом Альба.

В другом классе этой же школы из 34 учеников лишь 2 читали «Дон-Кихота», но и они не могли назвать его бессмертного автора.

Ясно, что нельзя считать усвоенным курс средней истории без знакомства с величайшими гуманистами, выступавшими с критикой всецельной тогда поповщины, без знания деятелей, положивших, по словам Энгельса, «начало величайшего прогрессивного переворота». Преподаватель истории обязан был познакомить учащихся с произведениями гуманистов и при помощи этих произведений расширить исторический, образовательный и культурный кругозор учащихся.

Как при помощи художественной литературы закрепить в памяти учащихся важнейшие исторические события, образы исторических деятелей? Ответ на эти вопросы мы попытаемся проиллюстрировать рядом примеров из нашего опыта работы в 8—9-м классах по курсу истории СССР.

Перед каждой новой темой давался учащимся продуманный список художественной литературы. Например: к теме «Войны Петра I» были рекомендованы следующие художественные произведения: «Петр I» А. Н. Толстого, «Полтава» и вступление к поэме «Медный всадник» А. С. Пушкина; к теме «Дворянская империя XVIII века»: «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Салават Юлаев» Злобина;

к теме «Царь Александр I — Война 1812 г.»: «Война и мир» Толстого (соответствующие главы, стихотворения и эпиграммы Пушкина на Александра I и его вельмож (Воронцова, Аракчеева и др.); к теме «В царстве жандармов и чиновников»: «После бала» Л. Толстого, «Ревизор» Гоголя, «На смерть поэта» Лермонтова, «Былое и думы» Герцена (в издании «Молодой гвардии»).

Часто возражают, что у ученика не хватает времени прочесть указываемую литературу; нельзя, дескать, отвлекать учеников беллетристкой от подготовки к урокам. Это совершенно неправильная точка зрения. так как, во-первых, надо помнить, что ученик обычно сам что-нибудь читает и задача педагога в том и заключается, чтобы руководить и направлять это самостоятельное чтение учащихся; во-вторых, если даже он и не успеет прочесть всех рекомендованных произведений, а прочтет одно — два, то и это принесет несомненную пользу.

Исключительно большое значение имеет умелое зачитывание на уроке отрывков из художественных произведений, помогающих в образной форме зафиксировать в памяти учащихся историческое событие, исторического деятеля.

Так например на уроке на тему «Войны Петра I» очень уместно прочесть отрывок из вступления к поэме Пушкина «Медный всадник»:

«На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел...»

и т. д.

Этот отрывок, во-первых, дает картину зурового, пустынного берега Невы, где затем выросла столица Российской империи; во-вторых, в нем ясно изложена цель постройки Петербурга — «в Европу прорубить окно».

Опыт показал, что многие учащиеся знают эти строки поэта даже наизусть, но большинство из них осмыслило эти слова Пушкина только на уроке истории.

Разгром шведов под Полтавой очень хорошо иллюстрируется отрывком из поэмы Пушкина «Полтава»:

«И с ними царские дружины
Соплись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!»

и т. д.

Урок на тему «Положение крестьян при Екатерине II» можно иллюстрировать потрясающей картиной жизни крепостных, нарисованной в главе «Пешки» книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Представив себе жуткую картину, данную Радищевым в «Пешках», наша счаст-

ливая, свободная молодежь зажжется ненавистью к проклятому крепостническому строю, научится сознательно ненавидеть мрачное прошлое и будет готовиться отстаивать наше прекрасное настоящее.

Каждый школьник должен знать об исключительном героизме русского народа, проявленном им неоднократно в борьбе с нашествием внешних врагов, и гордиться этими подвигами как патриот своей социалистической родины. Полезно прочесть на уроке отрывок из «Войны и мира», в котором описан Наполеон во время Бородинского сражения. Этот отрывок показывает учащимся, как не знавший поражения великий полководец Наполеон растерялся перед лицом русских войск, грудью защищавших свою родину от интервентов.

Палочный режим Николая I можно проиллюстрировать на рассказе Толстого «После бала», изображающем наказание солдат шпицрутенами.

Одной из трудностей в работе преподавателя истории являются характеристики исторических деятелей, показ главных, наиболее ярких отличительных черт виднейших исторических деятелей. Чем крупнее исторический деятель, тем труднее дать его портрет. И тут на помощь преподавателю снова приходит художественная литература. Исключительно велико значение замечательной работы А. М. Горького «В. И. Ленин», которая воссоздает живой образ этого великого вождя трудящихся, гениального мыслителя, простого и доступного человека.

К теме «В. И. Ленин — вождь рабочего класса и основатель большевизма» учитель должен рекомендовать учащимся прочесть, кроме воспоминаний А. М. Горького о Ленине, речь товарища Сталина на вечере кремлевских курсантов 28 января 1924 года «О Ленине», а также доступные для них статья и речи В. И. Ленина, особенно «Речь на III съезде РКСМ».

Опыт показывает, что именно в школе, на уроке, у ученика складывается взгляд на историческую личность, формируется определенное представление о роли того или иного исторического деятеля, о том или ином событии. Поэтому очень важно подбирать материал для характеристики исторического деятеля из вполне авторитетных источников.

Из прочитанных художественных произведений учащиеся узнают дополнительные исторические факты, черты быта, психологию и нравы людей того или иного исторического периода. Учителя-историки знают, как полезно для углубленного усвоения исторического материала на уроках предварительное знакомство учащихся с историческими событиями, деятелями и героями по прочитанным ими книгам.

Е. Черменский

I ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

1

После поражения московского вооруженного восстания началась нисходящая линия первой русской революции. Подъем революционных воли, достигший своей высшей точки в декабре 1905 года, сменился их постепенным отливом. «Однако, революция еще не была подавлена. Рабочие и революционные крестьяне отступали медленно, с боями. В борьбу вовлекались новые слои рабочих. В стачках участвовало в 1906 году свыше миллиона рабочих. В 1907 году—740 тысяч. Крестьянское движение в первой половине 1906 года охватило около половины уездов царской России, во второй половине года—одну пятую всех уездов. Продолжались волнения в армии и во флоте»¹.

В этих условиях царское правительство считало наиболее целесообразным созвать Государственную думу, надеясь при ее помощи окончательно «выдечить» Россию.

В царском манифесте 17 октября 1905 года было обещано привлечь к участию в Думе те классы населения, которые были лишены избирательных прав по закону о «совещательной» Булыгинской думе, и провозглашено, что никакой закон не может получить силу без одобрения Государственной думы. Новый избирательный закон, опубликованный 11 декабря 1905 года, т. е. в разгар московского вооруженного восстания, прибавил к ранее установленным куриям — землевладельческой, городской и крестьянской — рабочую и несколько расширил круг городских избирателей.

Но и новый избирательный закон в «заключительную» Думу был глубоко антидемократическим. Прежде всего выборы были далеко не всеобщими: от участия в выборах были устранены женщины, военнослужащие, рабочие мелких предприятий, домашняя прислуга и пр. Выборы в Думу не были равными: один голос по-

мещика приравнивался к 3 голосам городских избирателей, 15 — крестьянских и 45 — рабочих. Выборы были не прямые, а многостепенные; например: от рабочих — трехстепенные, а от крестьян — даже четырехстепенные. Наконец, выборы, особенно в деревне, фактически были не тайные: на волостных сходах при производстве выборов присутствовали полицейские чины, которые навязывали крестьянам своих кандидатов.

Большевики выдвинули тактику активного бойкота I Государственной думы. Они рассматривали такой бойкот «...как революционное средство предостеречь народ насчет попытки царя перевести народ с революционного пути на путь царской «конституции», как средство сорвать такую попытку и организовать новый шатек народа на царизм»².

Когда летом 1905 года большевики провозгласили бойкот Булыгинской думы, то его предпосылкой в то время, по словам Ленина, была «...богатая революционная энергия масс, ищущая и находящая себе не посредственные выходы помимо всяких «конституционных» каналов»³.

Как известно, попытка царизма и либералов, поддержанных эсеро-меньшевиками, в том числе и Троцким, остановить революцию обещанием законсовещательной Думы позорно провалилась: октябрьская всеобщая стачка смела Булыгинскую думу. Тактика бойкота этой Думы полностью себя оправдала, ибо она проводилась в условиях подъема революции. Что же касается бойкота Виттевской думы, то он «...не мог сорвать думу, хотя и подорвал значительно авторитет этой думы и ослабил веру части населения в думу, не смог сорвать думу, так как он был проведен, как теперь стало ясно, в обстановке убыли, усталка революции. Поэтому бойкот I думы в 1906 г. оказался неудачным»⁴.

Правительство прибегало ко всевозможным ухищрениям и давлению на избирателей, чтобы провести в Думу черносотенцев. Совершенно нестерпимым было терроризирование избирателей в деревне. В январе 1906 года инструкцией министра внутренних дел земским начальникам было предписано внушать крестьянам «несоветательность» программ революционных партий, удалять с предвыборных собраний ораторов, призывавших к захвату помещичьих земель, и не допускать в число выборщиков «неблагонадежных» лиц. Не

² Там же, стр. 84.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. XII, стр. 36.

⁴ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 84.

¹ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 80.

этому сигналу на местах начались массовые аресты среди сельской интеллигенции и передовых крестьян. Распространение прогрессивной литературы вконец пресекалось. Предвыборные собрания разгонялись подчас силой оружия. Администрация грозилась крестьянам, что если в уполномоченные будут избраны лица, негодные начальству, то они досудят только до уездного города и там будут арестованы. Угрозы эти нередко приводились в исполнение. Не ограничиваясь одними репрессиями, земские начальники и полицейские чины совершали «агитационные» поездки по селам, насильно записывая крестьян в «Союз русского народа», спаивая их водкой и навязывая им черносотенные погромные листки.

Однако попытка при помощи необузданного давления и всевозможных выборных злоупотреблений провести черносотенных кандидатов разбилась о неожиданную стойкость крестьян. Последние проваливали ставленников начальства: волостных старшин, старост, писарей — и выбирали людей, способных постоять за крестьянские интересы. На городских выборах провал правительственных креатур был еще более ощутительным. В общем черносотенных депутатов прошло в Думу такое ничтожное число, что они не рискнули даже сорганизоваться в особую фракцию, а укрылись под флагом «беспартийных».

Правые крупнобуржуазные партии: «Союз 17 октября», партия правового порядка, петербургская прогрессивно-экономическая партия, московская торгово-промышленная партия и Всероссийский торгово-промышленный союз — заключили на выборах в I думу избирательный блок. При выработке избирательной платформы с этими партиями начались «недоразумения». Еще в период формирования прогрессивно-экономической партии, накануне 17 октября, отдельные промышленники высказывали законное опасение, что выступление на выборах с особой платформой фабрикантов лишит их шансов быть избранными в Думу. Учитывая это обстоятельство, собрание представителей участковых комитетов прогрессивно-экономической партии 17 февраля 1906 года высказалось против издания брошюры с подробным толкованием программы партии¹. Подобную же светобоязнь проявлял и «Союз 17 октября».

В выборной кампании крупнобуржуазные партии ограничились главным образом печатной пропагандой. Располагая крупными денежными средствами, имея в руках ряд печатных органов, эти партии развили значительную деятельность. Листок «Союза

17 октября» «О Государственной думе» был издан в количестве 4 — 5 миллионов экземпляров. В этом листке крестьян барским тоном поучали: не надо «шуметь без толку, навлекая на себя справедливую кару закона за буйства, грабежи и поджоги, а должно, помолясь богу, сговариваться с тем, кого выбирать в Государственную думу». Вряд ли подобные листовки могли иметь успех у демократического избирателя.

Несмотря на то что крупнобуржуазные партии во многих местах и, в частности, в Москве блокировались с черносотенцами, несмотря на то что предвыборная агитация этих партий, как соответствующая видам правительства, всемерно поощрялась царской администрацией (а, возможно, отчасти именно поэтому), они потерпели жестокое поражение. В Думу прошло только 16 кандидатов крупнобуржуазных партий, или 3,5% общего числа членов Государственной думы.

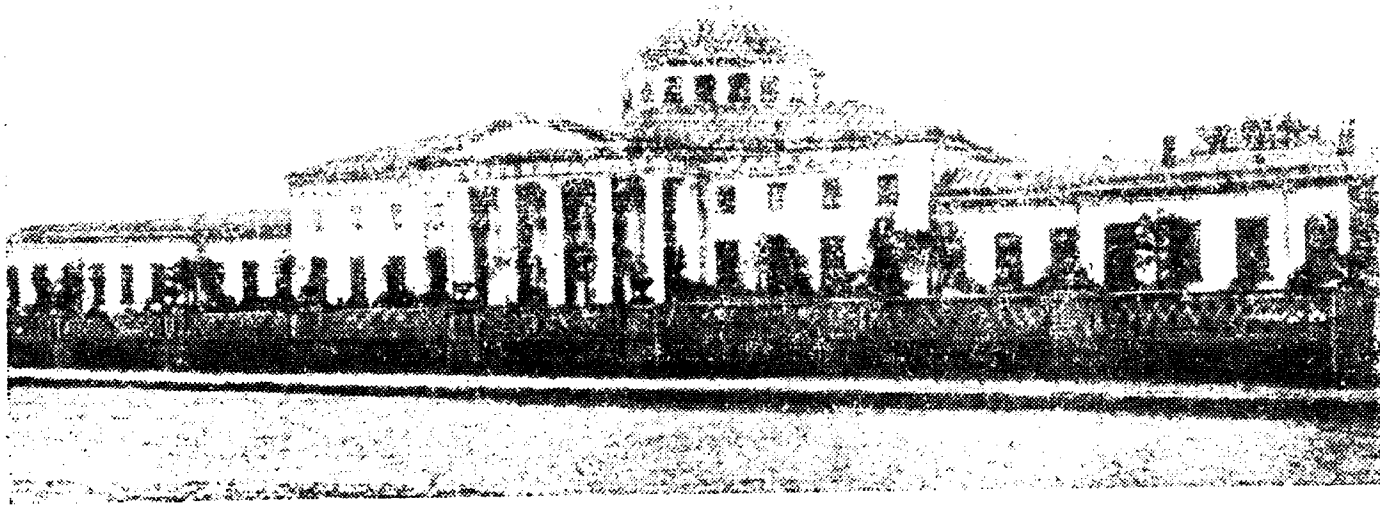
Несравненно удачнее провели думскую избирательную кампанию кадеты — главная партия либеральной буржуазии. В предвыборной агитации они ставили своей задачей борьбу с большевистской тактикой активного бойкота Думы и развращение народного сознания иллюзией, будто одними избирательными бюллетенями можно обуздать царское правительство.

Во время избирательной кампании кадеты вовсе развернули свою обманную тактику. Подлаживаясь к демократической аудитории, они изображали себя монархистами «поневоле». В листовке «Чего хочет кадетская партия» на вопрос, почему кадеты хотят конституционной монархии, а не республики, следовал ответ: «Да просто потому, что крестьяне и вообще большинство привыкли иметь царя и не понимают, как это может быть правительство без царя и без царской власти. А ведь если мы хотим, чтобы государством управлял народ, так нельзя же идти против того, чего хочет народ».

Особенно на широкую ногу были поставлены фальшивые посулы кадетов в аграрном вопросе, что было важно для улавливания крестьянских голосов. Кадеты не останавливались и перед прямым шарлатанством. Так, кадетская партия выпустила одно и то же воззвание в двух вариантах для двух разных категорий читателей: для «чистой публики» — на белой бумаге и для крестьян — на серой. В первом говорилось о выкупе земли от помещиков и ни словом не упоминалось об ее раздаче, во втором же была приписана фраза: «Крестьянам земля раздается в пользование даром».

Кадеты потратили немало усилий, чтобы на предстоящих выборах впрячь в свои

¹ Центральный архив революции (ЦАР), фонд СИБ общества фабрикантов и заводчиков, д. № 154, л. 251.

Таврический дворец, где происходили заседания Государственной думы.

Музей революции СССР.

оглобли рабочих и внушить им, что главной артерией освободительного движения должна стать Дума. При ЦК кадетов была даже создана специальная рабочая комиссия во главе со Струве, которая составила воззвание к рабочим о необходимости принять участие в выборах и подавать свой голос за кадетскую партию.

Однако борьба с большевистской тактикой активного бойкота Думы в промышленных центрах страны, которые были опорными пунктами большевиков, явно оказалась не по плечу кадетам и их эсеро-меньшевистским подпевалам.

Бойкотистское настроение среди рабочих было так велико, что меньшевики, подерживавшие позицию кадетов по вопросу об участии в выборах, не осмелились (за исключением Плеханова) отвергнуть до конца бойкот и уселись между двух стульев: они высказались за участие в выборах уполномоченных и выборщиков, но признали недопустимым участие партии в финальной стадии выборов, т. е. в выборах самих депутатов Думы.

Во время выборов в Петербурге 49% предприятий совсем не выбирали уполномоченных, а в остальных принимали участие в выборах менее 25% рабочих. Предвыборные собрания кадетской партии, по донесению петербургского градоначальника, «превращались в митинги, на которых произносились речи самого крайнего направления, не исключая и призыва к бойкоту Государственной думы и вооруженному восстанию»¹.

Победа кадетов на выборах была неужи-

данной для них самих. Особенно значительным был их успех в городской курии. Всего кадетская партия провела в Думу 179 депутатов. Впечатление от кадетской победы усиливалось еще благодаря тому, что много депутатов-крестьян, примкнувших в Думе к трудовикам, прошло на выборах под флагом кадетской партии.

Чем же объясняется «триумф» кадетов на выборах? Решающую роль в данном случае сыграло пленение «темных крестьян и запуганных обывателей» конституционными иллюзиями. Как писал Ленин, весной 1906 года кадеты были «модной партией». «Именно тогда конституционные иллюзии и принесли широкый вред»². В начале 1906 года, когда волны массового движения поднимались еще высоко, кадетское «отравление колодезь», растление политического сознания народа парламентскими иллюзиями, оказало неопределимую услугу самодержавию, ибо размагничивало волю масс к борьбе и разрушало их. Кадетская игра в парламентаризм являлась составной частью царской политики удушения революции.

«Думой царь хотел отвлечь массы от революции. Значительная часть крестьянства верила в то время в возможность через думу получить землю. Кадеты, меньшевики и эсеры обманывали рабочих и крестьян — будто без восстания, без революции можно добиться нужных народу порядков»³. Одураченные кадетами и их эсеро-меньшевистской агентурой, мелкобуржуазные слои населения наивно верили, что Дума «выхлопочет» им землю и свободы. Крестьянские наказания того вре-

¹ Центральный архив революции (ЦАР), фонд департамента полиции, д. № 999, ч. 43-я, л. 196.

² В. И. Ленин. Соч. Т. X, стр. 98.

³ «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 81.

меня проникнуты безотчетной верой в Думу «народных надежд». Вот колоритный отрывок из одного такого пассажа: «Члены Государственной думы — наши желания, наша воля, наше счастье, наша жизнь, наше воскресенье. Наша надежда — Государственная дума, и только у нее просим амнистии, земли и воли. Помните. Без понижения налогов, без всей земли не возвращайтесь. Дальше терпеть нет сил. Лучше смерть, чем беспросветное будущее».

2

Состав I думы представлял собой следующую картину:

	Число	%
Кадетов	153	34,1
Трудовиков	107	23,8
Автономистов (поляков, литовцев, латышей, украинцев, мусульман)	63	14,0
Членов партии демократических реформ	4	0,9
Октябристов и примыкающих к ним	16	3,5
Беспартийных	105	23,4

Как видно из этой таблицы, кадеты располагали немногим более $\frac{1}{3}$ депутатских мест. Но благодаря тому, что обычно трудовики, а также часть депутатов — автономистов и беспартийных — шли за кадетами, последним принадлежала руководящая роль в Думе. Они захватили почти все места в президиуме Думы (председателем Думы был избран кадет проф. Муромцев) и важнейших думских комиссий. Поэтому-то I дума и вошла в историю под названием кадетской думы.

Несмотря на то что своей проповедью конституционных иллюзий кадеты выигрывали время у революции и таким образом расчищали дорогу для карательных экспедиций царизма, представители «ветхозаветного» строя относились к кадетам с опаской и враждебно. В то время как либеральную буржуазию стесняли «могучие остатки средневековья», для черносотенного помещика сохранение этих пережитков крепостного права было вопросом существования. Отсюда его органическая ненависть даже к тем половинчатым реформам, которые предлагали кадеты.

Растерянность кадетов в дни революционного вихря оставила у «горемычников»¹ довольно киекое впечатление о ка-

¹ Так назывались приверженцы Горемыкина, заместившего Витте на посту председателя совета министров. Витте был отстранен после того, как на царском съезде совещания в апреле 1906 года, осуждавшем тактику правительства по отношению

детском опыте «привучения» революционных масс. Успехи кадетов на выборах, казалось, должны были поднять престиж кадетов в глазах «горемычников», однако от последних не ускользнула эфемерность кадетского «триумфа»: «горемычники» видели, что кадеты покидали победные лавры во время избирательной кампании лишь постольку, поскольку делали вид, что они идут в ногу с массами и сочувствуют демократическим лозунгам. Но Горемыкин и К^о понимали, что как только кадеты окажутся в Думе (а тем более в правительстве) и бронзовые векселя, шедшей рукой раздаваемые на предвыборных собраниях, будут предъявлены к оплате, кадеты сразу окажутся несостоятельными и утратят всякое сдерживающее влияние на революционные массы. «Горемычники» усматривали опасность кадетской тактики в том, что, заигрывая с демократией, прельщая ее всевозможными реформами, кадеты только разожгли бы аппетит революционного народа, но не сумели бы вовремя схватить его за горло.

Горемыкин относился к Думе как к неприязнительному лагерю. В первые же дни думской работы верховная власть нанесла Думе пощечину, отказавшись принять адрес Думы через специально избранную делегацию. Это было тем более неожиданно для кадетов, что, нападая на «самовластие» чиновников, которые, мол, преграждают народу доступ к престолу, Дума в своем адресе вселячески выгораживала личность царя, холопеки превознося его «твердую решимость (?! — Е. Ч.) положить начала свободы самостоятельности и участия самого народа в осуществлении законодательной власти и контроле над исполнительной».

Следующим шагом правительства, которым оно демонстрировало свой отказ от совместной работы с Думой, было оглашение 13 мая министерской декларации. В своей декларации совет министров заявил, что разрешение аграрного вопроса на основе принудительного отчуждения помещичьей земли «безусловно недопустимо». На пожеланиях Думы об установлении ответственности перед народным представительством министров, упразднении государственного совета и расширении

в Думе, выступил против запрещения Думе касаться вопроса о принудительном отчуждении помещичьей земли. Такое запрещение означало, по его мнению, «заранее составлять план общей революции в России». Невозвращенный на его место Горемыкин выдвинул предложение: «Если Дума выдвигает вопрос о передаче земли... ясно и определенно предлагать ей к этому путь» (см. «Былое» № 4 за 1917 год), — которое и было принято.

пределов законодательной деятельности Думы совет министров не счит пужным «устанавливаться, так как эти установления не подлежат пересмотру по почину Думы. Наконец, по поводу обращения Думы к царю с «выражением желанья и мольбы народа» об амнистии совет министров заявил, что он не находит возможным «в настоящее смутное время помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях».

Ошеломленные министерской декларацией, многочисленные ораторы кадетской фракции, выходя на думскую трибуну, варьировали одну и ту же мысль: «Мы пришли сюда для того, чтобы задержать движение стихии, чтобы умиротворить страну... Вместо сотрудничества мы встречаем со стороны власти отпор...»

Особенно тревожило кадетов, что министерская декларация, разрушавшая последние надежды, могла вызвать новый взрыв крестьянских волнений. То, с каким разочарованием была встречена горемыкинская декларация в толще еще опутанных монархическими иллюзиями темных крестьян, прекрасно выразил депутат Тамбовской губернии крестьянин Лосев. «До сегодняшнего дня я был движим чувством радости, — сказал он. — Я думал, что голос измученной страны дошел до слуха великого священного нашего монарха... Я ныне услышал с этой трибуны ужасный голос премьера... Этот листок помутил глаза и сердца крестьян. И теперь, дорогие мои, я опять вижу свое несчастное положение, опять нам грозит та золотая туча этих золотых мундиров бюрократии, которая снова нас раздавит. Мы сильны, но всеми хитростями и кознями мы ослеплены, и поэтому нас берут, как Самсона брали филистимляне. Друзья, теперь я обращаюсь к вам и говорю, что все трудовое крестьянство поставлено теперь в такое критическое положение, что его сделали как этого жалкого, слепого Самсона. Но я одно должен сказать вам, я не ручаюсь за то, выдержит ли этот несчастный Самсон или также упрется и скажет: «Умри, душа моя, с филистимлянами»¹.

По предложению трудовиков Дума выразила недоверие министерству и потребовала его отставки. Но... министры не уходили. Мало того, они позволяли себе третировать депутатов Думы как «грязные потопки населения, сплотившиеся в разбойничью шайку» (слова Горемыкина).

При таком положении вещей Дума должна была бы, по выражению одного из

трудовиков, «перейти к делу, а не только выносить резолюции», т. е. заняться организацией паретных сил вне Думы для активного воздействия на царское правительство. Но обращения к народу кадеты боялись пуще огня. Когда трудовики после оглашения министерской декларации предложили обратиться к народу, чтобы раскрыть ему глаза, кто его враг, и просить у народа поддержки, кадеты, ссылаясь на то, что это предложение противоречит парламентской тактике, даже не оставили его на баллотировку. Кадеты призывали трудовиков держаться до последней минуты «законного пути». Они тщательно избегали «подводных камней», всяких сложных вопросов, которые могли бы вызвать столкновение Думы с правительством.

Отчаявшись в своих попытках столкнуться с Горемыкиным, кадеты сосредоточили свои усилия на том, чтобы убедить придворные круги в том, что дальнейшее пребывание «горемычников» у власти становится угрозой для самого царизма, ибо эти гнилые столбы реакции «даже неспособны стать на точку зрения дальновидной защиты своих интересов и готовы смело идти навстречу катастрофе», — как писал 6 июня орган кадетов «Русские ведомости».

3

Аграрный законопроект кадетов с его принципом принудительного отчуждения диктовался стремлением «успокоить» крестьян.

Проектируя аграрную реформу в виде «второго издания» реформы 1861 года, кадеты относились к судьбам помещичьего землевладения с трогательной щепетильностью. Выступавший в Государственной думе с защитой кадетского аграрного законопроекта кадет Щепкин говорил, что этот проект «представляет собой попытку сделки с теми интересами, с теми физическими силами старого строя, которые стоят за старую точку зрения в аграрном вопросе. Для того, чтобы не доводить до отчаяния теперешних землевладельцев, партия народной свободы предлагает им вознаграждение и сохранение за ними усадеб и части земель»².

В отличие от Бобринских и Пуринских, которые боролись с революцией одними репрессиями и заявляли, что принудительное отчуждение недопустимо даже в виде исключения, ибо «из этой брешки учение социализма делает громадное отверстие»³,

² Там же, стр. 930.

³ Заявление помещика Гримма на дворянском съезде (см. «Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ» 29

¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия 1-я, стр. 350—351.

либеральные помещики считали, что без ряда социальных и политических реформ нельзя остановить крестьянские волнения.

Защищая свою аграрную программу, кадеты с особенной силой подчеркивали, что «принудительное отчуждение есть единственное средство против разорительной жакерии»¹.

«Вы хотите, — говорил в Думе Герценштейн, главный кадетский специалист по аграрному вопросу, — чтобы зарево охватило целый ряд губерний? Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб? Сейчас пожар, его надо тушить, а потушить можно только увеличением площади земле-владения крестьян».

В этих словах Герценштейна с поразительной яркостью выступает лейтмотив кадетского проекта аграрной реформы, который, в сущности, сводился к одному: «Надо прирезать землю крестьянам, иначе они нас прирежут».

Вот почему кадеты считали крепостнических зубров, отвергавших кадетский принцип отчуждения, «революционерами справа», которые своей неуступчивостью только подливают масла в огонь и двигают вперед революционное движение.

4

История взаимоотношений между двумя главнейшими партиями Думы: кадетами и трудовиками — является отражением, правда, далеко не полным, той борьбы, которую тогда вела либерально-монархическая буржуазия за овладение крестьянством с целью ликвидировать революцию путем соглашения с царизмом.

Несмотря на то что единственным организованным представителем оппозиции на выборах оказались кадеты, и крестьяне, действуя чуждой, подавали нередко голоса за кадетских кандидатов, особенно за тех, которые обещали в Думе провести раздачу помещичьих земель даром, — в ряде случаев, чувствуя инстинктивно недоверие к «господам» из кадетской партии, крестьяне быстро сплывались и выдвигали своих кандидатов, будущих трудовиков.

Когда крестьянские депутаты образовали в Думе трудовую группу, кадеты направили свои старания на то, чтобы ввести стихийно-революционное настроение трудовиков в парламентские рамки, отклонить их от внедумской агитации и парализовать их попытку превратить Думу в трибуну.

губерний 21—28 мая 1906 года», стр. 28. СПб. 1906).

¹ Миллюков «Год борьбы», стр. 440. СПб. 1907.

Нельзя сказать, чтобы усилия кадетов поддержать среди трудовиков веру во всемогущество парламентских форм борьбы пропали даром. В составе трудовой группы были, несомненно, элементы, представлявшие интересы кулацкой верхушки деревни, которые сознательно тяготели к кадетам; значительная часть ее находилась под влиянием эсеров. В целом трудовая группа была сильно заражена конституционными иллюзиями. Нередко трудовики голосовали вместе с кадетами. Так, 26 мая 1906 года при обсуждении запроса министру внутренних дел о мерах борьбы с голодом лидер трудовиков Аладьин сперва выступил было с требованием, чтобы Дума взяла дело помощи голодающим в свои руки и устранила от этого дела царских министров, однако после возражений со стороны кадетов, которые заговорили об опасности отхода от позиции парламентской борьбы, Аладьин согласился снять свое предложение с обсуждения.

В составе трудовой группы было несколько рабочих, которые впоследствии вместе с социал-демократическими депутатами, избранными в Думу на Кавказе, образовали социал-демократическую фракцию. Последняя во всех вопросах думской тактики стояла на меньшевистских позициях. Большевики считали, что Государственная дума — «...лучшее средство для разрешения вопросов революции, для освобождения народа от царизма»². Устами Плеханова на IV объединительном съезде заявили: «По-нашему, Дума стоит на столбовой дорожке революции». Думский адрес, составленный в верноподданнических тонах, под пером меньшевистских публицистов преобразился в «революционный ультиматум», кадетский лозунг «Ответственное министерство» — в «революционное требование» и т. д. ЦК РСДРП, находившийся в этот период в руках меньшевиков, предложил партийным организациям взять за исходный пункт массовой агитации лозунг поддержки Думы в ее требованиях замены министерства Горемыкина министерством, назначенным Думой. Приукрашивая деятельность кадетской Думы, меньшевики поддерживали в народной массе неосновательные надежды, что Дума может стать центром «революционных сил», и этим содействовали укреплению кадетского влияния среди трудовиков.

Коллебания трудовиков в сторону либеральной буржуазии были не случайны. «...они неизбежны, — говорил Ленин на V съезде РСДРП. — вследствие самой сущности экономического положения мелкого производителя. С одной стороны, он угнетен, он подвергается эксплуатации. Он

² «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 83.

леволюционно толкается к борьбе против такого положения, к борьбе за демократию, к идеям об уничтожении эксплуатации. С другой стороны, он — мелкий хозяин. В крестьянине живет инстинкт хозяина, — если не сегодняшнего, то завтрашнего хозяина. Этот хозяйский, собственнический инстинкт отталкивает крестьянина от пролетариата, порождает в крестьянине мечты и стремления выйти в люди, самому стать буржуа, замкнуться против всего общества на своем клочке земли, на своей, как злобно говорил Маркс, кучке навоза»¹.

Однако то обстоятельство, что реальные интересы крестьянства находились в непримиримом противоречии с помещичьими интересами, было порукой тому, что крестьяне современем сбросят с глаз повязку конституционных иллюзий. Освобождение трудящихся из-под кадетского влияния ускорило тем, что отсутствие положительных результатов работы Думы обнажило всю призрачность кадетских уверений в действительности парламентских форм борьбы.

Ленин и Сталин, учитывая глубоко революционный характер борьбы крестьян за землю, боролись за завоевание крестьянства, за превращение его в союзника пролетариата, поэтому они стремились освободить трудящихся, представлявших широкие массы крестьянства, от влияния кадетов.

«Крестьяне требуют земли, и при том всей земли. Крестьяне требуют земли на таких условиях, которые действительно улучшили бы их положение, т. е. вовсе без выкупа или за самый скромный выкуп. Другими словами: крестьяне требуют, по существу дела, не аграрной реформы, а аграрной революции. Они требуют такого переворота, который несколько не затронет власти денег, не затронет основ буржуазного общества, не поколеблет самым решительным образом экономические основы старого крепостного порядка, всей крепостнической — и помещичьей и чиновничьей — России. Вот почему социалистический пролетариат всей душой, со всей энергией, поможет крестьянам осуществить их требования во всей их полноте»².

И в вопросе об отношении к трудовой группе Государственной думы со всей остротой выступило основное разногласие между большевиками и меньшевиками. В борьбе за откол трудовой группы от кадетов, т. е. за высвобождение крестьянства от влияния буржуазии, надо было идти вплоть до временного соглашения с эсерами, под влиянием которых находилось большинство трудящихся. Блок с эсерами в этом случае и означал антикадетский

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 253.

² В. И. Ленин. Соч. Т. IX, стр. 252.

ПОБЕДА КАДЕТОВЪ И ЗАДАЧА РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Обложка книги В. И. Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Музей революции СССР.

блок с трудящимися, т. е. с крестьянством. Против этого как раз и восстали меньшевики, требовавшие блока с кадетами, т. е. блока с либеральной буржуазией, уже поворачивавшей на путь контрреволюции.

«Пролетариату часто приходится слышать теперь от буржуазии: надо идти вместе с буржуазной демократией. Без нее пролетариат не в силах совершить революцию. Это верно. Но вопрос в том, с какой демократией может и должен пролетариат теперь идти вместе, с кадетской или с крестьянской, с революционной демократией? Ответ может быть только один: не с кадетской, а с революционной демократией, не с либералами, а с крестьянской массой...

...Поэтому глубокую ошибку сделали с.-д. правого крыла на съезде, восклицая (Мартынов и Плеханов): «кадеты важнее, как партия, чем эсеры». Эсеры сами по себе ничто. Но эсеры, как выразители стихийных стремлений крестьянства, — часть именно той широкой, могучей революционной демократии, без которой пролетариат не может и думать о полной победе нашей революции»³.

Высвобождению трудящихся из-под влияния кадетов много способствовало непримиримо-последовательное разоблачение большевиками контрреволюционной сущности кадетской партии, критика ими думских

³ Там же, стр. 253.

Выступление В. И. Ленина на митинге в доме Навивной, 1906 год.

Рис. И. Васильева.
Музей революции СССР.

иллюзий, обличение предательской роли кадетов перед массами.

Еще в начале думской сессии появился блестящий памфлет Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии», в котором беспощадно и до конца срывалась с кадетов маска «борцов за народную свободу». Кадеты, писал Ленин, — «...партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет народной свободы. Вы — партия свободы, ибо вы хотите подчинить свободу монарху и верхней, помещичьей палате. Вы — партия народа, ибо вы бонетесь победы народа, т.е. полной победы крестьянского восстания, полной свободы рабочей борьбы за рабочее дело. Вы — партия борьбы, ибо вы прячетесь за кисло-сладкие профессорские отговорки всякий раз, когда разгорается настоящая, прямая, непосредственная революционная борьба против самодержавия. Вы — партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию»¹.

В этой работе Ленина поражает гениальная пророческость, с которой он предвидел неминуемый — в результате опыта I думы — крах конституционных иллюзий.

В ряде статей, напечатанных в легальной большевистской газете «Волна», Ленин призывал трудовиков выступать независимо и самостоятельно от кадетов, заявлять своим голосом о всех требованиях народа,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IX, стр. 96—97.

расширять внедумские связи, помнить, что не в Думе будет решаться земельный вопрос.

Товарищ Сталин в своей брошюре «Текущий момент и объединительный съезд партии» (1906 год) с непревзойденным мастерством подверг уничтожающей критике предательское поведение кадетов в I думе, пытавшихся «успокоить» революционный народ и примирить его с царизмом. Предостерегая массы от увлечения конституционными иллюзиями, товарищ Сталин звал их к внедумской революционной борьбе. «Одно из двух, — писал он, — либо победа революции и самодержавие народа, либо победа контрреволюции и царское самодержавие. Кто садится между двух стульев, тот предаст революцию. Кто не с нами, тот против нас! Жалкая Дума с ее жалкими кадетами как раз между этих двух стульев застревает. Она хочет революцию примирить с контрреволюцией, чтобы и волки и овцы вместе паслись, — и таким образом «одним ударом» утихомирить бурю революции. Поэтому-то Дума до сих пор занимается только толчением воды; потому-то она никакого народа не сумела собрать вокруг себя и вынуждена беспочвенно болтаться в воздухе. Главной ареной борьбы опять останется улица»².

На народных митингах в Петербурге единодушно принимались большевистские резолюции, клеймящие кадетов за измену

² Цит. по Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 105—106. 4-е изд.

выставленным на выборах обещаниям. 22 (9) мая на трехтысячном митинге в доме графини Папиной выступил встреченный бурной овацией Владимир Ильич Ленин. После его речи была принята резолюция, предостерегающая народ от предательской политики кадетской партии. Собрание обратилось к трудовикам с призывом открыто отмежеваться от кадетов и смело и без колебаний поддерживать революционные требования народа.

По мере того как кадетская Дума шаг за шагом капитулировала перед паризмом, среди трудовиков все более усиливалось стремление сбросить «это кадетское», как они выражались.

Еще в связи с конфликтом между Думой и правительством, вызванным отказом царя принять ответный адрес Думы через специально избранную депутацию, кадетам пришлось употребить немало труда, чтобы заставить трудовиков молча проглотить эту шлюлю, приготовленную правительством. Однако чем дальше, тем все труднее становилось кадетам сдерживать возбуждение трудовиков, то и дело пробивавшееся сквозь расставленные кадетами рогадки парламентского этикета.

Довольно заметно разрыв трудовиков с кадетами проявился при обсуждении законопроекта о собраниях. Этот кадетский законопроект, заслуживший название «каторжного», требовал заблаговременного извещения полиции об устройстве собраний, причем полиции предоставлялось право закрывать собрание, если оно примет революционный характер, и удалять неповиющихся силой. После жарких прений трудовики голосовали даже против передачи кадетского проекта в комиссию.

Коренное расхождение между кадетами и трудовиками обнаружилось, как и следовало ожидать, при обсуждении аграрного вопроса. В то время как кадеты стояли за сохранение помещичьего землевладения, «...лишь слегка очищая его от крепостнических черт и ведя к наименее быстрому, а наименее свободному развитию капитализма, к развитию типа, так сказать, прусского, а не американского»¹, — крестьянские депутаты требовали коренной ломки крепостнического землевладения.

Проект земельной реформы трудовой группы (записка «104-х») провозглашал принцип трудового землепользования. По этому проекту, помещичьи земли, поскольку размеры отдельных владений превышают трудовую норму, должны быть принудительно отчуждены в общенародный земельный фонд. Относительно условий отчуждения трудовики остановились на полдороге между выкупом части помещичьих

земель (кадетский проект) и конфискацией всех земель (лозунг большевиков). Несмотря на свой непоследовательный характер проект «104-х», тем не менее, верно выражал крестьянские интересы и надежды.

Выступая в Думе по земельному вопросу, крестьянские депутаты говорили на совершенно ином языке чем кадеты. Например депутат от Полтавской губернии Тесля, нарисовав яркими мазками картину безысходного горя и нужды крестьян, придавленных крепостническими латифундиями, заявил: «Крестьяне теперь без земли дальше жить не могут... Все стомяллонное крестьянство объявляет помещикам теперь решительную войну»².

Аграрные прения способствовали изоляции кадетской партии в Думе.

Самое тяжелое обвинение, которое выдвигали против кадетов черносотенцы, состояло в том, что сильная, голосами кадетская партия утратила руководящее значение в Думе и очутилась на поводу у трудовиков. Конечно, в такой резкой постановке обвинение это кадетами не заслужено. Но доля правды здесь есть. Сами кадеты признавались, что они из-за боязни раскола недостаточно парировали стремление трудовиков превратить Думу в трибуну.

Так, в первоначальном проекте адреса кадетская фракция хотела уклониться от каких-либо определенных указаний на разрешение аграрного вопроса. Но настоянию трудовиков ответный адрес был дополнен указанием, что удовлетворение земельной нужды крестьян предполагается путем «обращения на этот предмет земель казенных, удельных, монастырских, церковных, а равно и принудительного отчуждения земель частновладельческих». Такие случаи были неединичны.

Несмотря на свою победу на выборах кадеты убеждались на каждом шагу, что трудящиеся массы несравненно больше симпатизируют трудовикам чем им. Кадетская «Речь» признавалась, что «для русского крестьянина несомненно понятие о Думе очень часто сводится к понятию о трудовой группе»³. Поэтому кадеты боялись, что разрыв хотя бы внешней солидарности, которую кадетская фракция стремилась поддерживать в своих отношениях с трудовиками, приведет к изоляции кадетов в стране.

5

После окончания аграрных прений Дума поручила особой комиссии составить земельный закон на началах принудительного отчуждения частновладельческих зе-

² Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия 1-я, стр. 848.

³ «Речь» № 109 от 25 июня 1906 года.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 24.

Вооруженное восстание матросов в Свеаборге. 1906 год.

Музей революции СССР.

мель. В ответ на это решение Думы министерство Горемыкина бросило сй перчатку в виде опубликования 20 июня правительственного сообщения, подтверждавшего неприкосновенность помещичьей собственности.

Это правительственное сообщение, обнаруживая бессилие кадетской Думы, нанесло страшный удар ее авторитету среди широких слоев населения. Ведь весь секрет кадетской тактики состоял в том, чтобы привить массам веру во всесилие Думы и переключить их революционную энергию в русло парламентской «борьбы». Между тем правительство не помогало кадетам в их игре в парламентаризм. Банкротство этой игры, проявившееся в «адресе», «амнистии» и особенно в опубликовании «правительственного сообщения» 20 июня, рассеивало гинноз конституционных иллюзий. Кадеты опасались, что массовое движение вырвется из-под их влияния и, покинув русло парламентаризма, широко разольется по стране.

Действительно, усмирное к концу января 1906 года, крестьянское движение летом 1906 года вспыхивает с новой силой. Движением было охвачено 49,2% всех уездов. Во второй четверти 1906 года наблюдался также крупный подъем стачечного движения (479 тысяч ста-

чечников против 269 тысяч в первой четверти 1906 года). Рабочие и крестьянские выступления вызывали многочисленные случаи обращения царской администрации, помещиков и капиталистов к содействию войск. По свидетельству военного министра Редигера, «в течение первых 10 месяцев 1906 г. войска призывались гражданскими властями 2.230 раз»¹.

Но и в войсках было не совсем благополучно. Только в одном июне 1906 года произошли следующие выступления солдат: 6-го — восстание солдат 1-го батальона крепостной артиллерии в Севастополе, 7-го — возмущение Болховского полка в Рязани, 9-го — волнения во владивостокском гарнизоне, 11-го — волнения во 2-й роте крепостной артиллерии в Батуме, 13-го возбуждалась 13-я горная батарея во Владикавказе, 19 — 28-го — восстание 7-го кавалерийского запасного полка в Тамбове. Микробы брожения проникли даже в царскую гвардию: 4 июня в Петербурге состоялся 4-тысячный митинг солдат — семеновцев и преображенцев — с участием членов Думы; 6 — 12 июня наблюдались волнения в Преображенском полку.

¹ Из записок А. Ф. Редигера. «Красный архив». Т. 60-й, стр. 127.

Разгром помещичьей усадьбы. С картины Горелова.

Ленин характеризовал период I думы как приостановку отступления и попытку отступающих перейти в новое наступление. «Эпоха I Думы, — писал Ленин, — была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне... усилились солдатские «бунты»¹.

Из провинции в ЦК кадетской партии поступали пачками сведения о том, что настроение на местах стало настолько боевое, что массы не улавливаются на кадетскую удочку.

От крестьянских наказов, которые нескончаемым ливнем затопляли Думу, веяло духом непримиримой вражды к помещикам, в том числе и кадетским. В этих наказах полным голосом провозглашались требования земли и политической свободы. Так, в письме группы крестьян села Борского депутатам Думы от Самарской губернии говорилось: «Заявите всем в думе, что мы, крестьяне, требуем освобождения из тюрем всех борцов за народное дело. Пусть знают в думе, что мы требуем, чтобы вся земля без всякой платы перешла в пользование тех, кто ее обрабатывает собственным трудом. Пусть налоги будут собираться с богачей, а бедняков совсем освобо-

дить от налогов. Добивайтесь всего этого и не уступайте врагам народа ни одной пяди из наших требований».

В крестьянских наказах слышалось возмущение по поводу «переговорной» тактики кадетов. Крестьяне сел Ново-Царское и Александровка просили объявить депутатам-кадетам, что «повязка с глаз у крестьян почти спала. Они отлично видят теперь, что интересы у этих депутатов расходятся с интересами трудового народа. Передайте им, что в опасную игру они вздумали играть с народом... Передайте всей Думе, что во имя того, чтобы пролилось как можно меньше крови, ее обязанность — бросить безрезультатные переговоры с ненавистным всему народу правительством и обратиться к народу»². Выражая свое сочувствие трудовой группе и обещая ей поддержку, крестьяне в то же время предостерегали своих избранников, что если они отступят от народных требований и пойдут на сделку с правительством, то они лишатся поддержки крестьян, которые будут считать их изменниками и назначат над ними свой народный суд.

Кадеты не могли обойти молчанием правительственное сообщение от 20 июня, так как, по их мнению, оно, разрушая народную веру в Думу, грозило зажечь уже

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 385—386.

² «Крестьянские наказания Самарской губернии». Самара. 1906.

не «ялломпацию», а сплошной пожар, делало осязательно близкой перспективу всенародного восстания.

6 июля кадеты внесли в Думу проект обращения, в котором они убеждали народ не терять веры в мирный и усиленный исход посланца Думы с правительством и спокойно дожидаться результатов, отнюдь не прибегая к каким-либо насильственным действиям. Трудовики были недовольны «успокоительным» содержанием кадетского проекта. Считая, что Дума сильна лишь сочувствием населения, трудовая группа предлагала в думском обращении подчеркнуть необходимость активной помощи и поддержки требований Думы организованным народом. При голосовании кадетского проекта аграрного сообщения социал-демократы и мирнообновленцы голосовали против, а поляки и трудовики воздержались; проект прошел только 129 голосами кадетов, демонстрируя таким образом изолированность кадетской партии в Думе.

6

Что привело к роспуску Думы? «Эпоха кадетского конституционализма, — писал Ленин, — оказывается эпохой не кадетского и не конституционного, а революционного движения. Это движение заставляло распускать Думу. Опыт подтверждает, что кадеты — только «пена». Их сила — производная от силы революции. А на революцию правительство отвечает революционным по существу (хотя конституционным по форме) роспуском Думы»¹.

Дума имела бы смысл для царизма лишь при условии, если бы она гасила революцию. В действительности же в первое думское время, вопреки кадетской игре в парламентаризм, наблюдался рост революционного движения, чему отчасти способствовали и бесхитростные, дышащие ненавистью к помещикам речи крестьянских депутатов, с которыми они обращались к народу с думской трибуны.

Между тем кадеты из кожи лезли вол, чтобы уверить верховную власть, что одна только кадетская партия может вывести Россию на дорогу мирного развития. В связи с лояльностью, которой отличались кадетские лидеры, в недрах придворной камариллы, естественно, возникла мысль воспользоваться для разоружения революции услугами кадетов, тем более что привлечение общественных деятелей в министерство произвело бы благоприятное впечатление на иностранных хозяев царской России. Инициатор переговоров об образовании думского министерства, неизвестный генерал Тренов, в беседе с

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. X, стр. 8.

корреспондентом одной английской газеты сказал: «Конечно, кадетское министерство сопряжено с большим риском, но страна находится в таком положении, что следует пойти на этот риск. Если даже это средство не поможет, придется — и только тогда — обратиться к крайним средствам»².

Между кадетскими вожаками и царедворцами открылись переговоры о думском министерстве. Появился и «свах» вроде Шипова, который в беседе с царем резонно заметил, что оппозиционные замыслы кадетской партии не должны внушать серьезных опасений, так как это-де объясняется «занимаемым ею положением безответственной оппозиции», и что представители ее, как только войдут в состав кабинета, несомненно, «сочтут долгом значительно ограничить требования партийной программы при проведении их в жизнь и уплатят по своим векселям, выданным на предвыборных собраниях, не полностью, а по 20 или 10 коп. за рубль»³.

После беседы с царем у Шипова и его приятелей из лагеря либеральных сановников (Извольский, Ермолов и др.) сложилось впечатление, что мысль о кадетском министерстве встречена в Петергофе «сочувственно». Сами кадеты тоже считали вопрос о кадетском министерстве в «сферах» предрешенным. Между кадетскими лидерами происходила «дружеская» перебранка по поводу распределения портфелей, и вдруг 9 июля Дума была разогнана.

Что же случилось?

Мы уже указывали, что вопрос о разгоне Думы, в случае если она поднимет аграрный вопрос, был предрешен еще накануне открытия Думы, на царскосельском совещании в апреле 1906 года. Если, тем не менее, правительство медлило с разгромом Думы, то лишь потому, что боялось, как бы последний не повлек за собой новый взрыв революционного движения, с которым трудно было бы справиться ввиду волнений в войсках.

В этих условиях не удивительно было, что правящие круги приняли к мысли создать министерство «общественного доверия» для роспуска Думы. Объявляя открытую войну Думе своим аграрным сообщением, правительство прибегло к своеобразному провокационному ходу: оно начало переговоры с общественными деятелями о вхождении в правительство и вообще заигрывало с ними, чтобы заручиться их поддержкой при роспуске Думы, а потом,

² Цит. по Милюкову «Год борьбы», стр. 495—496. СПб. 1907.

³ Д. Шипов «Воспоминания и думы о пережитом», стр. 455. М. 1918.

в случае удачного «исхода боя», дать им шипка.

Само по себе аграрное контрсообщение Думы не могло повлечь за собой роспуск. «Ветеринарский» тон обращения к населению не мог вызвать какого-либо заметного беспокойства в «сферах», тем более что из-за отсутствия кворума не могло даже состояться постановление об его оглашении. Но на правящие круги удручающее впечатление произвело беспомощное барахтанье и изолированность кадетов при обсуждении аграрного сообщения. Это обстоятельство действительно оказалось роковым для идеи думского министерства и ускорило роспуск Думы.

Как мы видели, трудовики воздержались при голосовании кадетского проекта, призывавшего население «спокойно и мирно» ожидать окончания работы Думы по изданию земельного закона.

Неспособность кадетов создать в Думе послушное царизму большинство резала глаза придворной камарилье; отовсюду поступали сведения о том, что престиж кадетской Думы падает и что революция уже шла мимо Думы. Учитывая, что на митингах кадеты терпят поражение и что вообще почва у кадетов ускользает из-под ног, правящие круги все более и более убеждались в бессилии и дряблости кадетов, в их неспособности справиться с волнением «народного океана». Но этим автоматически выключались всякие комбинации с образованием «министерства роспуска Думы» с участием общественных деятелей. Если влияние кадетов на народные массы — блеф, а «без сочувствия слева, без этой карты не из ихней, а из чужой колоды, кадеты — только общество либеральных адвокатов» (выражение черносотенца Римского-Корсакова в беседе с царем), то тогда к чему толки о думском министерстве? К чему тогда церемониться с кадетами, а заодно и с Думой? Надо попытаться обуздать революцию кровавыми репрессиями. Придя к такому выводу, правящее дворянство становится на путь неприкрытого белого террора.

После разгона Думы трудовики хотели было собраться в Петербурге, чтобы обратиться к народу с призывом сплотиться вокруг Думы и объявить, что Дума не поддается акту о роспуске. Узнав об этом, кадеты решили перехватить инициативу у трудовиков и предложили последним ехать в Выборг. К счастью для кадетов, трудовики никогда не отличались четкостью своей политической линии. Поэтому, хотя они и чувствовали в этом предложении подвох и опасались, что поездка в Выборг может быть истолкована как простое бегство народных представителей,

тем не менее согласились поехать вместе с кадетами в Выборг.

На первом заседании бывших членов Думы в Выборге, вечером 9 июля, было решено в знак протеста против разгона Думы обратиться к народу с призывом не давать рекрутов, не платить податей и не признавать займов. На следующий день, 10 июля, предстояло утвердить текст воззвания.

Между тем из Петербурга получались вести, что там внешне спокойно, и это в значительной мере остудило первоначальный пыл кадетов. На собрании 10 июля большинство кадетских ораторов предлагало уже в воззвании довести только до сведения населения, что Дума распущена в тот момент, когда она была занята аграрным законодательством, и совершенно отбросить всякие призывы к народу.

Но всей вероятности, кадетская фракция в конце концов отвергла бы вторую часть воззвания, содержащую лозунги пассивного сопротивления, если бы не один случайный инцидент, который произошел перед самым концом заседания. Выборгский губернатор потребовал прекращения заседаний бывших членов Думы. Кадеты, по свидетельству секретаря выборгского совещания, «были непрочь подчиниться непреодолимой силе и оставить дело не доведенным до конца». Муромцев, который вел заседание, под предлогом, что он дал губернатору слово не продолжать собрание, удалился. Порядок собрания был нарушен. «Выручил» левый кадет Петрункевич, предложивший подписать воззвание, «как оно есть». Огромным большинством его предложение было принято.

Выборгский манифест был для кадетов предохранительным клапаном на случай общего революционного взрыва.

В Выборг кадеты ехали с паническим предчувствием, что роспуск Думы вызовет взрыв «стихийных кровавых столкновений». В этих условиях они не могли не искать компромисса с представителями революционной демократии, так как в противном случае они рисковали оказаться в «барском уединении» и лишиться бы всяких шансов повернуть поток массового движения в мирные берега.

Указывая народу мирный путь пассивного сопротивления, кадеты, как говорил на суде над выборжцами Муромцев, стремились «прорыть каналы и отвести поток по этим каналам от угрожаемых им жилищ».

Сразу же после подписания выборгского манифеста кадетская партия, по замечательному выражению Ленина, стала усиленно практиковать «... провозглашенный этим воззванием принцип пассивного сопротивления по отношению к самому же

воззванию»¹. Реально по организации пассивного сопротивления на местах ничего предпринято не было. Инценируя впоследствии процесс над выборщиками, прокуратура могла сослаться в обвинительном акте лишь на одиночные попытки распространения выборгского воззвания. IV съезд кадетской партии в сентябре 1906 года поспешил и формально разоружиться: он высказался против осуществления выборгского воззвания.

В связи с разгоном Думы меньшевики вывинули провокационный лозунг о демонстративной забастовке и о частичных проявлениях протеста против этого разгона Думы. Ленин и большевики вскрыли вопиющую нелепость мирного демонстрирования, устраивания протестов в обстановке ожесточенной гражданской войны. Используя роспуск Думы как повод к агитации за вооруженное восстание, большевики, стояли, однако, не за немедленный общий революционный натиск, а за подготовку к решительной и организованной борьбе.

Пресмыкательская линия поведения кадетов дискредитировала Думу в глазах народных масс, и последние не были склонны, вопреки призывам меньшевиков, выступить на защиту кадетской Думы. Рабочие сберегали силы для грядущих битв.

Во второй половине июля вспыхнули восстания в Свеаборге и Кронштадте. Питерские рабочие объявили забастовку с целью поддержать восставших. Но восстания в Свеаборге и Кронштадте были быстро подавлены. Стачка для поддержки

восставших солдат и матросов стала беспредметной, а стачки-протеста против роспуска Думы рабочие все время не хотели. С 22 июля забастовка в Петербурге пошла на убыль.

Низорный крах игры в парламентаризм нерводумских кадетов поколебал среди крестьян веру в возможность мирным путем получить землю и политическую свободу. Вера в царя и надежды на Думу поублекли, но еще не исчезли совершенно. Понадобился опыт четырех Дум, наглядные уроки столичинской реакции с ее зверским террором против революционного движения и разорением деревни в угоду кулакам, наконец, империалистическая война, чтобы крестьянство рассталось с монархическими иллюзиями, отошло от буржуазии и повернуло к прочному союзу с рабочим классом.

Характеризуя эволюцию крестьянских настроений во время буржуазно-демократической революции (1905 год — февраль 1917 года), товарищ Сталин писал: «История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство. Судьбу этой борьбы решил думский период, ибо период четырех Дум послужил предметным уроком для крестьянства, а этот урок воочию показал крестьянам, что им не получить из рук кадетов ни земли, ни воли, что царь всецело за помещиков, а кадеты поддерживают царя, что единственная сила, на помощь которой можно рассчитывать, — это городские рабочие, пролетариат»².

О РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Инструктор отдела пропаганды и агитации Куйбышевского горкома ВКП(б) тов. Антипов обратился в журнал со следующим вопросом: «Был ли рабский строй у народов, ранее живших на территории СССР?»

Ниже печатаем ответ члена-корреспондента Академии наук СССР В. И. Пичеты.

На ваш вопрос о существовании рабовладельческих обществ на территории СССР можно дать следующий ответ. Да, на территории СССР, в отдельных ее частях, в разные периоды существовало рабовладельческое общество, что можно установить в настоящее время с помощью конкретных материалов.

1. Прежде всего рабовладельческий способ производства являлся господствующим в государстве Урарту, расположенном в

бассейне озера Ван, ныне находящегося в пределах Турции, озера Урмийского — в Иране и озера Гокча — в пределах Советского Союза. Эта страна называлась в древнейшее время Б и а й н а и была населена х а л д а н и.

Источниками изучения халдского общества являются царские надписи. Они были найдены как в пределах нашего Союза, в Закавказье, так и в пределах Турецкой Армении. Уже с IX века до нашей эры халды начали борьбу с Ассирией, а в VIII веке до нашей эры вступили на путь завоеваний. При царе Аргишти эта борьба была особенно успешной. Было захвачено множество пленных. Во время своих походов царь Аргишти забрал в плен 91 тысячу мужчин, 52 500 женщин, 74 тысячи де-

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 35. 10-е изд.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. X, стр. 119.

тей, 10 тысяч лошадей, 127 тысяч голов крупного скота, 580 тысяч мелкого скота и несколько сот верблюдов, не говоря о добыче, захваченной войсками его армии.

При сыне Аргинти Сардуре борьба с соседями продолжалась и количество захваченных в плен все увеличивалось. Пленные становились рабами. Их труд был широко использован в производстве. Сооружение крепостей, зданий, каналов было возможно только при широком использовании труда рабов. В некоторых надписях имеется прямое указание на то, что при постройке того или иного здания был использован труд ассирийских военнопленных. Владения халдов распространялись на все Закавказье. Проведение оросительной системы и расширение площади плодородных земель возможны были только при использовании рабочей силы рабов, которые воспроизводились путем завоеваний.

В VII веке до нашей эры государство халдов—Урарту—потеряло свое политическое значение; халды были уже и количественно немногочисленны (300 тысяч), и им становилось крайне трудно держать в покорности захваченную страну. Рабы составляли значительную часть населения. Ослабевшее государство уже не могло сдерживать натиска врагов и легко стало добычей соседей-завоевателей.

Урарту было территорией, на которой жили предки грузин и армян. Древнейшие Грузия и Армения уже не знали рабовладельческого способа производства: в них стали развиваться феодальные отношения¹.

2. Вторым районом, где в производстве был господствующим труд рабов, было Северное Причерноморье. Здесь начиная с VII века до нашей эры стали возникать греческие колонии. Северные берега Черного моря были усеяны греческими колониями. Отметим наиболее значительные: Ольвия на Днепро-Бугском лимане, Пантикапей (нынешняя Керчь), Танаис при устье реки Дона, Тира в устье Днестра (Тирас), Херсонес на южном берегу Крыма (около Севастополя), Феодосия, Фанагория (русская Тмутаракань).

Греческая колонизация Причерноморья была связана с поисками рынков сбыта для греческой промышленности и рынков хлеба, которого не хватало в самой Греции, и в особенности с ожесточенной классовой борьбой в греческих полисах — государствах-городах. Богатая городская верхушка старалась освободиться от немощного населения — своих классовых врагов —

¹ История Древнего мира. Т. I. Древний Восток, стр. 437—443. Москва, 1936; А. К. В. Струве «Урарту—древнейшее государство на территории СССР». Ученые записки Лен. Гос. Унив., стр. 134—146, № 19—IV. 1938.

и выселяла их в колонии. В V веке до нашей эры Пантикапей стал центром большого государства, так называемого Боспорского царства, простиравшегося на север до устья Дона и на восток от Феодосии до Кубани. В I веке до нашей эры Боспорское царство вошло в систему Римской империи. Колонисты принесли с собой в колонии рабский способ производства, благодаря которому рабовладельческий строй укрепился в греческих колониях. Соседями греков были скифские племена, с которыми они воевали и которых они обращали в рабство. В конце II или в начале I века до нашей эры в Боспорском царстве произошло восстание рабов под руководством Савмака. Последний боспорский царь был убит. Его место занял Савмак. Против воцарившегося Савмака пошел понтийский царь Митридат, и Савмак был убит².

3. Современные исследования Средней Азии позволяют установить наличие здесь в далеком прошлом рабовладельческого строя. Эти сведения получены благодаря работам советских археологов и ученых, занимающихся историей Средней Азии, и в первую очередь благодаря исследованиям С. П. Толстова.

На основании этих новых материалов установлено, что господствовавшее до сих пор мнение об отсутствии в древности в Средней Азии рабовладельческого строя и якобы господстве феодальных отношений до арабского завоевания VII века неверно. Можно с уверенностью сказать, что рабовладельческий, дофеодальный характер общественного строя в Средней Азии, «когда крестьяне были свободны», не вызывает в настоящее время никаких сомнений. В Согдиане, Хорезме, Маргиане, Бактрии непосредственные производители жили большими патриархальными общинами. Из них выделялась могущественная аристократия рабовладельцев (дишканов). Большая семья перерастала у аристократии в рабовладельческую, в состав которой входили рабы и поступающие под покровительство главы семьи бедняки. Глава семьи располагал неограниченной властью по отношению ко всем членам семьи (кеда). В хозяйстве такой семьи рабы составляли основную рабочую силу. Рабы и полувольные (кедверы) обрабатывали поля богатых землевладельцев³.

² А. К. С. А. Жебелев «Народы Северного Причерноморья в античную эпоху». «Вестник Древней истории», стр. 149—163. № 1(2). 1938; его же «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». «Известия ГИММ». Вып. 70-й. 1933.

³ С. П. Толстов «Основные вопросы древнейшей истории Средней Азии». «Вестник Древней истории» № 1(2), стр. 176—204. 1938.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИВОПИСЬ

(Выставка в Государственной Третьяковской галерее)

Выставка «Русская историческая живопись» является большим событием в общественно-культурной жизни нашей страны.

На выставке представлено около 600 произведений живописи, графики и скульптуры, собранных со всего Союза, причем отбирались только высококачественные произведения и главным образом такие, в которых отражены моменты прошлого нашей страны.

Поскольку материал расположен на выставке не в последовательно хронологическом порядке изображаемых событий, а в последовательно хронологическом порядке создания произведений, выставка начинается с небольшого отдела, где собраны памятники древнерусской живописи, раскрывающие определенные исторические события. Особый интерес с этой точки зрения представляет икона, известная под названием «Чудо от иконы знаменья», или «Битва суздальцев с новгородцами», датированная второй половиной XV века. В этом произведении неизвестный новгородский художник изображает событие, имевшее место в 1169 году, когда суздальцы пытались захватить Новгород, но потерпели поражение. Новгородцы приписали это чудесному «заступничеству» богородицы, икона которой «Знамение пресвятой богородицы» являлась наиболее чтимой новгородской святыней. Интересно отметить, что об этой победе над суздальцами новгородцы вспоминают как раз в то время, когда происходит борьба между Новгородом и Москвой, которая окончилась покорением Новгорода и присоединением его к Московскому государству во второй половине XV века.

Это произведение может служить примером того преломления конкретной действи-

тельности через религиозное сознание, которое присуще древнерусскому искусству.

Как известно, с начала XVIII века религиозное искусство уступает свое ведущее место искусству светскому. Самым ранним произведением этой новой, светской живописи из представленных на выставке является полотно, приписываемое одному из петровских пенсионеров А. Матвееву или И. Никитину, — «Куликовская битва», — условно датированное ныне концом 20-х годов XVIII столетия. Надо полагать, что это — вообще наиболее раннее произведение светской русской живописи на историческую тему.

Изображая одно из самых значительных событий прошлого русского народа — знаменитое «Мамаево побоище» 1380 года, явившееся началом свержения татаро-монгольского ига и создания русского национального государства, — художник стремился с максимальной правдивостью передать это невиданно кровопролитное сражение, когда «трепетали сильные молнии от блантания мечного и от сабель булатных и бысть яко гром от копейного сломления».

Приблизительно к тому же времени относится громадное полотно «Полтавская битва», неолненное, по видимому, французским живописцем П. Д. Мартеном по заказу Петра I. Требование конкретности, которое предъявлялось к живописи в петровские времена, нашло здесь свое выражение. Перед зрителем разворачивается как бы панорама сражения. В левой части — укрепленный русский лагерь, несколько правее — вдали, — город Полтава, в правой части — сражающиеся русские и шведские войска. На переднем плане верхом на коне Петр, сопровождаемый свитой.

Это произведение не отличается тем живым драматизмом действия, которое мы видим у А. Матвеева — И. Никитина — в «Куликовской битве»: художник дает как бы официальный «портрет» Полтавского сражения, «баталию», подчеркивая эту официальность декоративным обрамлением.

При Петре I возникает идея создания Академии художеств, претворенная в жизнь только в 50 годах XVIII века, во времена Елизаветы. Академия художеств особенно культивировала живопись историческую, подлежащую «умножить героический огонь». Этот «героический огонь» выражен уже в произведениях первого русского академика и вместе с тем первого русского исторического живописца академического направления — А. П. Лосенко. Его картина «Прощание Гектора с Андромахой» (1773 год), проникнутая нафосом героического патриотизма, является одним из лучших произведений русской живописи XVIII века.

Г. И. Угрюмов. «Въезд Александра Невского в Псков после победы над немцами. 1790-е годы. Выставка «Русская историческая живопись».

Академия, особенно в первое время своего существования, охотно обращалась к античным и мифологическим сюжетам, но в то же время ей отнюдь не была чужда и тематика национальная, русская. Уже у А. П. Лосенко есть такое полотно, как «Владимир и Рогнеда» (1770 год).

Эта национальная тематика более полно раскрыта в творчестве Г. И. Угрюмова. На выставке представлено его полотно 1790-х годов — «Въезд Александра Невского в Псков после победы над немцами», — изображающее момент торжественного въезда Александра Невского в Псков после разгрома им «псов-рыцарей» в битве на льду Чудского озера в 1242 году.

Большой интерес представляет круг тем, затрагиваемый русскими историческими живописцами в начале XIX века. Особый подъем патристического чувства и национального самосознания, наблюдаемый в русском обществе в то время в связи с угрозой наполеоновского вторжения, не мог не влиять на русскую историческую живопись.

В 1808 году появляется произведение Д. П. Иванова «Марфа Посадница у Феодосия Борцкого» — тема, весьма близкая к барамзинской повести «Марфа Посадница». Юный Мирослав в присутствии Марфы Посадницы, главы литовской партии в Новгороде, ярой противницы Москвы, получает из рук отшельника Феодосия Борцкого, некогда прославленного военачальника, меч Ратмира для защиты «вольного Новгорода» от Москвы. Тема понята здесь художником

исторически неверно, так как борьба «вольного Новгорода» против Москвы не была борьбой народа за свою самостоятельность, но в этом неправильном толковании темы находит свое выражение настроение русского общества того времени.

Несколько подчеркнутая мужественность образов, строгая ритмичность композиции, цветовая гамма, элементы античности — все это невольно вызывает на сравнение с полотнами Давида, художника французской революции, в творчестве которого также нашли свое выражение общественные настроения его времени.

В 1812 году, в год вторжения Наполеона, появляется произведение Андрея Иванова, отца знаменитого Александра Иванова, «Единоборство Мстислава с Редедой», эпизод, относящийся к 1022 году и упомянутый в «Слове о полку Игореве». Мстислав, князь Тмутараканский, один из сыновей Владимира, побеждает в единоборстве Косожского князя Редедю и тем определяет исход сражения между русскими и косогами. Античная богиня победы, витая над борющимися, готова венчать лавровым венком победителя. Идея героики и борьбы лежит в основе и этого произведения. Этому же художнику принадлежит и полотно 1814 года — «Эпизод из осады Киева печенегами в 968 году», — летописное предание об юноше-киевлянине, который вызвался сообщить воеводе Претичу, находившемуся на противоположном берегу Днепра, о бедствиях, переносимых осажденными, и тем спасшем город.

А. Иванов. «Единоборство Мстислава с Редедей». 1812 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

Приподнятость чувств, известная отвлеченность образов, обращение к античности — все это свойственно академическому искусству и все это имеет место в упомянутых произведениях. В этом же духе написаны и два полотна на одну тему, относящиеся к 1810—1820 годам, другого крупнейшего представителя академического искусства начала XIX века — В. К. Шебуева. Его «Расстрел поджигателей» изображает сцену расправы французских интервентов над подозреваемыми в поджогах Москвы. Поджоги являлись одной из форм борьбы народных масс против захватчиков, и художник, подчеркивая героичность образов этих борцов, раскрывает некоторых из них в силу академических традиций в плане неких античных героев. «Истинная и благороднейшая цель искусства состоит в том, чтобы сделать добродетель ощутительной, передать бессмертную славу великих людей, заслуживших благодарность отечества, и воспламенить сердца и разум к последованию...» — гласит одна из дополнительных статей в старому уставу Академии художеств.

Известная отвлеченность академического искусства постепенно перестает удовлетворять художественные запросы русского общества. Предъявляются требования большей об'ективности, возникает реакция против академизма, причем попытки преодолеть академические традиции намеча-

ются в рамках того же академического искусства.

К. П. Брюллов, автор прославленной картины «Последний день Помпеи» (не доставленной на выставку по техническим причинам), в 1834 году выступает со своим произведением «Смерть Инессы де Кастро». Обращаясь к тематике европейского средневековья и тем самым отдавая дань романтическим увлечениям своего времени, Брюллов уже с определенной реалистической направленностью раскрывает этот эпизод, воспетый Камюэнсом в его «Лузнадах». Стремление к психологизму, внимание к историко-археологическим моментам отличают это произведение от предшествующих.

Примерно в это же время начинает особенно развиваться русская историко-батальная живопись, отразившая целый ряд моментов славного военного прошлого русского народа. На выставке представлены произведения художников историко-баталистов: А. И. Зауервейда, Б. П. Виллевальда, Н. А. Зауервейда, А. Е. Коцебу и др.

Особый интерес представляют полотна А. Е. Коцебу, мастера, незаслуженно забытого и только теперь вновь начинающего привлекать к себе внимание. Северная война, Семилетняя война, героический переход Суворова через Альпы нашли свое выражение в его творчестве.

В полотне 1849 года — «Взятие Берлина русскими войсками» — Коцебу раскрывает один из замечательных эпизодов Семилетней войны — занятие в 1760 году русскими войсками Берлина — после разгрома считавшегося непобедимым прусского короля Фридриха II. Несколько позднее Коцебу написаны «Переход через Чортов мост» (1858 год) и «Переход через Павлик в Альпах» (1860 год) — эпизоды беспримерного перехода русских войск под начальством Суворова через Альпы поздней осенью 1799 года во время войны против Франции.

Художнику, тщательно изучившему изображаемые события, удалось с большой исторической правдой образно воссоздать эту героическую эпопею.

В первой половине 1860-х годов Коцебу работает над большим, монументальным полотном «Полтавская победа».

Полтавское сражение 1709 года в значительной степени определило исход Северной войны 1700—1721 годов, в результате которой Россия получила побережье Балтийского моря, то есть то, «что было абсолютно необходимо для нормального развития его (Петра I.—К. Ш.) страны» (Маркс).

Художник изобразил момент, когда разбитые шведы уже бежали вместе со сво-

пм союзником, изменником Мазеной, главой кучки украинских сепаратистов, и когда перед полыхавшим Петром русские знаменосцы склоняют захваченные у шведов знамена. Полотно написано с большой выразительностью, особенно — центральная группа, где каждая фигура раскрыта художником как определенная индивидуальность, где каждому дается определенная характеристика. Значимость изображенного подчеркивается известной торжественностью, отнюдь не переходящей в патетику.

Русская историко-батальная живопись не могла оставить без внимания прошлое русского военного флота.

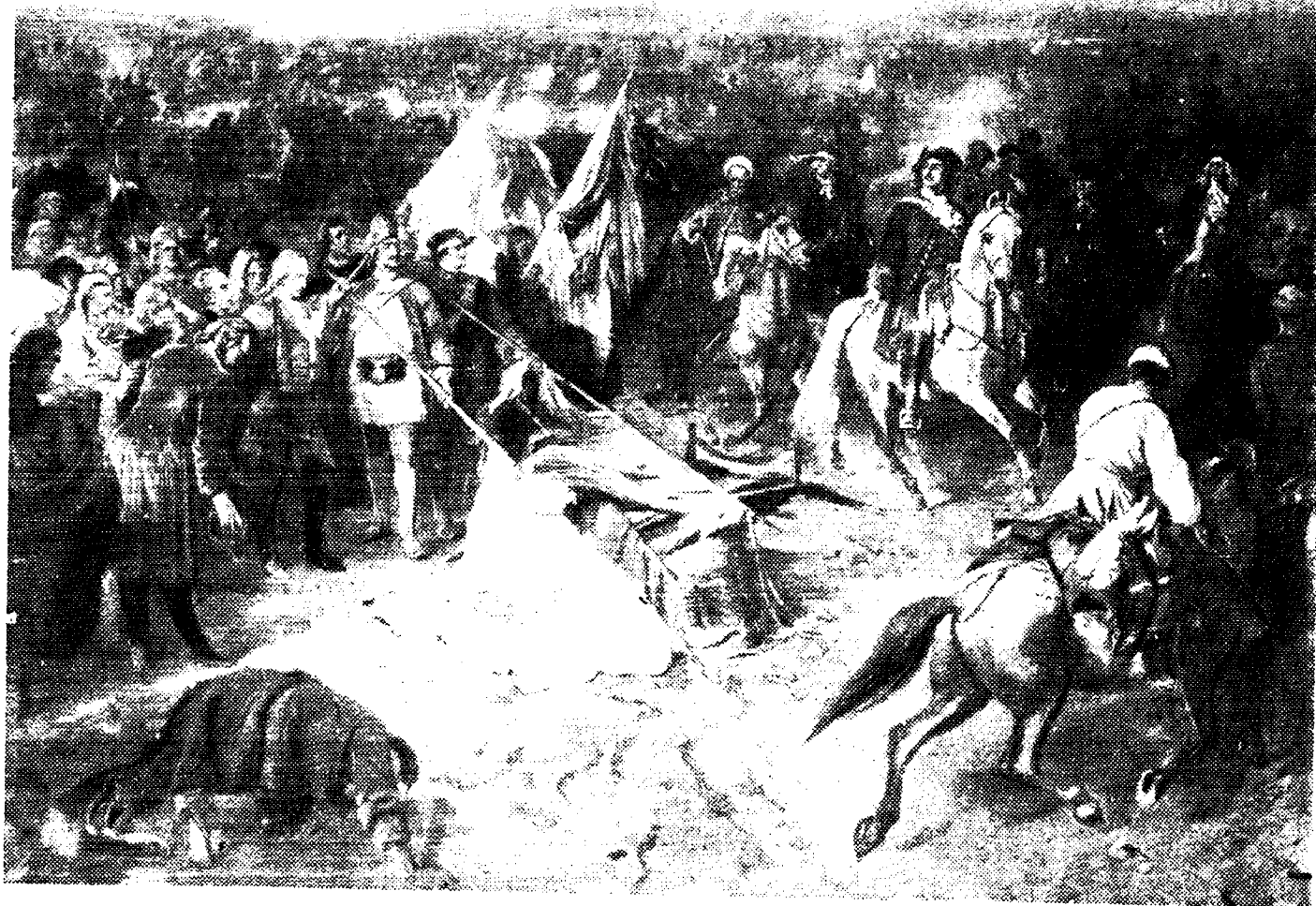
Крупнейшие русские художники-маринисты: И. К. Айвазовский и А. П. Боголюбов — в своих произведениях воссоздали ряд замечательных событий из русской военноморской истории.

Особое внимание обращает на себя полотно Айвазовского 1850 года — «Чесменский бой».

Русский флот, в котором многие сомневались после смерти его основателя — Петра I, — разбил эти сомнения, уничтожив сильный турецкий флот в Чесменской бух-

те в июне 1770 года, во время первой русско-турецкой войны.

В 1860-х годах создавал свои произведения В. Г. Шварц, который, по выражению П. П. Крамского, «начал проводить борозду и очень глубокую, верно-угаданную в направлении своем исторически». Его произведения вносят как бы новое качество в русскую историческую живопись. В полотне 1864 года — «Иван Грозный у тела убитого им сына» — Шварц, впервые в русской исторической живописи, стремится дать сложную психологическую драму. Художника привлекают переживания Грозного — царя-сыноубийцы. Достигнутый в 60-х годах уровень истории материальной культуры как науки позволяет художнику с достаточной правдивостью изобразить костюмы, обстановку и т. п. В этом же произведении Шварц, впервые в русской живописи, нашел тот внешний облик Грозного, который потом был использован большинством русских художников, работавших над образом Грозного. Этот облик весьма сходен с описанием наружности Грозного, данным князем Катывым-Ростовским. Шварц был первым рус-

А. Е. Коцебу. «Полтавская победа» (фрагмент). 1860-е годы.

Выставка «Русская историческая живопись».

ским живописцем, который раскрывал в своих произведениях не только самое историческое событие, но и общий исторический колорит эпохи. В этом смысле интересно его полотно 1868 года — «Вешний поезд царицы на богомолье», — с тонким лиризмом передающее настроение серенького мартовского дня, деревушку с крытыми соломой избами без труб и двигающиеся по талому снегу яркие пятна крытых возков, сопровождаемых «ближними» боярами.

То, что было положено Шварцем в основу его произведений, в дальнейшем разрабатывалось передвижниками, то есть художниками, входившими в возникшее в 1871 году «Товарищество передвижных выставок». Это было объединение наиболее прогрессивных художников, являвшихся представителями того направления в русской живописи, которое известно под названием идейного реализма.

Обличительные тенденции, свойственные идейно направленному искусству ранних передвижников, появляются также и у некоторых художников академического направления, как например у В. И. Якоби, раскрывшего в своих произведениях одну из самых мрачных страниц прошлого русского народа, время Анны Иоанновны, «бироновщину», время немецкого засилья, когда, по выражению современника, «...бродяги, которые считались самыми презренными в

прочих местах Европы... толпами шли в Россию... и удавалось им получать такое счастье, как лучшим подданным».

Его полотно 1872 года — «Шуты при дворе императрицы Анны Иоанновны» — характеризует придворный быт и нравы того времени. В спальне Зимнего дворца заболевшую Анну увеселяют шуты, причем трое из них: Голицын, Волконский и Апраксин — принадлежат к знатнейшим русским фамилиям. У изголовья кровати сидит Бирон. К его уху склонился Ушаков — начальник страшной Тайной канцелярии. Поэт Тредьяковский, почтительно согнувшись около стойки с понугаями, ждет случая для прочтения очередной оды. На втором плане, в дверях, Артемий Петрович Вольтинский, выступавший против немецкого засилья и Бирона и покатившийся за это жизнью, с гордым презрением смотрит на окружающее.

Портретность изображенных лиц и правдивость окружающей обстановки дают возможность с достаточной полнотой представить себе верхи русского общества того времени, паразитствующие на теле многомиллионного, разоряемого ими народа.

Эта грубость и дикость нравов Анны и ее двора еще ярче раскрыты художником в картине «Свадьба в Ледяном доме» (1878 год). Художник изобразил известный эпизод 1740 года, когда была устроена

В. Г. Шварц. «Вешний поезд царицы на богомолье», 1868 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

В. И. Якоби. «Шуты при дворе Анны Иоанновны». 1872 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

свадьба шута Голицына с придворной калмычкой Бужениновой в специально построенном ледяном дворце, который «гораздо великолепнее казался, нежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен... и для ледяной прозрачности и синего его цвета на гораздо дрожащий камень нежелеза на мрамор походил», как писал современник. В ледяном алькове сидят несчастные, замерзающие шуты-старички, которым шут Лакоста издевательски предлагает веер. В правой части — толпа ряженых, среди которых в своих национальных костюмах представители различных народов, населявших Россию, насильно согнанные сюда на потеху придворной клики.

Очень живописно полотно Якоби 1875 года — «Волинский на заседании кабинета министров», — образно раскрывающее ту борьбу, которую приходилось вести Волинскому против Бирона и его присных, грабивших русский народ и повторявших, по словам Ключевского, «времена татарского нашествия, но только из отечественной столицы». В произведении Якоби еще много любования внешне эффектными моментами: красотой тканей, игрой света и т. п., — и это в известной степени ослабляет содержательность его произведений.

Как было сказано выше, сложную психологическую драму стали развивать в своих исторических композициях передвижники и близкие им художники.

В 1871 году появляются два произведения: полотно Н. Н. Ге «Петр I допраши-

вает царевича Алексея Петровича» и скульптура (мрамор) М. М. Антокольского «Иван Грозный». В первом изображается сцена одного из допросов Петром I в петергофском Монплезире его сына Алексея, группировавшего вокруг себя противников прогрессивной деятельности Петра и являвшегося орудием в их руках. Склонив голову, стоит перед сидящим у стола Петром Алексей — бездарный, недалекий, но упорный в своей ненависти человек, «влекомый, но не влачители», как выражался о нем Петр. С помощью врагов русского народа, которым отнюдь было невыгодно превращение России из страны отсталой в страну европейской культуры, пытался он вернуть старое, но был как изменник родины приговорен к смерти.

Через личную драму отца и сына художник раскрывает здесь драму общественно-исторического порядка, подымая в образе Петра личное до высоты общественно-исторического.

По-иному дается Антокольским образ Ивана Грозного. Грозный, боровшийся против боярства, за создание централизованного феодального государства, начавший борьбу за побережье Балтийского моря, которую только полтора века спустя завершил Петр I, — Грозный как исторический деятель в этом произведении в какой-то степени уступает свое место Грозному, характеризованному им самим в завещании 1572 года:

«Тело изнемогло, болзнует дух, струны душевные и телесные умножились и нет

М. М. Антокольский. «Петр I».
Выставка «Русская историческая живопись».

врача, который бы меня исцелил: ждал я, кто бы со мною поскорбел и нет никого; утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистью за любовь». Полный внутреннего напряжения, сидит этот умный, неуравновешенный человек, терзаемый сомнениями и угрызениями совести. Правая рука судорожно сжимает ручку кресла, в левой — четки.

Если у Ге Петр I раскрыт как исторический деятель, подчиняющий свое личное общественному, то у Антокольского в образе Грозного все же личное преобладает над общественно-историческим.

В созданной год спустя тем же Антокольским скульптуре «Петр I» последний изображен художником прежде всего как исторический деятель. В преобразованном мундире, треуголке и грубых ботфортах стоит он, откинув правую руку, опирающуюся на трость, устремив вдаль пронзительный взгляд. «Его доблесть, гигантский рост и гордая величавая наружность с огромным творческим умом и исполинскою волею — все это так походило на страну, в которой он родился, на народ, который воссоздать был он призван; на

страну беспредельную, но тогда еще не слюченную органически, народ великий, но с одним глухим предчувствием великой будущности», — пишет Белинский о Петре I. И эта оценка Петра совпадает с тем пониманием его образа, которое мы находим у Антокольского.

Передовая русская общественная мысль 60—80-х годов высоко оценивала деятельность Петра. К Грозному же она относилась в общем отрицательно, видя в нем прежде всего деспота и тирана, хотя и находя его чрезвычайно интересной индивидуальностью. Ге и Антокольский выразили это отношение в художественных образах.

Тематике Грозного посвящен художниками-передвижниками целый ряд живописных произведений, кроме рисунков и иллюстраций. В 1875 году появляются полотна А. Д. Литовченко «Иван Грозный показывает свои сокровища английскому послу Горсею» и Г. С. Седова «Иван Грозный и Василиса Мелентьева», в 1881 году — Н. В. Певрева «Смерть князя Гвоздева», в 1884 году — С. Р. Растворовского «Послы Ермака у Ивана Грозного» и, наконец, в 1885 году — наиболее яркое выражение указанного выше представления о Грозном — картина П. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года».

Первым произведением величайшего русского художника П. Е. Репина на истори-

И. Е. Репин. «Царевна Софья». 1879 год.
Выставка «Русская историческая живопись».

В. И. Суриков. «Утро стрелецкой казни». 1881 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

ческую тему была «Царевна Софья» (1879 год). Будучи заточенной в Новодевичий монастырь еще в 1689 году, после подавления организованного ею второго стрелецкого мятежа, она, опираясь на реакционные круги боярства и стрельцов, продолжала вести закулисную борьбу против Петра. В 1698 году Софье и ее политическим друзьям вновь удалось поднять стрельцов против Петра, который готовился начать широкую преобразовательную деятельность. Этот третий и последний стрелецкий бунт был подавлен Петром, ответившим на это реакционное выступление массовыми казнями стрельцов осенью 1698 года.

Художник изобразил Софью в эти страшные для нее дни. Рухнули последние надежды на царский венец, на власть. Ненавистный ей Петр в издевку повесил перед окнами ее кельи стрельцов, в мертвых руках держащих челобитные с призывом ее на царство. С глубоким психологизмом раскрывает художник личную трагедию этой «больше мужеска ума исполненной девы», как говорил о ней один из современников. Репин не дает здесь широкого охвата исторического события. Историческая драма рассматривается Репиным, как и многими художниками его времени, прежде всего как личная драма исторической личности. Это обусловлено господствовавшим в те времена взглядом, что герои делают историю, а не народные массы.

Трагизм переживаний еще более напряженно передан Репиным в упомянутом полотне 1885 года «Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 года», занимающем

центральное место в творчестве художника. С глубокой жизненной правдой изображает художник обезумевшего от ужаса Грозного, прижимающего к груди окровавленную голову убитого им сына.

Работая над «Иваном Грозным», Репин работал одновременно и над «Запорожцами» (картина эта находится в Ленинграде и не могла быть доставлена на выставку по техническим причинам. На выставке представлен вариант, принадлежащий Киевскому музею и относящийся к 1889—1891 годам). Вольные «лыцари» Чертомлыцкой Сечи во главе со своим кошевым Иваном Серко пишут полулегендарное, полное насмешек письмо к турецкому султану Магомету IV. Репина как художника, стоявшего в 70—80-х годах на позициях революционной демократии, привлекла эта вольница, часто выступавшая против гнета деспотической власти и иноземных захватчиков: турок, поляков, татар.

Особенно интересно в этом произведении, что в центре внимания художника уже не отдельная историческая личность, а масса, причем эта масса выступает в целом как некое действующее начало.

Репин не посвятил себя всецело исторической живописи. Последняя в его творчестве не занимает главного места. Полностью посвятил себя исторической живописи другой величайший русский художник, современник Репина, В. И. Суриков.

В 1881 году появилась его первая большая композиция—«Утро стрелецкой казни». Последний стрелецкий бунт, организованный реакционной партией Софьи, подавлен Петром. На Красную площадь Моск-

вы в серое утро 30 сентября 1698 года привезены на казнь стрельцы в белых, смертных рубахах, со свечами в руках.

Как бы два исторические начала противопоставлены здесь Суриковым. Старая, феодальная Русь уходит в прошлое. Ей на смену идет новая Россия, более прогрессивная форма государства «помещиков и купцов». Творчески проникновенно вскрывает здесь художник смысл изображаемого события. «Я не понимаю действия отдельных исторических личностей без народа, без толпы. Мне надо вытащить их на улицу», — говорил Суриков.

«Боярыня Морозова» (1887 год) является как бы подтверждением этих слов. В этом произведении тонко найдено художником взаимоотношение исторической личности и народа, героя и массы.

Боярыню Морозову, соратницу неистового Аввакума, одну из руководительниц движения раскольников, везут закованную в цепи по улицам Москвы в кремлевский застенок. Поднятой рукой с двушерстным знаменем призывает она своих сторонников к борьбе. С бесконечным разнообразием характеристик дана художником эта пестрая московская толпа XVII века. Различные индивидуальности связаны художником общим отношением к происходящему, единой, общей идеей, находящей свое наиболее яркое выражение в образе Морозовой.

Делая народ объектом изображения, Суриков не мог пройти мимо подлинно народных героев. Ермак, Степан Разин, Пугачев находят в его произведениях образное выражение. В «Покорении Сибири» (1895 год) художник показал в исторически обобщенном плане героический поход Ермака и кучки его товарищей, пробравшихся в начале 1580-х годов реками с Камы на Иртыш, разбивших сибирского хана Кучума и покоривших народы Западной Сибири: хантов, маньси, сибирских татар.

Этот поход явился как бы завершающим моментом той многовековой борьбы со степными кочевниками, которую вел русский народ во имя сохранения своего национального государства и укрепления его границ. И этот же момент имел большое значение в превращении русского национального государства в государство многонациональное.

Творчество Сурикова, проникнутое глубоким историзмом, подытоживает все лучшее, что было создано передвижниками в области исторической живописи, и поднимает ее в то же время на большую высоту.

Народ как действующее начало в историческом процессе, народ в моменты его борьбы, интересуется и многих других худож-

ников в 80—90-х годах. К. Е. Маковский создает в это время большое полотно — «Кузьма Минин на Нижегородской площади», — посвященное одному из замечательных эпизодов борьбы русского народа против польско-литовских интервентов в начале XVII века. Площадь около нижегородского Кремля заполнена народом, несущим свое достоинство по призыву Минина на дело защиты родины, на организацию ополчения против захватчиков. К. В. Лебедев в 1889 году заканчивает полотно «Марфа Посадница. Уничтожение новгородского вече», изображающее увоз новгородского вечного колокола после занятия Новгорода Иваном III в 1478 году. Правда, здесь так же, как и в произведении Д. И. Иванова «Марфа Посадница у Феодосия Борецкого» (1808 год), самая тема понята художником исторически неверно, но народу как действующему началу художник отводит первое место, концентрируя его отношение к происходящему в образе Марфы Посадницы.

В. В. Верещагин в своей историко-батальной серии 1890-х годов, посвященной войне 1812 года, так же делает народ одним из главных объектов изображения. Героической борьбе народа против захватчиков-французов посвящены также полотна этой серии, как «На большой дороге. Отступление», «С оружием в руках! Расстрелять!» или «Не замай! Дай подойти!», где изображена группа крестьян-партизан, притаившихся в лесу среди запущенных снегом деревьев в ожидании приближающегося отряда французов. Интересно отметить, что это полотно, где нет ни одного персонажа в военной форме, относится к произведениям историко-батальной живописи. Факт, который не мог иметь места в историко-батальной живописи предшествующего периода.

Интерес к исторической драме, нашедшей свое наивысшее выражение в творчестве Сурикова, не ограничивает круг интересов русской исторической живописи конца XIX, начала XX века. Еще в 1880 году появляется замечательное полотно В. М. Васнецова — «После побоища Игоря Святославича с половцами», — изображающее один из эпизодов «Слова о полку Игореве», когда храбрые русские дружины не выдержали натиска несметных полчищ врагов, когда «пали знамена Игоревы», когда «шир докопчили храбрые русские, сватов напоили и сами полегли за землю русскую». Это произведение является одним из самых ранних в русской исторической живописи на тему русского героического эпоса.

В 1898 году Васнецов заканчивает «Богатырей», над которыми он работал много лет. Излюбленные герои русских былин:

К. В. Лебедев. «Марфа Посадница. Уничтожение новгородского веча». 1889 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович — стоят на страже родных рубежей, зорко всматриваясь вдаль, «нет ли где ворага лихого». В этом произведении Васнецов зрительно передал в художественно обобщенной форме качества, присущие самому народу и которыми он наделил созданных его творческой фантазией героев.

Если В. Г. Шварц еще в 60-х годах в большинстве своих произведений, изображая какое-нибудь событие прошлого, стремился передать общий исторический колорит эпохи, то в этом смысле линию Шварца как бы продолжали в конце XIX и в начале XX века А. И. Рябушкин и С. В. Иванов. Но, будучи современниками Сурикова и, несомненно, испытывая воздействие традиций последнего, они с большей чем Шварц проникновенностью раскрыли ту повседневность прошлого, в окружении которой происходят те или иные исторические события и в окружении которой действуют те или иные исторические личности.

Раннее полотно Рябушкина — «Потешные Петра I в кружале» (1892 год), — изображающее молодых петровских потешных в преображенских мундирах, сидящих за столом с длинными трубками в зубах и вызывающих боязливое недоумение окружающих, раскрывает ту бытовую обстановку, в которой протекало начало прогрессивной деятельности Петра.

Интересна «Боярская дума» Рябушкина (1893 год). В царском кресле сидит моло-

дой царь (по замыслу художника, Михаил Федорович), а напротив него — бояре, которые, по словам Катошихина, «...брады свои уставя ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по их великой породе и многие из них грамоте не ученые и не студерованные» (то есть не имеющие образования. — К. Ш.).

Некоторой стилизацией отмечено его более позднее произведение — «Едут» (1901 год), — показывающее московскую толпу второй половины XVII века в ожидании проезда иностранного посольства, и «Семья кунца» (1896 год), в которой художник стремится дать типическую социальную характеристику московского «гостя» XVII века и его семьи.

Большая социальная заостренность наблюдается в творчестве С. В. Иванова. Его «Царь» (1903 год), едущий в окружении стрельцов «стремянного полка» для «оберегания», дан в плане почти политического памфлета, не снижающего в то же время реальности образа. Не даром это произведение было отрицательно встречено реакционной критикой.

Совсем иным отношением к изображаемому отмечено его полотно того же года — «Поход москвитян», изображающее русское войско первых десятилетий XVII века в походе. Оторвавшись от своих повседневных занятий, явились они «конны, людны и оружны» на защиту страны. Пестро вооруженные и одетые, они тем же менее пред-

А. П. Рябушкин. «Семья купца», 1896 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

ставляли грозную силу, отличаясь своей храбростью и выносливостью. Посторонний наблюдатель — современник, англичанин Ченслер, — отмечал, что немного найдется «между нашими хвастливыми вошнами таких, которые могли бы пробыть с ними в поле хотя бы месяц».

Творчество Иванова не ограничивалось историко-бытовыми произведениями. Он отразил также и революцию 1905 года в ряде созданных им в это время полотен, среди которых особенно примечателен «Расстрел». Серая улица, коробки каменных домов, дым оружейного зала с одной стороны, яркое пятно красного знамени над толпой — с другой, и на переднем плане — убитый рабочий.

Рябушкин и Иванов в общем ограничивали свою историческую тематику XVII веком. XVIII век в это время привлекал внимание художников, организованных в группу «Мир искусства», наиболее выдающимися представителями которой являлись А. П. Бенуа, К. А. Сомов, М. В. Добужинский и Е. Е. Лансере. Прошлое для них — скорее предмет мечтательного любования, чем объект образного осмысливания. Отсюда известный эстетизм и стилизация. Но тем не менее их произведения не лишены исторической правды, особенно те, которые написаны на темы национального русского прошлого.

Картина Александра Бенуа «Вахтпарад при Павле I» (1907 год) очень остро и правильно характеризует в единичном эпизоде время царствования Павла I; в его «Петербургской улице при Петре I» (1910 год) за бытовыми моментами ощущается кипучая деятельность в создании нового. «Выход императрицы Елизаветы Петровны в Царском Селе» Лансере (1905 год) прекрасно передает общий характер придворного быта того времени, а полотно Добужинского «Город в Николаевское время» раскрывает русскую провинцию 30-х годов. Все эти произведения ставят своих авторов в ряды интересных исторических живописцев.

Одно время к группе «Мир искусства» примыкал В. А. Серов, у которого реалистическая устремленность выражена гораздо определеннее. Образ Петра I, очень привлекавший художника, был им разработан в его произведениях на исторические темы. Особой выразительности в передаче образа Петра Серов достиг в полотне 1907 года «Петр I». Полный волевого напряжения и целеустремленности, шагает Петр по строящемуся Петербургу.

Серов так же, как и Иванов, отразил в своих произведениях революционную борьбу 1905 года. Его эскиз «Похороны Баумана» (1905 год) с большой силой передает ту мощную революционную демон-

В. А. Серов. «Петр I». 1907 год.

Выставка «Русская историческая живопись».

страцию, в которую вылились похороны убитого черносотенцами большевика Баумана и которая сыграла большую роль в развитии революции 1905 года.

* * *

Широк круг тем, охваченных русской исторической живописью, и бесконечно богато содержание, раскрываемое в них русскими историческими живописцами. Почти все значительные события прошлого нашей родины, особенно связанные с героической борьбой русского народа за национальное, самостоятельное существование, за целостность и единство своей страны, все основные этапы ее развития нашли в русской исторической живописи свое выражение.

Однако русская историческая живопись недостаточно полно отразила революционную борьбу русского народа: крестьянские войны, движение декабристов, революцию 1905 года. Она не могла этого сделать в условиях царской России. И наши советские художники должны восполнить этот пробел, раскрыв в художественных образах революционную борьбу русского народа, которую он героически вел во главе и совместно с другими народами, населяющими нашу страну, и в результате которой наша советская, социалистическая родина, руководимая партией Ленина — Сталина, является теперь самой сильной и самой счастливой страной во всем мире.

Р. Голубева

М. ЛУРЬЕ «Петроградская Красная гвардия». Под ред. В. А. Быстринского. Ленинградский институт истории ВКП(б). 1938. 224 стр. 5 р. 25 к.

Рецензируемая книга по своей теме, несомненно, отвечает назревшей потребности трудящихся масс в работе, которая освещала бы роль петроградской Красной гвардии в Великой пролетарской революции.

В девяти главах, на которые разделена книга, автор освещает следующие вопросы: Ленин и Сталин о Красной гвардии, организация Красной гвардии, Красная гвардия в период революционной мобилизации масс и в период корниловщины, Красная гвардия накануне и во время Октябрьского вооруженного восстания, а также после него.

К книге приложен ряд документов, главным образом уставы Красной гвардии, составленные в различные моменты 1917 года.

Во введении автор кратко останавливается на характеристике общей политической ситуации в стране в связи с прошедшей в феврале буржуазно-демократической революцией. Опираясь на Апрельские тезисы Ленина и некоторые другие ленинские документы того времени, автор объясняет принятый партией курс на социалистическую революцию несмотря на предательскую меньшевистско-троцкистскую линию группы Каменева.

Затем в первой главе автор касается высказываний Ленина и Сталина о боевой работе большевистской партии в революции 1905—1907 годов, о Красной гвардии, о том значении, какое ей придавали.

Из последующих глав мы узнаем, как шло вооружение пролетариата в февральские дни 1917 года, как развертывалась организация Красной гвардии. Автор подчеркивает огромное значение большевистской партии как организатора Красной гвардии.

В частности он довольно подробно разбирает известный по прежним публикациям эпизод созыва в апреле петроградской общегородской конференции красногвардейцев. На этой конференции большевики столкнулись с соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров. Выступивший от имени исполкома Петросовета меньшевик Юдин решительно высказался против ор-

ганизации Красной гвардии, квалифицируя ее как вредную большевистскую затею. Посланная конференцией делегация в исполком совета получила решительное подтверждение запрещения организации Красной гвардии, а меньшевистская партия обязала своих членов не принимать в ней участия.

Интересны, хотя совсем не новы, страницы, посвященные борьбе с капиталистами по вопросу об оплате красногвардейцев.

Затем автор, останавливаясь на различных этапах революции, попутно касается вопроса об участии Красной гвардии в них.

Представляют интерес благодаря некоторой повизне материала те главы (6 и 7), в которых говорится об организации Октябрьского восстания, его проведении, о послеоктябрьских боях Красной гвардии с бандами Краснова — Керенского, а также с контрреволюционной Центральной Радой, калединцами и корниловцами.

Заканчивается книга рассказом о переходе от Красной гвардии к Красной Армии.

Огромное значение Красной гвардии прекрасно охарактеризовано следующим высказыванием товарища Сталина, приведенным в книге на стр. 147: «Выдающуюся роль в Октябрьском восстании сыграли балтийские матросы и красногвардейцы с Выборгской стороны. При необычайной смелости этих людей роль Петроградского гарнизона свелась главным образом к моральной и отчасти военной поддержке передовых бойцов».

Однако порядок изложения автором своей темы не может не вызвать возражений. Книга представляет собой изложение скорее общего хода революции, и в каждую главу вкраплен в большей или меньшей степени материал о петроградской Красной гвардии. Безусловно, тему о Красной гвардии нельзя излагать вне связи с общим ходом революции. Но вопрос в том, как надо подать материал читателю. Поскольку книга посвящена вопросу о Красной гвардии, эта тема и должна была стоять в центре внимания автора, а другие события и факты революции несмотря на их исключительную важность должны приводиться или упоминаться как известные читателю. У автора же целые разделы посвящены пространному описанию тех или других вопросов Великой Октябрьской революции вне связи с темой книги. Характерен в этом отношении раздел, без которого никак не обойдешься в книге о Красной гвардии, об апрельской, июньской и июльской демонстрациях, в которых огромное участие при-

нимала Красная гвардия. Этот раздел построен как описание самых демонстраций, но не как часть, трактующая об участии Красной гвардии в этих демонстрациях. Поэтому о Красной гвардии мы находим здесь один — два абзаца общего характера, в которых утверждается, что «Красная гвардия уже тогда являлась силой, которой опасалось буржуазное правительство и его меньшевистско-эсеровские лакеи» (стр. 44), но никакими цифрами и фактами это не подтверждено.

В предисловии тов. Быстрицкий пишет, что книга М. Лурье основана на неизвестных до сих пор архивных и литературных материалах. Между тем почти весь литературный материал, приведенный в рецензируемой книге, давно известен и цитировался не раз и не одним автором; что же касается архивного материала, то он также в подавляющей своей части опубликовывался, в том числе и самим М. Лурье (см. его статьи «Из истории Петроградской Красной гвардии в 1917 году», «Красная летопись» № 5—6. 1932; «Октябрьская конференция Красной гвардии Выборгского района», «Борьба классов» № 11—12. 1932; «Петроградская Красная гвардия в борьбе за Великую пролетарскую революцию», «Борьба классов» № 11. 1935; «Красная гвардия Петрограда», «Исторический журнал» № 5. 1937).

Кое-что новое мы находим среди материала глав 6-й и 7-й, посвященных описанию участия Красной гвардии в Октябрьском восстании и в боях, последовавших за ним.

Из 10 помещенных в приложении к книге документов только 3 можно считать впервые публикуемыми в исторической литературе (уставы Красной гвардии Нарвского района и завода Сименс-Шуккерт, а также положение об охране Петрограда).

Мы уже говорили о неудачном построении книги, в силу чего процесс развития Красной гвардии часто теряется в изложении общего хода революции. Но мало этого, автор не дает нам периодизации истории Красной гвардии, которая обосновала бы, как и почему именно тот или иной этап революции вызывал соответствующие изменения структуры и форм Красной гвардии. В силу отсутствия научного анализа материалов читатель, ознакомившись с книгой, не сможет ясно представить себе, как была на деле организована Красная гвардия в разные моменты своего существования и как были построены различные службы ее (продовольственная, санитарная и т. д.), ибо уставы Красной гвардии и резолюции еще не отражали полностью действительного состояния этой организации. Книга не претендует на научно-исследовательскую работу, но и для на-

учно-популярного исторического очерка важно не только приведение фактов и справок, хотя бы архивных, но чрезвычайно важно объяснение этих фактов, анализ их. Без этого нет истории.

Отсутствие продуманности самой проблемы Красной гвардии приводит к тому, что автор дает неправильное освещение событий. Так например наличие в составе Временной комиссии 3 меньшевиков и 2 большевиков, организовавших 28 апреля 1917 года общегородскую конференцию красногвардейцев, он объясняет тем, что меньшевики и эсеры, избравшие эту комиссию 17 апреля, решили сманеврировать, согласившись на организацию Красной гвардии. И в последующем описании работы этой комиссии и самой конференции 28 апреля автор рисует якобы существовавшую в рядах меньшевиков и эсеров сплоченность в их отрицательном отношении к вопросу о Красной гвардии.

На самом деле единодушия и сплоченности в их рядах не было. В то время как меньшевистская «Рабочая газета» еще в марте проагандировала отрицательное отношение к организации Красной гвардии, на предприятиях меньшевики участвовали в ней, сами создавали боевые дружины (например печатники) и т. д. На самой же красногвардейской конференции эта разногласия между «верхами» и «низами» меньшевистской партии также довольно резко выявилась. Поэтому-то конференция не поверила официальному представителю исполкома совета Юдину и избрала делегацию, в которой участвовали меньшевики — члены Временной комиссии, — и эти меньшевики резко спорили в исполкоме совета с лидерами меньшевистской партии Даном и Богдановым.

Или вот другой пример недостатка историзма у автора. На стр. 66 автор утверждает, что после июльских дней «вплоть до конца августа, до разгрома корниловского мятежа, Красная гвардия как легальная организация не существовала. Лишь в дни разгрома корниловского мятежа Красная гвардия выходит из подполья».

Это совершенно неверно. И неправильность этого положения подтверждает все изложенное самим автором на предыдущих страницах, где он приводит факты, свидетельствующие о том, что контрреволюции не удастся после июльских дней разоружить Красную гвардию, которая продолжает существовать в виде заводской милиции и добивается даже в это время оплаты за дни дежурства. Какая же это нелегальная организация, и как она могла выходить из подполья?

Такая организация, как рабочая Красная гвардия, не может существовать в нелегальных условиях. Ее создание и разви-

тие было возможно только при определенной непосредственно революционной ситуации, когда враги пролетариата, в том числе буржуазное правительство, были фактически бессильны запретить ее. Ведь, как следует из сообщений автора, Красная гвардия никогда не признавалась Временным правительством, исполком совета с самого начала был против Красной гвардии и не разрешал ее.

Кстати, легализуется Красная гвардия, что вовсе не значит «выходит из подполья», не в конце августа, а позже, когда совет был большевистским и создал Центральную комендатуру и отдел Красной гвардии.

О недостаточности историзма у автора свидетельствует и то, что он рассматривает уставы Красной гвардии как документы, рисующие будто бы действительную картину организации Красной гвардии. На самом деле ни один устав — даже Выборгского района, в котором особенно заметно стремление дать наиболее гибкую схему организации, — не проводился полностью в жизнь. Автор игнорирует неоднократные заявления в печати участников Красной гвардии на этот счет. Точно так же неправильно поступает тов. Лурье, когда рассматривает положение Главного штаба Красной гвардии о всеобщей красногвардейской повинности как нечто реальное. В действительности это был только проект, к осуществлению которого тогда еще не думали приступить.

О других недостатках скажем кратко. Так, в первых главах, касающихся периода зарождения Красной гвардии, автор недостаточно четко и ясно освещает весьма сложный процесс зарождения Красной гвардии; лишь мельком он касается таких вопросов, как систематическая, на всем протяжении керенщины, борьба Временного правительства в лице Главного управления милиции за слияние рабочей Красной гвардии с общегородской милицией. У автора на это имеются лишь беглые указания. Между тем Главное управление милиции находило себе энергичную поддержку в лице Городской думы. Кроме того попытки свести на-нет рабочую Красную гвардию делались не только в связи с разоружением рабочих.

В главе 4-й недостаточно освещается настроение рабочих во время борьбы с корниловщиной. Автор ограничивается одними резолюциями и материалами, относящимися к Петросовету, межрайонному совещанию и т. д. Совсем почти не используются мемуары участников Красной гвардии и другой материал, который более не-

посредственно передавал бы положение вещей на местах и в массах.

Наиболее слаба последняя глава. В ней крайне поверхностно обрисован переход Красной гвардии к Красной Армии.

Совершенно не использованы прежние работы по этому вопросу и новейшие публикации. Автор не коснулся вопроса о значении петроградской Красной гвардии в деле создания Красной Армии. Отряды Красной гвардии послужили основой формирования частей Красной Армии.

В рецензируемой книге есть и некоторые весьма досадные пробелы. Так, о пролетарском Красном кресте почти ничего не сказано, если не считать нескольких беглых упоминаний о санитарках этой организации. Между тем роль пролетарского Красного креста, состоявшего почти из одних женщин, в истории Красной гвардии довольно значительна, самая структура организации оригинальна, а история возникновения и развития весьма интересна. Все это заслуживает если не главы, то специального раздела.

В книге не уделено надлежащего внимания военной организации при ЦК и ЦК партии («военка»). Автор недооценивает ее значения, несмотря на то что в разных местах книги сообщается, что ею посылались на заводы солдаты-инструктора, в предоктябрьские дни были устроены 10-дневные курсы и т. д. Следовало бы познакомить читателя с тем, что собой представляла «военка», как и почему содействовала она организации Красной гвардии не только в послеполюские дни, но и ранее.

Следовало бы пристальнее изучить эту организацию с точки зрения историка Красной гвардии. Тогда, безусловно, нашлось бы немало поучительных данных, в частности для установления роли и удельного веса солдат и рабочих в осуществлении Октябрьского восстания.

Автор в своей работе пользуется I томом «Истории гражданской войны». Излагая содержание отдельных разделов, он приводит оттуда выдержки, однако не всегда ссылаясь на источник. Укажем на такие места: I том ИГВ (массовое издание), стр. 242, абз. 3, у Лурье — стр. 15, абз. 7; I том ИГВ, стр. 246, абз. 8, у Лурье — стр. 24, абз. 5; I том ИГВ, стр. 248, абз. 6, у Лурье — стр. 28, абз. 3.

Несмотря на указанные недостатки и недоработанность книга М. Лурье может быть все же полезна читателю, так как в ней сведен сравнительно большой материал о петроградской Красной гвардии.

Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы). Ашхабад. Туркменское гос. изд-во. 1938. 319 стр. 4 р. 25 к.

После захвата в 1885 г. быв. Закаспийской области царизмом началась безудержная эксплуатация туркменского населения (захват бедняцких и середняцких земель, колонизация края кулачеством, вооружение его). В начале империалистической войны была произведена массовая реквизиция туркменского скота. Затем 25 июня 1916 г. последовал указ о мобилизации на тыловые работы и самого коренного населения Туркмении. Широкие массы трудящегося населения Туркмении ответили на этот указ восстанием, которое длилось более полугода и было жестоко подавлено карательной экспедицией генерала Мадригова (политику которого, кстати сказать, продолжало в Туркмении и Временное правительство).

В составленном Туркменским институтом истории сборнике помещено 163 документа, характеризующие восстание 1916 г., и краткое предисловие (стр. 3—25) — «Предпосылки восстания».

На стр. 304 — 308 приведена литература, посвященная туркменскому восстанию.

ГУГУШВИЛИ П. В. Сельское хозяйство и аграрные отношения в Грузии. Том I. Дореформенный период. Тбилиси. Изд. Гос. университета имени Сталина. 1938. 729 стр. 13 р.

Сборник состоит из трех основных разделов: I. Сельское хозяйство. II. Аграрные отношения (последняя, XVIII глава этого отдела посвящена документам по аграрной политике, проводившейся в Грузии царским самодержавием). III. Аграрно-массовые движения (восстания в Кахетии в 1812 г., в Грузии в 1841 г., в Мингрелии в 1857 г., в Кутаисском уезде в 1858 г. и снова в Грузии в 1862 г.). В приложении даны ряд статистических таблиц и указатели (географических имен, собственных имен и предметный).

Некоторые материалы даны на грузинском языке.

История XIX века. Под ред. проф. ЛАВИССА и РАМБО. Перевод с французского. 2-е изд., дополн. и исправлен. Под ред. акад. Е. В. Тарле. Соцэкгиз. 1938. 7 р. 50 к. за том.

Первое издание этого капитального труда вышло в свет, как известно, в 1937 году (в 8 томах).

Оно имело ряд существенных недостатков: 1) издание было выполнено путем простой перепечатки с дореволюционного

издания Граната, без сверки его с оригиналом; 2) старая редакция издания сделала ряд кунюр (в частности были выброшены все главы по истории России, вся библиография); 3) издание было лишено всякого научно-вспомогательного аппарата и вводной статьи, дающей общую оценку капитального труда буржуазных ученых; 4) перевод был сделан довольно тяжеловатым языком, а в ряде мест был неправилен.

Все эти недочеты устранены во 2-м издании, выходящем под ред. акад. Е. В. Тарле. Перевод заново сверен с последним французским изданием (1924 — 1926) и дан в полном виде. Библиография исторической литературы восстановлена и пополнена новейшими изданиями. В каждом томе дана дополнительная обширная библиография высказываний Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о лицах и событиях, освещаемых в данном томе. Библиографии предшествуют обширные хронологические таблицы, отсутствующие во французском издании. Дано много иллюстраций, портретов, карт. В каждом томе имеется именной указатель. Наконец, издание снабжено обширным предисловием акад. Е. В. Тарле, в котором дана политическая характеристика XIX века, а также научная и политическая оценка труда Лависса и Рамбо, разбор его достоинств и недостатков, а также обзор старой и новой библиографии по истории XIX века. Отдельные ошибки и неправильные указания авторов исправлены особыми примечаниями, дающими марксистско-ленинское освещение событий.

ТУРНЭС Р. Фош и победа союзников 1918 года. Перевод с французского. Воениздат. 1938. 268 стр. 3 р. 50 к.

Книга французского генерала Турнэса взята из серии «История мировой войны», которая начала выходить во Франции с 1936 года. Она представляет значительный интерес, так как последний год мировой войны сравнительно мало освещен в военно-исторической литературе. Автор разбирает подготовку и ход сражения 1918 г. почти исключительно с точки зрения оперативного искусства. Вместе с тем автор нередко выходит за рамки «чисто военной» истории, освещая внутреннее состояние воюющих стран (очень большой фактор организации победы, по справедливому мнению автора).

По форме изложения книга доступна не только для командного и начальствующего состава РККА, но и для гражданского читателя, интересующегося историей первой империалистической войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. МАНДЕЛЬШТАМ — Сталинский этап в марксистско-ленинской науке о государстве	1
М. МОСКАЛЕВ — Борьба Ленина с „легальным марксизмом“	12
Е. РУБИНШТЕЙН — Замечательный программный документ коммунизма (о произведении К. Маркса „Критика Готской программы“)	24

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

С. МАКАШИН — М. Е. Салтыков-Щедрин	33
В. КИРПОТИН — Борьба М. Е. Салтыкова-Щедрина с реакцией 80-х годов	43
П. СОФИНОВ — М. Е. Салтыков-Щедрин в вятской ссылке	51
В. САМОЙЛОВ — Народный герой Иван Сусанин	58
Е. ШУТОЙ — Народное восстание на Украине против панской Польши в 1637—1638 годах	65
В. ВИРГИНСКИЙ — Багдадская железная дорога (Берлин — Босфор — Багдад)	81

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

Д. ЕФИМОВ — Художественная литература на уроках истории СССР (Из опыта работы в 10-м классе)	91
П. ПЛЕТНЕВ — Художественная литература на уроках истории СССР (Из опыта работы в 8—9-м классах)	95

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Е. ЧЕРМЕНСКИЙ — I Государственная дума	97
В. Пичета — О рабовладельческих обществах на территории СССР	110
К. ШМИДТ — Русская историческая живопись	112

БИБЛИОГРАФИЯ

Р. ГОЛУБЕВА — М. Лурье „Петроградская Красная гвардия“	124
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ОПЕЧАТКИ

В настоящем номере нашего журнала, на стр. 12, левая колонка, первая строка снизу, в части тиража пропущено слово; стрску следует читать: «Но эту борьбу и знамя марксизма они пытались использовать...»

На стр. 56, правая колонка, 7 строка сверху, написано: «Шфюеля», следует читать: «Шерюеля».

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. Волин**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр. — **О. С. Вейланд**

Уполномоченный Главлита № А—7716   Изд. № 416   Зак. № 1095   Тираж 55 000
Материал сдан в набор 7/IV 1939 г. Подписан к печати 26/IV 1939 г. 8 печатн. л. 70 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.